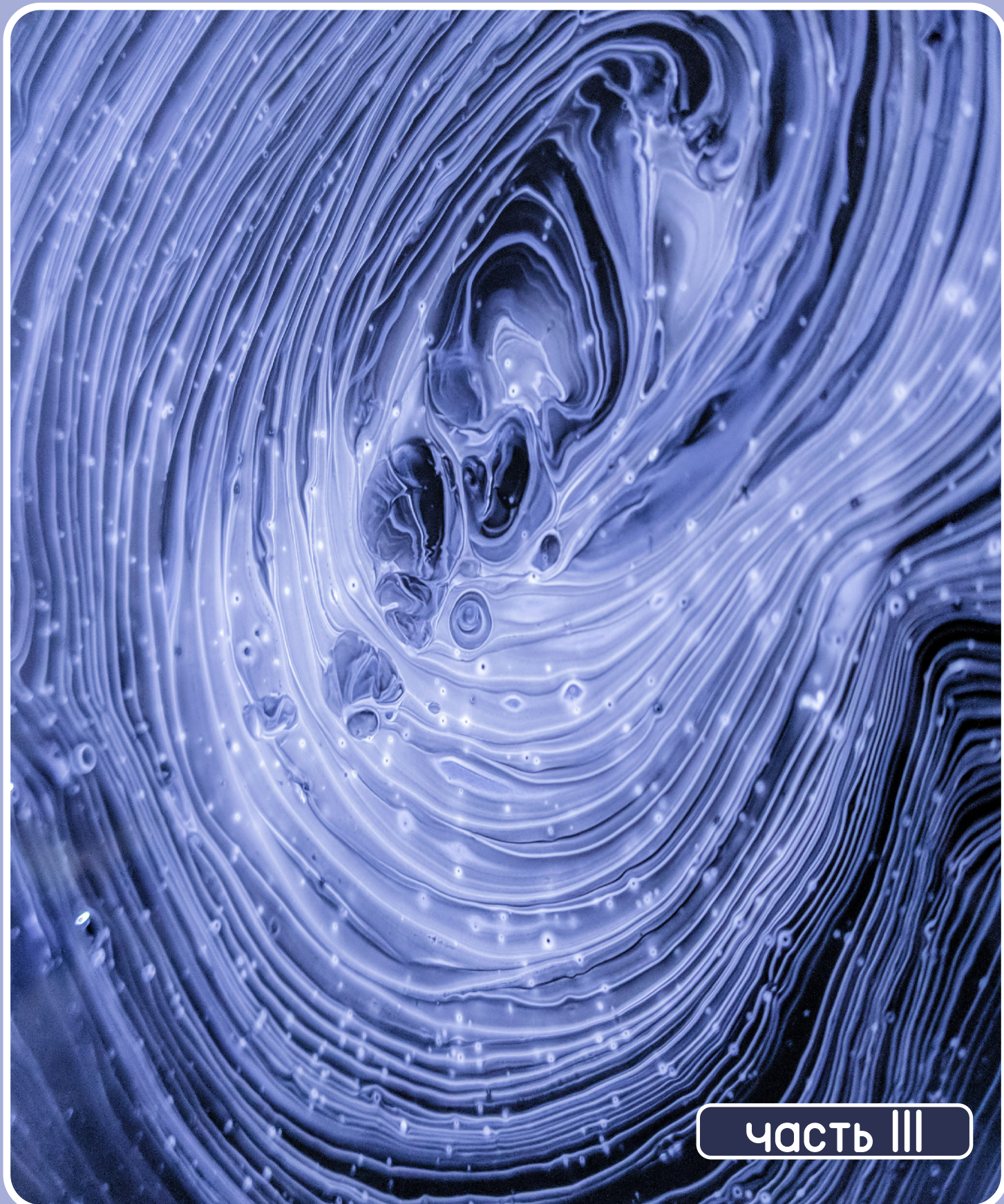

АП:И

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 25 (311), 2026 // apni.ru

часть III

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 25 (311)

Часть III

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Зуфарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хайтова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Юсупова Феруза Зойировна, доктор философии (PhD) (Навоийский государственный горно-технологический университет)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Айбазова Ф.Х.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СЕТИ
ИНТЕРНЕТ 6

Рябинков А.П., Манелиз З.С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ТАТУИРОВКИ..... 9

Хабыев Х.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ (СТАТЬЯ 159.6 УК РФ) 14

Шкловчик В.Д.

РЕНТА КАК ВИД АЛЕАТОРНЫХ СДЕЛОК..... 17

Шкловчик В.Д.

СТРАХОВАНИЕ КАК ВИД АЛЕАТОРНЫХ СДЕЛОК 20

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Дмитриев Д.А.

БАРЬЕРЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ 24

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Галаева М.Р.

МЕСТО И РОЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ
ИНГУШЕТИЯ 28

Плашко Е.С.

ЭКСПОРТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ
ЭКОНОМИКУ..... 34

Рязанов А.Д.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ
ОТРАСЛИ..... 40

Рязанов А.Д.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ
ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО
КОМПЛЕКСА 44

Сизов А.Е.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ:
РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
МЕНЕДЖМЕНТА 50

ПЕДАГОГИКА

Банушкин О.Н.	
ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ.....	56
Дегтярева А.Л.	
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ 5-6 КЛАССОВ К РЕШЕНИЮ ОЛИМПИАДНЫХ ЗАДАЧ ПО МАТЕМАТИКЕ.....	63
Маркова Ю.Н., Барабашев С.В., Родченко А.Г., Лялин В.В., Васянович М.А.	
ИНТЕГРАЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ОБУЧЕНИИ: КАК СВЯЗАТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ С ПРАКТИЧЕСКИМИ.....	67
Погореленко А.П., Мишурова Г.В.	
РОЛЬ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО СЛУХА В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВИЛЬНОЙ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ	71

ПСИХОЛОГИЯ

Астахова К.М.	
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ	74
Ростовщикова К.О., Терелянская И.В.	
САМООЦЕНКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СУБКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	78

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Бекасова Э.А.	
ВЛИЯНИЕ РЕГУЛЯРНЫХ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕШНОСТЬ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА (АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	84
Березин А.А., Осинин А.И.	
ФИДЖИТАЛ-СПОРТ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ИСТОРИЯ, СТРУКТУРА И ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ	87

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АЙБАЗОВА Фатима Хасанбиевна

студентка, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

*Научный руководитель – ассистент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
Писковатский Данил Александрович*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные криминалистические проблемы расследования преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет. Исследуются уголовно-правовые и криминалистические особенности киберпреступлений, анализируются проблемы обнаружения, фиксации и исследования цифровых следов, а также вопросы методического, кадрового и международного обеспечения расследования. Особое внимание уделяется перспективам совершенствования деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия киберпреступности, включая развитие цифровой криминалистики, стандартизацию работы с цифровыми доказательствами и внедрение современных информационных технологий.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровая криминалистика, цифровые следы, расследование преступлений, компьютерная информация, сеть Интернет, цифровые доказательства, криминалистика, кибербезопасность, информационные технологии.

Введение

Стремительное развитие информационных технологий и повсеместное распространение сети Интернет коренным образом изменили не только повседневную жизнь общества, но и криминогенную обстановку в мире. Цифровая криминалистика сегодня является одним из основных направлений криминалистики XXI века, поскольку большинство преступлений совершается с использованием информационно-коммуникационной сети Интернет. Киберпреступления представляют собой действия противоправного характера, осуществляемые с использованием информационных технологий, которые нацелены на нанесение ущерба физическим или юридическим лицам, государственным структурам или получение незаконной выгоды. Успешное расследование подобных деяний невозможно без квалифицированного подхода к сбору и изучению цифровых следов, что требует разработки новых криминалистических методов и подходов.

Уголовно-правовая характеристика преступлений в сети Интернет

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в главе 28. Ключевыми составами являются: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации (ст. 274 УК РФ). Кроме того, сеть Интернет выступает в качестве квалифицирующего признака при совершении многих традиционных преступлений, таких как мошенничество, доведение до самоубийства, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и др.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 содержит важные разъяснения по вопросам судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, совершенных с

использованием сети Интернет. Согласно данному документу, под компьютерной информацией понимаются любые сведения, представленные в виде электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, а к компьютерным устройствам относятся любые электронные устройства, способные выполнять функции по приёму, обработке, хранению и передаче информации.

Криминалистическая характеристика киберпреступлений

Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в сети Интернет, включает в себя такие элементы, как способ совершения преступления, личность преступника, обстановка совершения преступления, предмет преступного посягательства и следовая картина. Ключевыми инструментами совершения данных преступлений выступают киберпространство, информационно-коммуникационные сети и технические средства компьютерной обработки данных.

Основные характеристики киберпреступлений, определяющие специфику их расследования, включают:

- технологичность – возможность совершения преступлений благодаря применению современных технологий и информационных систем;
- анонимность – способность злоумышленников сохранять анонимность, что значительно затрудняет их идентификацию;
- глобальность – возможность совершения преступлений из любой точки мира, что придаёт им транснациональный характер;
- масштабируемость – способность причинять значительный ущерб большому числу жертв за короткие промежутки времени;
- динамичность – постоянное развитие вместе с технологиями, требующее от правоохранительных органов непрерывного обучения и адаптации.

Криминалистические проблемы расследования

Проблемы обнаружения и фиксации цифровых следов. Цифровые следы представляют собой информацию, зафиксированную с использованием электронных устройств, способную выступать в качестве доказательства в ходе расследования противоправных действий. Их ключевыми характеристиками выступают возможность многократного копирования без ущерба для целостности оригинала и высокая степень уязвимости, позволяющая быстро

модифицировать или уничтожить как первичные данные, так и их копии. Основные проблемы в этой сфере связаны с недостаточной регламентацией процесса собирания цифровых данных, отсутствием единых национальных стандартов по их фиксации и анализу, а также дефицитом сертифицированных специалистов.

Проблемы методического и кадрового обеспечения. Имеющиеся правовые механизмы и методики расследования киберпреступлений зачастую не успевают адаптироваться под их эволюцию и трансформацию. Существуют негативные моменты применения цифровой криминалистики, связанные с нехваткой специалистов и экспертов в данной области знаний.

Проблемы трансграничного характера преступлений. Борьба с киберпреступностью является задачей международного масштаба, поскольку меры по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, не могут быть результативными лишь на национальном уровне в силу транснационального и трансграничного характера самой сети Интернет.

Перспективы совершенствования расследования

Современная криминалистическая наука предлагает ряд направлений повышения эффективности расследования киберпреступлений. К ним относятся: регламентация и алгоритмизация процесса собирания, хранения и использования цифровых данных, имеющих значение для уголовного дела; введение национальных стандартов по их фиксации и анализу; развитие систем сертификации специалистов; создание нейросетевого криминалистического кластера данных с возможностью оперативного поиска и анализа криминалистически значимой компьютерной информации.

Кроме того, на практике уже отмечаются положительные результаты: по данным МВД, в 2025 году число киберпреступлений в России впервые сократилось на 12%, а в 2026 году размер ущерба от таких преступлений уменьшился на 19%. Существенную роль сыграла профилактическая работа в школах и вузах, направленная на предотвращение вовлечения молодёжи в мошеннические схемы.

Заключение

Расследование преступлений в сети Интернет представляет собой сложную

многоплановую проблему, требующую комплексного подхода и постоянного совершенствования криминалистического обеспечения. Для повышения эффективности противодействия киберпреступности необходимо дальнейшее развитие теоретических основ криминалистической методики, внедрение передовых информационных технологий в деятельность правоохранительных органов, подготовка квалифицированных кадров в сфере цифровой криминалистики, а также укрепление международного сотрудничества. Только при условии системного решения указанных проблем возможно успешное противостояние современным вызовам в сфере цифровой преступности.

Литература

1. Архипов Д.Д., Гарцева Ю.Ю., Миллер В.Ю. К вопросу применения цифровой криминалистики в современных условиях // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 158-168.
2. Давыдов В.О. О некоторых проблемных аспектах и задачах криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // CyberLeninka, 2025.
3. Шаталов А.С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // CyberLeninka.
4. Харисова З.И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // CyberLeninka.
5. Харисова З.И. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации // Правовое государство: теория и практика, 2025.
6. Вернидубов А.И. Криминалистическая классификация киберпреступлений: структура и методологические подходы // Молодой учёный, 2024, № 19 (518). С. 100-102.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации...».
8. Михайлов Н.Н. Современные методы фиксации и анализа цифровых следов в киберпреступлениях // Молодой учёный, 2025, № 20 (571). С. 503-505.
9. Сванидзе З.З., Цепляева Е.В. Цифровые следы в расследовании преступлений // Молодой учёный, 2026, № 20 (623). С. 610-612.
10. Володин: ущерб от киберпреступлений уменьшился на 19% // Ведомости, 02.06.2026.

AIBAZOVA Fatima Khasanbievna

Student, North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

*Scientific Advisor – Assistant at the Department of Criminal Law and Procedure
of the North Caucasus Federal University Piskovatsky Danil Alexandrovich*

CRIMINALISTIC PROBLEMS OF INVESTIGATION OF CRIMES ON THE INTERNET

Abstract. *The article discusses the current criminalistic problems of investigating crimes committed using the Internet. The article examines the criminal law and criminalistic features of cybercrimes, analyzes the problems of detection, fixation and research of digital traces, as well as issues of methodological, personnel and international support for the investigation. Special attention is paid to the prospects for improving the activities of law enforcement agencies in the field of countering cybercrime, including the development of digital forensics, standardization of work with digital evidence and the introduction of modern information technologies.*

Keywords: *cybercrime, digital forensics, digital traces, crime investigation, computer information, Internet, digital evidence, criminology, cybersecurity, information technology.*

10.51635/AI-25-311_T9Ere

РЯБИНКОВ Андрей Павлович

студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

МАНЕЛИЗ Захар Сергеевич

студент,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ТАТУИРОВКИ

***Аннотация.** В статье исследуется правовая природа договора татуировки в контексте российского гражданского законодательства. Актуальность работы обусловлена отсутствием в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) поименованного договора татуировки, что порождает правовую неопределённость в отношениях между мастером и клиентом, осложняет разрешение конфликтов и защиту прав сторон.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, татуировка, договор подряда.*

Введение

Актуальность темы обусловлена отсутствием в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) поименованного договора татуировки. Это создаёт правовую неопределённость в регулировании отношений между мастером и клиентом, порождает спорные ситуации при разрешении конфликтов и защите прав сторон, а также создает неопределённость в квалификации данного договора.

Цель исследования – определить правовую природу договора татуировки, отграничить его от смежных договорных конструкций и выявить особенности регулирования авторских прав на создаваемый объект.

1. Предмет договора

Предмет договора – нанесение на кожный покров заказчика постоянного изображения (татуировки) путём введения красящего пигмента в дерму (глубокий слой кожи) с помощью специального инструмента.

2. Проблема отнесения договора татуировки к договору подряда или возмездного оказания услуг

Как было написано ранее Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит поименованного договора татуировки, что вынуждает правоприменителя прибегать к аналогии закона (ст. 6 ГК РФ). Ключевой вопрос

заключается в том, к какому типу гражданско-правовых договоров следует отнести данную сделку: к договору подряда (гл. 37 ГК РФ) или к договору возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ).

3. Аргументы в пользу квалификации как договора возмездного оказания услуг**3.1. Непредсказуемость конечного результата**

Татуировка представляет собой вмешательство в живой биологический объект – кожу человека. Результат процедуры зависит от комплекса факторов, которые невозможно полностью проконтролировать, то есть клиент имеет только общее представление о том, как будет выглядеть рисунок, но итоговый результат после заживления может отличаться от изначальной задумки клиента, например: цвета оказались не настолько яркими как ожидал клиент. Перейдем к факторам, которые могут повлиять на финальный вид работы:

1. Тип и текущее состояние кожи клиента (упругость, толщина, наличие рубцов, шрамов);
2. Текущее состояние организма клиента (ослабление иммунитета);
3. Индивидуальные особенности заживления (скорость регенерации тканей, склонность к гипертрофическим рубцам);

4. Реакция организма на используемые пигменты (риск аллергии, дерматита, инфекции);

5. Внешние факторы (воздействие ультрафиолета, механические повреждения в период заживления, температура окружающей среды, а также погодные условия).

Эти обстоятельства делают результат принципиально вариативным, что сближает татуировку с услугами, где акцент делается на процессе, а не на гарантированном материальном итоге.

3.2. Личностный характер исполнения

Татуировка создаётся мастером вручную с учётом анатомических, физиологических и эстетических особенностей клиента. Это исключает стандартизацию результата, характерную для договора подряда. Мастер адаптирует эскиз к форме тела, рельефу кожи, цветотипу, что превращает услугу в уникальный творческий процесс. Даже при использовании одного и того же эскиза итоговый результат будет отличаться у разных клиентов.

3.3. Отсутствие материального овеществлённого результата

Согласно ст. 702 ГК РФ, в договоре подряда результат работы – это вещь, которую можно передать заказчику. Татуировка, напротив, неотделима от тела клиента и не может быть «сдана» как самостоятельный объект. Она существует лишь в неразрывной связи с личностью заказчика, что характерно именно для услуг (ст. 779 ГК РФ).

3.4. Процессуальный, а не результативный характер сделки

В договоре возмездного оказания услуг исполнитель обязуется совершить определённые действия (нанесение изображения), тогда как в подряде это достичь конкретного результата. В случае татуировки клиент оплачивает процесс (время, навыки, материалы), а не гарантированный визуальный эффект, который может измениться со временем (выцветание, искажение контура).

4. Аргументы против квалификации как договора подряда

4.1. Несоответствие критерию чёткого, заранее определённого результата (ст. 702 ГК РФ)

Договор подряда предполагает, что подрядчик гарантирует достижение конкретного, измеримого результата, который можно оценить на момент сдачи. Но в случае с договором татуировки возникают два нюанса. Во-первых, даже

при точном копировании эскиза конечный вид татуировки будет зависеть от биологических особенностей кожи. Во-вторых, невозможно гарантировать долговечность, яркость, чёткость изображения из-за естественных процессов старения, изменения веса, воздействия внешних факторов.

4.2. Неприменимость нормы о риске случайной гибели или повреждения результата (ст. 705 ГК РФ)

По договору подряда риск до приёмки работы несёт подрядчик. Однако в случае татуировки существует ряд особенностей. Во-первых, мастер не контролирует поведение клиента после процедуры (уход, воздействие солнца, механическое повреждение). Во-вторых, биологические реакции организма (например, отторжение пигмента) не поддаются полному контролю со стороны исполнителя. Исходя из этих двух критериев, можно сделать вывод, что возложение полного риска на мастера противоречит объективным реалиям, и тем самым ухудшает правовые положения мастера ставя его в более слабое положение и возлагая на него фактически ответственность за то, на что он повлиять не может.

4.3. Отсутствие передачи обособленного объекта

Ключевым признаком подряда является передача вещи, созданной или обработанной подрядчиком. Татуировка не является вещью это модификация тела, которая не может существовать вне носителя. Это прямо противоречит ст. 128 ГК РФ, определяющей объекты гражданских прав.

4.4. Специфика предмета договора

Предметом договора подряда выступает работа, завершающаяся созданием результата. Предметом договора татуировки является деятельность мастера (нанесение пигмента, соблюдение техники безопасности, консультирование), что соответствует определению услуг в ст. 779 ГК РФ.

4.5. Доктринальная позиция, обосновывающая все вышеприведенную позицию

В своей работе Б. А. Борисов приводит такой пример: если кузнец куёт подкову, то это договор подряда, так как результатом работы является материальный объект (подкова), который можно передать заказчику. Если же человек обращается к лекарю за лечением, то это договор оказания услуг, поскольку результат (выздоровление) не является материальным объектом и неотделим от процесса оказания услуги.

5. Существенные условия договора

5.1. Техника исполнения

Указывается метод нанесения татуировки (ручная прорисовка, использование тату машинки, комбинированные техники), а также применяемые материалы (их состав, производители). Целью данного пункта является предупреждение возможности использования пигмента в состав, которого могут входить элементы, на которые у клиента может возникнуть аллергическая реакция. Также подобрать материалы, которые будут максимально, не травма опасны для клиента, а также дать понять клиенту, что при нанесении подобного рисунка в данной техники, будут использованы следующие инструменты, которые будут оказывать на кожу следующий эффект.

5.2. Эскиз

Должен быть зафиксирован в письменной или графической форме (фотография, цифровое изображение, набросок). С нашей точки зрения, в той части договора необходимо согласовать следующие аспекты. Во-первых, точное изображение, включая цветовую гамму, то есть клиент и мастера должны до начала сеанса иметь точное представления о том, какое изображение будет нанесено на кожу клиента. Во-вторых, авторские права на эскиз (если он разработан мастером, клиентом или третьим лицом), в случае заимствования изображения, сторона, которая предложила данный рисунок, обязана предоставить гарантии того, что данный рисунок не является чьей-то интеллектуальной собственностью. В-третьих, возможность внесения корректировок в процессе нанесения, в данном пункте рассматривается возможность на усмотрения/клиента с согласия противоположной стороны внесения неких корректировок непосредственно в сам рисунок с целью улучшения его качества, например использования другого цвета в силу реакции организма (аллергия, о которой клиент ранее не знал, на состав сегмента) или в изменения оттенка пигмента (после первого штриха мастер пришел к мнению, что в силу особенностей цвета кожа клиента в данном месте будет лучше смотреть темно-зеленый, а не изначально задуманный светло-зеленый, после согласования данного изменения с клиентом, мастер использовал его в работе). Следует учесть, что данные изменения не должны влиять на другие существенные условия.

5.3. Место нанесения

Уточняются место на теле клиента, на которое будет нанесено изображение, данное место следует согласовывать с учётом следующих пунктов: Во-первых, особенностей рельефа и толщины кожи, то есть естественный изгибов тела, а также различную толщину кожи на разных местах тела. Во-вторых, пожеланий клиента относительно видимости/скрытости татуировки, то есть расположения татуировки на видимом месте или наоборот скрытом, с учётом размера татуировки, примеры видных мест это лицо или кисти, пример скрытого места – это спина. В-третьих, возможные медицинские противопоказания (например, участки с рубцами, родинками).

5.4. Размер татуировки

В данном пункте необходимо согласовать финальный вид на кожи, то есть примером согласования данного пункта может являться фото, на котором будет изображен финальный размер татуировки, но не в виде финального изображения, а в виде трансфера на кожи, либо макет рисунка на макете того, как будет выглядеть данное изображение с учетом индивидуальных габаритов клиента.

5.5. Цена (ст. 781 ГК РФ)

В данном условии ст. 781 ГК РФ будет применяться как в случае выполнения 1 сеанса по нанесению татуировки, так и в случае всего объема задача, т. е. нанесения рисунка полностью, в случае необходимости нескольких сеансов. Так же следует учесть, что в данном договоре цена будет не договорной, а твердой, за исключением случаев, когда клиент сознательно затягивал процесс и во время этого цена на материалы используемые при создании татуировки резко подорожали.

5.6. Сроки выполнения услуги

Сроки – временной промежуток, в течение которого мастер обязуется выполнить услугу. В рамках данного договора следует рассматривать не конкретный временной промежуток, а количество сеансов и промежуток перед ними. Таким образом срок в данном договоре будем выражен в следующих формах: одноразовое нанесение (для небольших татуировок), несколько сеансов (для масштабных работ, сложных эскизов, коррекции) и промежутки между сеансами (обусловлены медицинскими показаниями, а именно необходимостью заживления кожи) или возможностью клиента, или мастера, например большое количество других клиентов у мастера или занятость клиента на работе.

5.7. Условия о предварительном осмотре

В данном условии рассматривается возможность проведения началом сеанса, во время которого мастером будет проводиться проверка состояния кожи клиента (упругость, наличие шрамов, родинок, дерматологических заболеваний), также опросить и разъяснить о наличии противопоказаний (таких, как аллергия на пигменты, сахарный диабет, кожные инфекции, и др.), а также отразить эти все эти детали в документе, во избежание дальнейших проблем.

Пример возможного выполнения данного условия и возможные этапы для выполнения данного условия.

Процедура осмотра включает: Во-первых, сбор анамнеза, мастер (в случае если мастер работает в одиночку) или другое уполномоченное лицо (в случае если мастер работает в студии, где есть возможность использовать другого работника для данных целей) запрашивает информацию о хронических заболеваниях, аллергиях, принимаемых лекарствах. Во-вторых, визуальный осмотр кожи. Оценивается её состояние, выявляются зоны, не рекомендуемые для татуировки. В-третьих, информирование клиента. Мастер разъясняет возможные риски, особенности ухода, вероятность осложнений.

В случае данного договора необходимо согласовать не только отдельные пункты, но и в целом привести в согласие все вышеприведенные пункты, так как все пункты имеют непосредственное взаимодействие друг с другом. Так же следует учесть, что не маловажную роль в итоговом виде рисунка играет процесс заживления данной работы. На данном этапе, по сути, формируется итоговый вариант данного рисунка. Следует учесть, что данный результат зависит от множества факторов начиная с состояния организма, например ослабленный организм в связи с простудными заболеваниями, заканчивая погодными условиями, например прямое воздействие солнечных лучей на самом татуировку. Следует заметить, что на указанные выше факторы мастер по нанесению татуировки ни как повлиять не может, хотя это непосредственно оказывает влияние на итоговый вид рисунка.

Вывод

На основе представленного текста можно сделать вывод, что договор татуировки наиболее корректно квалифицировать как договор возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ), а не

как договор подряда (гл. 37 ГК РФ). Это обусловлено спецификой отношений, возникающих при нанесении татуировки, и несоответствием их ключевым признакам подряда. В свою очередь мы бы хотели подчеркнуть следующие аспекты. Во-первых, стороны заключают соглашение, по которому исполнитель (мастер) обязуется оказать услугу, нанести татуировку, а заказчик (клиент) обязуется оплатить её. Во-вторых, предметом договора выступает не материальный результат, а процесс выполнения работы (нанесение изображения, консультирование, соблюдение техники безопасности и т. д.). В-третьих, оплата производится за совершение определённых действий и предоставление услуги, а не за гарантированный визуальный результат. В-четвертых, к отношениям сторон применяются нормы главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг, в т. ч. ст. 779 ГК РФ (определение договора возмездного оказания услуг), ст. 780 ГК РФ (исполнение услуги лично исполнителем, если иное не предусмотрено договором), ст. 781 ГК РФ (оплата оказанных услуг), ст. 782 ГК РФ (права сторон на односторонний отказ от исполнения договора). В-пятых, существенные условия договора должны включать: описание услуги (техника исполнения, эскиз, место и размер татуировки), цену, сроки выполнения, условия предварительного осмотра и иные значимые параметры. В-шестых, регулирование строится вокруг процесса оказания услуги с учётом её специфики в виде воздействия на живой организм, вариативности конечного результата и личной связи результата с телом клиента.

Литература

1. Борисов Б.А. Гражданское право: общая часть и обязательственное право: учебник. – М.: Юрайт, 2023. – 512 с.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2011. – 1055 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изм. и доп. – М.: Проспект, 2025. – 768 с.
4. Кабалкин А.Ю. Договор возмездного оказания услуг // Российская юстиция. – 1998. – № 3. – С. 14-18.

RYABINKOV Andrey Pavlovich

Student,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Moscow

MANELIZ Zakhar Sergeevich

Student, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

LEGAL REGULATION OF THE TATTOO PERFORMANCE CONTRACT

Abstract. *The article examines the legal nature of the tattoo contract in the context of Russian civil legislation. The relevance of the work is due to the absence of a named tattoo agreement in the Civil Code of the Russian Federation (CC RF), which creates legal uncertainty in the relationship between the master and the client, complicates conflict resolution and protection of the rights of the parties.*

Keywords: *law, tattoo, contract.*

ХАБЫЕВ Хамит

студент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (СТАТЬЯ 159.6 УК РФ)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации, предусмотренного статьёй 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируется правовая природа данного состава, его соотношение со смежными нормами о хищении (статьи 158, 159, 159.3 УК РФ) и о преступлениях в сфере компьютерной информации (статья 272 УК РФ). Особое внимание уделяется влиянию реформы уголовного законодательства 2018 года и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. По результатам исследования формулируются предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, статья 159.6 УК РФ, квалификация преступлений, хищение, кибермошенничество, разграничение составов преступлений.

Введение

Стремительная цифровизация экономических отношений и широкое распространение дистанционных банковских сервисов закономерно привели к росту имущественных посягательств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Реагируя на эти процессы, законодатель Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) статьёй 159.6, установившей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

Вместе с тем за время действия данной нормы в науке уголовного права и в правоприменительной практике обнаружился ряд проблем, связанных прежде всего с её толкованием и разграничением со смежными составами преступлений. Низкие показатели применения статьи 159.6 УК РФ при одновременном росте числа дистанционных хищений свидетельствуют о наличии системных трудностей квалификации. Целью настоящей статьи является выявление основных проблем квалификации рассматриваемого деяния и формулирование предложений по их разрешению.

Правовая природа и место статьи 159.6 в системе норм о хищении

Согласно части 1 статьи 159.6 УК РФ под мошенничеством в сфере компьютерной информации понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём ввода, удаления, блокирования,

модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Уже из законодательной дефиниции усматривается основное противоречие данного состава. Классическое мошенничество (статья 159 УК РФ) предполагает в качестве способа хищения обман или злоупотребление доверием, то есть воздействие на сознание и волю человека, который под влиянием заблуждения сам передаёт имущество виновному. В статье же 159.6 УК РФ в качестве способа называется техническое вмешательство в работу компьютерных систем, не предполагающее обмана человека как такового. По этой причине в доктрине обоснованно высказывается мнение, что рассматриваемое деяние по своему механизму ближе не к мошенничеству, а к краже, поскольку имущество изымается помимо воли потерпевшего, а не выдаётся им добровольно.

Данное противоречие имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение: от того, как понимается способ совершения преступления, напрямую зависит выбор подлежащей применению нормы, объём вменяемого деяния и, в конечном счёте, назначаемое наказание.

Проблема разграничения со смежными составами преступлений

Центральной проблемой квалификации выступает отграничение мошенничества в сфере

компьютерной информации от смежных составов – кражи (статья 158 УК РФ), мошенничества с использованием электронных средств платежа (статья 159.3 УК РФ) и неправомерного доступа к компьютерной информации (статья 272 УК РФ).

Ключевым критерием разграничения статей 159.6 и 159 УК РФ следует признавать наличие или отсутствие обмана человека. Если виновный воздействует исключительно на работу компьютерной системы (например, путём изменения данных в программе или вмешательства в функционирование платёжного сервиса), содеянное охватывается статьёй 159.6 УК РФ. Если же обман направлен на самого потерпевшего, который, будучи введён в заблуждение, добровольно совершает перевод денежных средств, то квалификация по статье 159.6 УК РФ исключается.

Не менее сложным является соотношение со статьёй 272 УК РФ. Когда вмешательство в функционирование компьютерной информации сопряжено с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации, повлёкшим её модификацию или блокирование, содеянное, по преобладающему в науке мнению, требует квалификации по совокупности преступлений, поскольку названные нормы охраняют различные объекты – отношения собственности и отношения в сфере компьютерной безопасности.

Влияние реформы 2018 года и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ

Существенное влияние на практику применения статьи 159.6 УК РФ оказал Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ. Названным законом часть 3 статьи 158 УК РФ была дополнена пунктом «г», предусматривающим повышенную ответственность за кражу, совершённую с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств, а статья 159.3 УК РФ была изложена в новой редакции, охватывающей мошенничество с использованием электронных средств платежа. В результате значительная часть дистанционных хищений денежных средств, ранее тяготевших к квалификации по статье 159.6 УК РФ, была перераспределена между статьями 158 и 159.3 УК РФ, что закономерно сузило сферу применения рассматриваемой нормы.

Важные ориентиры для правоприменителя содержит постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о

мошенничестве, присвоении и растрате». В нём, в частности, разъяснено, что безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, признаются предметом хищения, а такое хищение считается оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счёта их владельца, в результате которого владельцу причинён ущерб. Данные разъяснения сместили акцент при квалификации на момент причинения имущественного ущерба и способ воздействия, что в совокупности с реформой 2018 года повлияло на снижение числа дел, квалифицируемых именно по статье 159.6 УК РФ.

О практических затруднениях красноречиво свидетельствует статистика: по данным судебной статистики, число лиц, осуждённых непосредственно по статье 159.6 УК РФ, остаётся незначительным на фоне общего количества дистанционных имущественных преступлений. Это указывает не столько на редкость самих деяний, сколько на сложность их корректной квалификации и тенденцию правоприменителя к использованию иных, более привычных составов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, конструкция статьи 159.6 УК РФ внутренне противоречива: будучи отнесённой законодателем к мошенничеству, она описывает способ совершения преступления, не предполагающий классического обмана человека, что порождает устойчивые трудности толкования. Во-вторых, основным критерием разграничения статьи 159.6 УК РФ со смежными составами выступает направленность воздействия – на компьютерную систему либо непосредственно на потерпевшего, – однако на практике этот критерий применяется непоследовательно. В-третьих, реформа 2018 года и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ существенно сузили самостоятельную сферу действия рассматриваемой нормы.

В целях повышения определённости уголовно-правового регулирования представляется целесообразным дальнейшее уточнение признаков объективной стороны состава, предусмотренного статьёй 159.6 УК РФ, а также выработка на уровне разъяснений высшей судебной инстанции единых, формализованных критериев его отграничения от кражи и иных видов мошенничества. Это будет способствовать единообразию судебной практики и более эффективной уголовно-правовой защите

отношений собственности в условиях цифровой экономики.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 49. – Ст. 6752.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный

закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 18. – Ст. 2581.

4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

5. Иванченко Р.Б., Малышев А.Н. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 165-171.

6. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. – Москва: Проспект, 2023. – 944 с.

KHABIEV Khamit

Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia, St. Petersburg

PROBLEMS OF FRAUD QUALIFICATION IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION (ARTICLE 159.6 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. *The article discusses the problems of fraud qualification in the field of computer information provided for in Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legal nature of this composition is analyzed, as well as its correlation with related norms on theft (Articles 158, 159, 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) and crimes in the field of computer information (Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation). Special attention is paid to the impact of the 2018 criminal law reform and the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the results of the study, proposals are formulated to improve law enforcement practice.*

Keywords: *fraud, computer information, Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualification of crimes, embezzlement, cyberbullying, differentiation of crimes.*

ШКЛОВЧИК Владислав Денисович

магистрант, Сибирский юридический университет, Россия, г. Омск

РЕНТА КАК ВИД АЛЕАТОРНЫХ СДЕЛОК

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию института ренты как алеаторной сделки в российском гражданском праве. В работе прослеживается историческая эволюция рентных отношений – от их становления в средневековой Европе и развития во французском праве до практики до-революционной России и полного исключения из оборота в советский период.

Ключевые слова: рента, договор ренты, алеаторная сделка, постоянная рента, пожизненная рента, пожизненное содержание с иждивением, рентные отношения, получатель ренты.

Институт ренты является одним из старейших в истории континентального гражданского права. Само слово «рента» восходит к латинскому «*reddita*» – «отданная обратно», – что отражает суть рентного отношения: передача имущества в обмен на право получать от приобретателя периодические выплаты в течение определённого срока или пожизненно. В средневековой Европе рента выступала инструментом получения регулярного дохода от земли и недвижимости и занимала центральное место в феодальной экономике. Французское право XVIII–XIX веков детально разработало конструкцию пожизненной ренты (*rente viagère*), в которой алеаторный элемент проявлялся наиболее ярко: срок жизни рентополучателя, от которого зависел общий объём выплат, был заведомо неизвестен сторонам в момент заключения договора.

В дореволюционном российском гражданском праве рентные отношения существовали на практике, хотя и не получили систематического законодательного закрепления в виде самостоятельного договорного типа. Г. Ф. Шершеневич, характеризуя рентные соглашения, определял их как рискованные договоры, в которых каждая из сторон может выиграть или проиграть в зависимости от стечения обстоятельств, не находящихся в её власти [4, с. 342]. Дореволюционные цивилисты И. А. Покровский и Д. И. Мейер обращали внимание на то, что алеаторность ренты, в отличие от пари, имеет объективный характер: неопределённость здесь связана не с искусственно сконструированной ситуацией, а с реальной непредсказуемостью продолжительности человеческой жизни.

В советский период договор ренты был фактически исключён из гражданско-правового оборота: ГК РСФСР 1922 и 1964 годов не

предусматривали его как самостоятельный договорный тип, что было обусловлено ограниченным оборотом объектов недвижимости и идеологическими соображениями. Лишь с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 года договор ренты получил полноценное нормативное оформление в главе 33 (статьи 583–605). Таким образом, современное российское законодательство впервые систематически урегулировало рентные отношения, закрепив три разновидности данного договора: постоянную ренту, пожизненную ренту и пожизненное содержание с иждивением.

Согласно пункту 1 статьи 583 ГК РФ, по договору ренты одна сторона (получатель ренты) передаёт другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определённой денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме. Договор ренты подлежит нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, – также государственной регистрации (статья 584 ГК РФ). В отличие от многих других договоров, регулируемых Гражданским кодексом, требование нотариального удостоверения является здесь императивным и не может быть изменено соглашением сторон, что отражает особое значение, которое законодатель придаёт рентным обязательствам как правоотношениям, непосредственно затрагивающим интересы социально уязвимых категорий граждан.

В соответствии с пунктом 1 статьи 585 ГК РФ имущество, отчуждаемое под выплату ренты, может быть передано получателем ренты в собственность плательщика ренты за плату или

бесплатно. Если имущество передаётся за плату, к отношениям сторон применяются правила о купле-продаже в части, не противоречащей существу договора ренты; если бесплатно – правила о дарении. Это положение существенно для понимания правовой природы ренты: договор ренты является смешанным, сочетающим элементы отчуждения имущества и длящегося алеаторного обязательства.

Квалификация договора ренты в качестве алеаторной сделки является устоявшейся позицией в российской цивилистической доктрине. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский прямо указывают, что рента является типичным алеаторным договором, поскольку ввиду неопределённости срока жизни получателя ренты ни одна из сторон не может заранее знать итогового объёма встречного предоставления. По мнению учёных, это фундаментальное свойство роднит ренту со страхованием и отличает её от традиционных возмездных договоров – купли-продажи, аренды, подряда [2, с. 614-616].

Е. А. Суханов также квалифицирует рентные обязательства как алеаторные, указывая, что экономический результат договора ренты для обеих сторон зависит от случайного обстоятельства – в первую очередь от продолжительности жизни получателя ренты или иного указанного им лица. При этом учёный подчёркивает, что данная неопределённость является имманентным, конститутивным признаком рентного обязательства, без которого договор ренты как самостоятельный договорный тип утрачивает смысл [3].

Алеаторный элемент постоянной ренты выражается в неопределённости суммарного объёма рентных выплат: поскольку договор является бессрчным, в момент его заключения невозможно установить, сколько выплат произведёт плательщик ренты в совокупности и как соотносится их общий объём со стоимостью переданного имущества. Вместе с тем статья 592 ГК РФ предоставляет плательщику постоянной ренты право на выкуп ренты, то есть на прекращение рентного обязательства путём единовременной выплаты выкупной цены. Часть исследователей – в частности, А. П. Сергеев и Ю. К. Толстой – высказывали сомнения в безусловном алеаторном характере постоянной ренты, указывая на возможность прекращения неопределённости посредством выкупа. Данная позиция, однако, не является бесспорной: право на выкуп предоставляется только плательщику и лишь при определённых условиях,

а в период до его реализации неопределённость суммарного объёма выплат сохраняется. Следовательно, постоянная рента обладает алеаторными характеристиками как минимум на весь период до возможного выкупа, а при неиспользовании права выкупа – в течение всего срока действия договора.

Изложенное позволяет сформулировать итоговые выводы относительно договора ренты как вида алеаторных сделок в российском гражданском праве. Договор ренты во всех своих разновидностях – постоянной, пожизненной и пожизненного содержания с иждивением – является алеаторной сделкой, поскольку объём встречного предоставления в виде суммарных рентных выплат принципиально неопределён в момент заключения договора и окончательно складывается лишь с прекращением рентного обязательства. Наиболее ярко алеаторный элемент проявляется в договорах пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением, где неопределённость связана с объективно непредсказуемой продолжительностью жизни получателя ренты. В договоре постоянной ренты алеаторный характер обусловлен бессрчностью обязательства и неопределённостью момента его возможного прекращения путём выкупа или по иным основаниям.

Вместе с тем договор ренты занимает особое место среди алеаторных сделок в силу своего выраженного социального назначения: он направлен на обеспечение имущественных потребностей получателя ренты, зачастую являющегося пожилым гражданином, нуждающимся в стабильном источнике дохода или надлежащем уходе. Именно это социальное измерение ренты предопределяет наличие в главе 33 ГК РФ ряда императивных норм, защищающих интересы получателя ренты: требования о нотариальном удостоверении, залоговом обеспечении, минимальном размере рентных выплат и специальных основаниях расторжения договора при нарушении обязательства плательщиком. Таким образом, рента является той алеаторной сделкой, в которой свобода договора и рисковый характер обязательства органично сочетаются с государственной защитой интересов социально уязвимой стороны – одной из отличительных черт современного российского гражданского права.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. – 4-е изд., стер. – Москва: Статут, 2002. – С. 614-616.
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2019. – Т. 3.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Вступ. ст. Е.А. Суханова. – М. : Статут, 2005. – С. 342.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – 3-е изд., испр. – Москва: Статут, 2003.

SHKLOVCHIK Vladislav Denisovich

Master's Student, Siberian Law University, Russia, Omsk

RENT AS A TYPE OF ALEATORY TRANSACTIONS

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive study of the institution of rent as an aleatory transaction in Russian civil law. The paper traces the historical evolution of rental relations, from their formation in medieval Europe and development in French law to the practice of pre-revolutionary Russia and their complete exclusion from circulation during the Soviet period.*

Keywords: *rent, rent agreement, aleatory transaction, permanent rent, lifetime rent, lifelong maintenance with a dependent, rental relationship, recipient of rent.*

ШКЛОВЧИК Владислав Денисович

магистрант, Сибирский юридический университет, Россия, г. Омск

СТРАХОВАНИЕ КАК ВИД АЛЕАТОРНЫХ СДЕЛОК

Аннотация. Статья посвящена исследованию договора страхования как алеаторной (рисковой) сделки в системе российского гражданского права. В работе прослеживается историческая эволюция института страхования – от его зачатков в античности и Средневековье до современного нормативного регулирования в России.

Ключевые слова: страхование, договор страхования, алеаторная сделка, страховой риск, страховой случай, страховая премия, страховая выплата.

Страхование является одним из древнейших и наиболее развитых правовых институтов, уходящих корнями в античность и средневековую торговую практику. Уже в правовых системах Древнего Востока и Средиземноморья существовали зачаточные формы взаимного возмещения убытков при морских перевозках и торговле. В европейской правовой традиции страхование получило устойчивое нормативное оформление в эпоху Средневековья: первые морские страховые полисы появились в итальянских торговых городах в XIV веке, а уже к XVII веку страхование распространилось на сухопутные перевозки, здания и жизнь людей. В России институт страхования начал развиваться в XVIII–XIX веках: в 1827 году было учреждено Первое Российское от огня страховое общество, а к концу XIX века страхование охватывало широкий спектр имущественных и личных рисков. Именно в этот период дореволюционные цивилисты – Г. Ф. Шершеневич, Д. И. Мейер, В. И. Серебровский – разработали теоретические основы страхового права, включая характеристику договора страхования как алеаторной (рисковой) сделки.

В современном российском гражданском праве страхование урегулировано главой 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (статьи 927–970) и специальным законодательным актом – Законом Российской Федерации от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Помимо этого, отдельные виды обязательного страхования урегулированы специальными федеральными законами: Федеральным законом от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской

ответственности владельцев транспортных средств» (ОСАГО), Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве» и рядом других нормативных правовых актов. Система страхового права России таким образом формируется из общих норм гражданского законодательства и специальных норм страхового законодательства, причём в части, прямо не урегулированной специальным законом, применяются положения главы 48 ГК РФ.

Согласно пункту 1 статьи 927 ГК РФ страхование осуществляется на основании договоров имущественного или личного страхования, заключаемых гражданином или юридическим лицом (страхователем) со страховой организацией (страховщиком). Легальное определение договора имущественного страхования содержится в пункте 1 статьи 929 ГК РФ: по данному договору одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключён договор (выгодоприобретателю), причинённые вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя в пределах определённой договором суммы (страховой суммы). Договор личного страхования регламентируется пунктом 1 статьи 934 ГК РФ: страховщик обязуется выплатить обусловленную договором сумму в случае причинения вреда жизни или здоровью застрахованного лица, достижения им определённого возраста

или наступления в его жизни иного предусмотренного события.

Субъектный состав договора страхования включает: страховщика – юридическое лицо, осуществляющее страховую деятельность на основании специальной лицензии Банка России; страхователя – лицо, заключившее договор и обязанное уплатить страховую премию; застрахованное лицо – гражданина, в отношении которого осуществляется личное страхование; выгодоприобретателя – лицо, уполномоченное на получение страховой выплаты. При этом в одном и том же договоре страхователь, застрахованное лицо и выгодоприобретатель могут совпадать в одном лице либо являться разными субъектами – в зависимости от вида и условий страхования.

По своей юридической природе договор страхования является возмездным, двусторонне обязывающим и консенсуальным. В то же время он обладает особенностью, принципиально выделяющей его в системе гражданско-правовых договоров: его алеаторным характером. Именно алеаторность составляет квинтэссенцию страхового договора и является тем признаком, который объединяет страхование с такими институтами, как рента, игры и пари, в единую категорию рисковых сделок.

Алеаторность договора страхования обусловлена самой сущностью страхования как механизма перераспределения риска. В отличие от коммутативных договоров, в которых объём взаимных предоставлений известен сторонам с момента заключения договора, страховое обязательство построено таким образом, что в момент его возникновения ни одна из сторон не знает, наступит ли страховой случай и придётся ли страховщику производить выплату. Страхователь уплачивает страховую премию, не зная, получит ли когда-либо страховое возмещение; страховщик принимает премию, не зная, придётся ли ему осуществить страховую выплату и в каком размере.

Центральным элементом, определяющим алеаторную природу договора страхования, является страховой риск. В соответствии со статьёй 9 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование; при этом событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать

признаками вероятности и случайности его наступления. Страховым случаем является совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату.

Таким образом, законодатель прямо закрепляет, что страховой риск должен быть случайным и вероятностным. Эти характеристики имеют принципиальное значение именно с точки зрения алеаторности: если событие, квалифицируемое как страховой риск, является неизбежным или заведомо уже наступившим в момент заключения договора, страховое обязательство лишается своей правовой каузы – несения риска, – и подлежит признанию ничтожным в соответствии со статьёй 168 ГК РФ. Именно отсутствие признака случайности превращает страхование из алеаторной сделки в обычное денежное обязательство, лишённое страховой природы.

В цивилистической доктрине вопрос об алеаторной природе договора страхования является устоявшимся и не вызывает принципиальных разногласий. Виднейший отечественный специалист в области страхового права В. И. Серебровский указывал, что «страхование является алеаторной сделкой, поскольку неизвестно, наступит ли страховой случай и придётся ли страховщику платить страховое вознаграждение». По мнению учёного, именно неопределённость наступления страхового случая составляет квинтэссенцию страхового договора как рискового обязательства. Это означает, что страховщик, принимая премию, принимает на себя имущественный риск, сопоставимый с тем, что другие участники оборота стремятся избежать.

О. С. Иоффе, анализируя экономическую и юридическую сущность страхования, подчёркивал, что страховщик, получая страховые взносы и формируя страховой фонд, берёт на себя риск наступления страхового случая, и именно это принятие риска составляет экономическую основу страховой деятельности. Важно, что в данной концепции риск предстаёт не как нежелательный побочный элемент обязательства, а как его целевое назначение: страховщик принимает риск на возмездной основе, что и делает договор страхования подлинно алеаторным.

М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, характеризуя страховые договоры в системе гражданского права, отмечают, что страхование является типичным примером рискового договора: в момент заключения договора ни страхователь, ни страховщик не знают, будет ли страховой случай и каков будет экономический результат для каждой из сторон. При этом учёные специально обращают внимание на то, что риск здесь является не сопутствующим элементом, а составляет саму цель договора, его правовую каузу.

Алеаторность страхового договора проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, страхователь уплачивает страховую премию вне зависимости от того, наступит ли страховой случай. Если страховой случай в течение срока действия договора не наступает, страхователь фактически не получает никакого материального встречного предоставления, кроме самой по себе предоставленной страховой защиты – правового обещания страховщика возместить убытки в случае реализации риска. Это является алеаторным «проигрышем» страхователя: он принял риск ненаступления страхового случая, и этот риск реализовался в его имущественный ущерб. Во-вторых, если страховой случай наступает, страховщик обязан произвести страховую выплату, которая может многократно превышать уплаченную страховую премию. Страховщик несёт риск необходимости осуществить выплату в объёме, несопоставимо большем по сравнению с полученным встречным предоставлением. Именно это является алеаторным «проигрышем» страховщика. В-третьих, ни одна из сторон не может с достоверностью исчислить итоговую имущественную выгоду или потерю по договору в момент его заключения – она окончательно определяется лишь по истечении срока его действия или в момент наступления страхового случая.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы. Договор страхования является одним из наиболее ярких, теоретически разработанных и практически значимых примеров

алеаторной сделки в системе российского гражданского права. Его алеаторная природа определяется тремя ключевыми элементами: наличием страхового риска как объективного вероятностного и случайного события; страховым интересом как правовым основанием рискованной операции; и взаимным несением риска сторонами – страхователем (риск уплаты премии без получения страховой выплаты) и страховщиком (риск осуществления выплаты, значительно превышающей полученную премию). При отсутствии любого из этих элементов договор страхования утрачивает свою алеаторную природу и подлежит иной правовой квалификации. Страховой договор занимает особое место среди алеаторных сделок в силу социальной значимости своей функции: в отличие от игр и пари, страхование направлено не на создание нового риска ради возможного обогащения, а на защиту уже существующих имущественных и личных интересов. Именно это предопределяет более широкую судебную защиту требований из договора страхования и особый правовой режим страхового обязательства в российском гражданском праве.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 56.
3. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М. : Юридическая литература, 1975. – С. 732.
4. Дедиков С.В. Страховой интерес // Хозяйство и право. – 2008. – № 2. – С. 44.
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – 3-е изд., стер. – М. : Статут, 2011. – С. 412.

SHKLOVCHIK Vladislav Denisovich

Master's Student, Siberian Law University, Russia, Omsk

INSURANCE AS A TYPE OF ALEATORY TRANSACTIONS

Abstract. *The article is devoted to the study of an insurance contract as an aleatory (risky) transaction in the Russian civil law system. The paper traces the historical evolution of the insurance institute, from its beginnings in antiquity and the Middle Ages to modern regulatory regulation in Russia.*

Keywords: *insurance, insurance contract, aleatory transaction, insurance risk, insured event, insurance premium, insurance payment.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ДМИТРИЕВ Даниил Александрович
магистрант, Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

БАРЬЕРЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных документов, статистики обращений, экспертных интервью и данных мониторинга СМЭВ и ЕГИССО выявляются ключевые барьеры межведомственного электронного взаимодействия в Красноярском крае, препятствующие переводу социальных услуг в проактивный режим. Выделены четыре группы барьеров: технологические, правовые, кадровые и институционально-коммуникационные. Сделан вывод о том, что перечисленные барьеры делают практически невозможным получение полных, достоверных и своевременных данных о реальном положении дел.

Ключевые слова: межведомственное взаимодействие, СМЭВ, ЕГИССО, социальные услуги, барьеры, Красноярский край, проактивный режим.

Введение

Переход к проактивному (беззаявительному) режиму предоставления социальных услуг в значительной степени зависит от эффективности межведомственного электронного взаимодействия. Именно через систему межведомственных запросов орган, предоставляющий услугу, получает от других ведомств сведения о доходах, составе семьи, имуществе, льготах и иных обстоятельствах, необходимых для назначения выплаты. Если эта система работает с задержками, сбоями или предоставляет неполные данные, автоматическое принятие решения становится невозможным. В Красноярском крае, как и во многих других регионах России, межведомственное

взаимодействие сталкивается с комплексом проблем, которые можно разделить на четыре группы: технологические, правовые, кадровые и институционально-коммуникационные. Рассмотрим каждую группу подробно.

Технологические барьеры

Низкая скорость ответа на запросы. Согласно регламентам, срок ответа не должен превышать трёх рабочих дней. Однако только 60–70% запросов укладываются в этот норматив. Муниципальные информационные системы отвечают до 10–14 дней. Среднее фактическое время получения ответа: из ФНС – 3,2 дня, из ЗАГС – 2,5 дня, из Росреестра – 5,1 дня. Общий срок согласования по одной выплате растягивается на 15–20 рабочих дней.

Таблица

Доля запросов, укладываемых в норматив 3 рабочих дня

Ведомство	Доля запросов в срок, %
ФНС	65
ЗАГС	78
Росреестр	52
Муниципальные органы	35

Неполнота данных. Полнота сведений о региональных мерах социальной поддержки в ЕГИССО составляет лишь 67%. Данные о доходах из ФНС поступают с задержкой в 1–2 месяца.

Отсутствие унифицированных API. В 18 из 44 муниципальных районов обработка электронных запросов осуществляется вручную.

Сбои. В 2024 году зафиксировано 37 сбоев СМЭВ и 12 сбоев ЕГИССО.

Правовые барьеры

Помимо технологических трудностей, существуют правовые препятствия, которые не позволяют использовать данные, даже если они технически доступны. Для проактивного назначения услуги необходимо согласие гражданина на обработку персональных данных. Однако для получения такого согласия в беззаявительном порядке требуется правовая база, которая в Красноярском крае отсутствует. Федеральный закон № 210-ФЗ допускает несколько форм согласия, но не устанавливает единого стандарта для региональных и муниципальных услуг. В результате ведомства трактуют это по-своему: одни принимают нажатие кнопки в личном кабинете, другие требуют отдельного письменного заявления.

Кроме того, законодательство о персональных данных и государственной тайне ограничивает доступ к сведениям о некоторых категориях граждан. Например, данные о доходах сотрудников силовых ведомств, военнослужащих, судей не передаются в общую систему межведомственного обмена. Для назначения социальной поддержки таким гражданам требуется их личное обращение с документами, подтверждающими доходы, что противоречит принципу проактивности.

Ещё одним правовым барьером является отсутствие законодательно закреплённого статуса электронного документа, сформированного автоматически. Муниципальные служащие в большинстве районов Красноярского края отказываются принимать решение на основании только электронных сведений, требуя бумажную копию с «живой» подписью заявителя. Такие требования не основаны на законе, но правоприменительная практика не выработала единой позиции, а суды нередко встают на сторону ведомства, ссылаясь на необходимость «предотвращения мошенничества». Это создаёт замкнутый круг: услуга не может быть предоставлена проактивно без согласия, а

согласие не может быть получено, пока гражданин не обратится.

Кадровые барьеры

На муниципальном уровне остро стоит проблема кадровой компетентности. Обработка электронных запросов требует навыков работы с СМЭВ, ЕГИССО, региональными базами данных. Однако, по оценкам Министерства социальной политики Красноярского края, не менее 40% муниципальных служащих, отвечающих за социальную поддержку, не проходили специализированного обучения. Многие из них (особенно в сельских районах) имеют базовое образование, не связанное с информационными технологиями, и испытывают трудности при заполнении электронных форм, формировании ответов на запросы, использовании электронной подписи. Это приводит к тому, что запросы обрабатываются медленно, ответы содержат ошибки, а некоторые специалисты просто игнорируют поступившие электронные запросы, дожидаясь бумажного уведомления. В ходе экспертных интервью специалисты признавались, что дублируют электронные решения на бумаге «на всякий случай, чтобы не было претензий проверяющих органов». Это удваивает трудозатраты и снижает потенциальную выгоду от цифровизации.

Кроме того, существует институциональный барьер в виде укоренившейся «бумажной культуры». Многие ведомства на протяжении десятилетий работали по принципу «бумага – единственное доказательство». Переход на электронный документооборот воспринимается ими как дополнительная нагрузка, а не как возможность упростить процессы. Это сопротивление изменениям особенно сильно проявляется в муниципальных образованиях с низкой цифровой зрелостью.

Барьеры, связанные с незарегистрированными гражданами

Около 22% взрослого населения Красноярского края не имеют подтверждённой учётной записи на «Госуслугах». Для этих граждан проактивный режим технически невозможен. Альтернативные каналы оповещения (почта, МФЦ) законодательно не проработаны.

Меры по преодолению барьеров

На основе проведённого анализа можно предложить следующие меры:

1. Технологические: внедрение унифицированного API-шлюза для автоматизации обмена с муниципальными системами; создание

ситуационного центра мониторинга СМЭВ и ЕГИССО с автоматическим оповещением о сбоях.

2. Правовые: принятие регионального закона о едином стандарте электронного согласия; внесение изменений в административные регламенты, закрепляющих юридическую силу электронных документов.

3. Кадровые: организация обязательного обучения муниципальных служащих работе с СМЭВ и ЕГИССО (целевой охват – 1200 человек в течение 2 лет); внедрение KPI по скорости и качеству обработки запросов.

4. Институциональные: разработка программы «цифрового волонтерства» для помощи незарегистрированным гражданам в оформлении учётных записей; создание мобильных пунктов регистрации в отдалённых районах.

Выводы

Выделены четыре группы барьеров: технологические (низкая скорость, неполнота данных, отсутствие API, сбои), правовые (неурегулированность согласия, статус электронного документа), кадровые (дефицит компетенций, сопротивление изменениям) и институционально-коммуникационные (отсутствие альтернатив для незарегистрированных граждан). Все барьеры носят системный характер и взаимно усиливают друг друга. Без их преодоления любые попытки перевода услуг в проактивный режим будут наталкиваться на непреодолимые препятствия.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

2. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.

3. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития

Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2479.

4. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2021 г. № 1520 «Об особенностях предоставления государственных и муниципальных услуг в проактивной форме» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 38. – Ст. 6672.

5. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2021 г. № 1148 «Об утверждении требований к форматам электронных документов, направляемых в рамках межведомственного электронного взаимодействия» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 48. – Ст. 8123.

6. Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6022.

7. Приказ Минтруда России от 29 февраля 2024 г. № 80н «Об утверждении перечня жизненных событий, наступление которых предоставляет гражданам возможность получения мер социальной защиты (поддержки), социальных услуг, предоставляемых в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантий и выплат» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202402290005>

8. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

9. Красноярскстат. Социально-экономическое положение Красноярского края: статистический сборник. – Красноярск: Красноярскстат, 2024. – 280 с.

10. Министерство социальной политики Красноярского края. Отчёт о результатах деятельности за 2024 год. – Красноярск, 2025. – 87 с.

DMITRIEV Daniil Alexandrovich

Master's Student, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

BARRIERS TO INTERDEPARTMENTAL ELECTRONIC INTERACTION IN THE PROVISION OF SOCIAL SERVICES IN THE KRASNOYARSK TERRITORY

Abstract. *Based on the analysis of regulatory documents, statistics of appeals, expert interviews, and monitoring data from SMEV and EGISSO, the article identifies key barriers to interdepartmental electronic interaction in the Krasnoyarsk Territory that prevent the transfer of social services to a proactive mode. Four groups of barriers are identified: technological, legal, personnel, and institutional communication. It is concluded that these barriers make it almost impossible to obtain complete, reliable and timely data on the real state of affairs.*

Keywords: *interdepartmental cooperation, SMEV, EGISSO, social services, barriers, Krasnoyarsk Territory, proactive regime.*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ГАЛАЕВА Медина Руслановна

студентка, Ингушский государственный университет, Россия, г. Магас

Научный руководитель – доцент факультета экономики и управления

Ингушского государственного университета,

кандидат экономических наук Оздоева Зарифа Хамзатовна

МЕСТО И РОЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ

Аннотация. В статье мы рассмотрим место и роль малого и среднего предпринимательства в Республике Ингушетия, а также меры поддержки государства в развитии малого и среднего предпринимательства в регионе.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, развитие, поддержка, регион, экономика.

Малый и средний бизнес является важным элементом современной экономики. Без его развития невозможно обеспечить устойчивый рост как страны в целом, так и отдельных регионов, поскольку данный сектор влияет на структуру валового продукта, занятость населения и развитие конкурентной среды.

Для экономики Республики Ингушетия развитие малого и среднего предпринимательства имеет особое значение. Республика была образована 4 июня 1992 года, поэтому многие социально-экономические процессы в регионе формировались постепенно и продолжают развиваться в современных условиях.

Поддержка малого и среднего предпринимательства в России была закреплена на законодательном уровне в 1997 году, что стало важным этапом формирования системы государственной помощи бизнесу. На этапе становления Ингушетии одной из ключевых задач было укрепление государственности; наряду с политической, культурной и правовой сферами особое внимание уделялось социально-экономическому развитию.

В конце 1990-х годов количество безработных возросло из-за закрытия многих государственных заводов и промышленных предприятий. В этих условиях у населения появилась возможность заниматься свободной торговлей, которая начала активно развиваться за счет поставок импортных товаров из зарубежных стран.

На территории республики повсеместно открывались торговые точки, магазины и частные сельскохозяйственные предприятия.

По данным о числе организаций Российской Федерации, полученным на основе сведений о государственной регистрации, предоставляемых ФНС России из Единого государственного реестра юридических лиц, в 2000 году в Республике Ингушетия насчитывалось 8185 организаций, тогда как в 1995 году их было 349. Это свидетельствует об активном формировании и развитии малого и среднего предпринимательства в регионе.

К 2020 году произошло сокращение количества организаций на 2807 единиц, что составило 66% от общего числа малых и средних предприятий. Одной из причин такого снижения стали последствия пандемии [1].

За последние пять лет динамика развития малого и среднего предпринимательства в регионе претерпела определенные изменения: количество организаций увеличилось на 6% (рис. 1).

По состоянию на 10.01.2026 года на налоговом учете состояло 7500 субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе 4570 индивидуальных предпринимателей и 102 малых и средних предприятия. Несмотря на снижение общего количества субъектов МСП в Республике Ингушетия, в 2024 году оборот сектора МСП вырос на 0,11%.

Рис. 1. Число организации Республики Ингушетия, полученные на основе сведений о государственной регистрации, предусматриваемых ФНС России их ЕГРЮЛ

Малое предпринимательство представлено во многих отраслях экономики республики и оказывает влияние как на социальную, так и на экономическую сферу. В социальном аспекте оно способствует занятости населения, повышению качества жизни и обеспечению жителей необходимыми товарами и услугами. В экономическом аспекте малый бизнес вносит вклад в валовой региональный продукт, повышение качества и конкурентоспособности производимых товаров и услуг, а также в диверсификацию деятельности субъектов предпринимательства [1]. Около четверти общего числа малых предприятий в 2024 году приходилось на торговлю оптовую и розничную – 1069 единиц (10,17%), строительство – 1006 единиц (10,81%), а также сельское хозяйство – 447 единиц (4,52%).

Анализ состояния малого и среднего предпринимательства в Республике Ингушетия и рассмотрение представленных диаграмм позволяют сделать вывод о неоднозначной, но в целом положительной динамике. С одной стороны, фиксируется сокращение общего числа субъектов МСП. По состоянию на 10.01.2026 года на налоговом учете состояло 7500 субъектов МСП, среди которых преобладали индивидуальные предприниматели (4570 человек), тогда как число малых и средних предприятий составляло 102 единицы.

Эта тенденция может быть связана с рядом факторов: ужесточением регуляторных требований, ограниченным доступом к финансированию, ростом издержек и высокой конкурентной нагрузкой.

Одновременно в 2024 году зафиксирован рост оборота сектора малого и среднего предпринимательства на 0,11% при сокращении общего числа субъектов. Это позволяет сделать вывод, что действующие предприниматели стали работать эффективнее: увеличили объем реализации, оптимизировали процессы и быстрее адаптировались к рыночным условиям.

Таким образом, несмотря на количественное сокращение субъектов малого и среднего предпринимательства, их экономическая и социальная значимость в Республике Ингушетия остается высокой. Для дальнейшего устойчивого развития сектора целесообразно сосредоточить усилия на поддержке действующих предпринимателей, упрощении административных процедур, расширении доступа к льготному кредитованию, обучении и консультировании бизнесменов. Это позволит не только сохранить достигнутые результаты, но и создать условия для постепенного роста числа малых и средних предприятий в регионе.

Сложившаяся структура сектора в 2024 году обусловлена тенденциями региональной экономики последних лет: сохранением ведущей роли торговли и услуг при ограниченной доле производственных, финансово-технических и иных высокотехнологичных направлений. На следующей диаграмме представлено количество МСП в креативной экономике в разрезе видов деятельности по итогам сентября 2025 года (рис. 2).

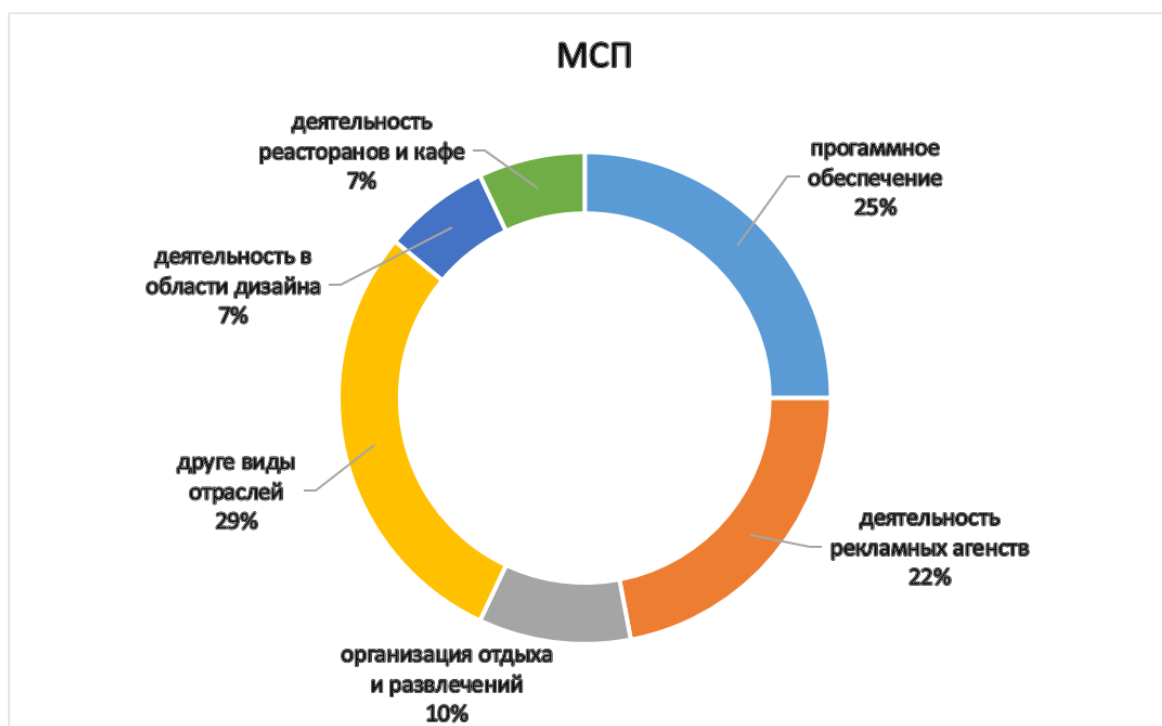

Рис. 2. Количество МСП в креативной экономике в разрезе видов деятельности по итогам сентября 2025 г.

Анализ структуры малых и средних предприятий (МСП) в сфере креативной экономики по состоянию на сентябрь 2025 года показывает разнообразие видов деятельности, в которых они представлены:

1. Программное обеспечение (25%) – наибольшая доля малого и среднего предпринимательства сосредоточена в области разработки программного обеспечения, что указывает на высокий спрос на ИТ-услуги и цифровые технологии. Это также отражает общую тенденцию к цифровизации различных сфер бизнеса.

2. Деятельность рекламных агентств (22%) – значительная часть субъектов малого и среднего предпринимательства занимается рекламными услугами. Это говорит о высокой роли маркетинга и продвижения в креативной экономике, а также о росте конкуренции на рынке.

3. Организация отдыха и развлечений (10%) – данный сектор отражает активный интерес к созданию новых форм досуга и развлечений, что связано с изменением потребительских предпочтений и увеличением спроса на качественные услуги в сфере отдыха.

4. Другие виды деятельности (29%) – доля прочих направлений, составляющая почти треть, подчеркивает разнообразие креативной экономики, включая искусство, музыку, моду и другие сферы. Это также может свидетельствовать о наличии нишевых рынков.

5. Деятельность ресторанов и кафе (7%) – наименьшая доля зафиксирована у ресторанного бизнеса. Несмотря на популярность гастрономических услуг, данный сегмент сталкивается с высокой конкуренцией и изменчивостью потребительских предпочтений.

6. Деятельность в области дизайна (7%) – низкая представленность МСП в дизайне может указывать на специфические требования к квалификации специалистов и конкурентоспособности в этой области.

Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства в регионах России является важным показателем, отражающим состояние и динамику экономики. Субъекты МСП вносят значительный вклад в создание рабочих мест, что делает их ключевыми участниками рынка труда [2].

Различия в численности занятых в малом и среднем предпринимательстве заметны в зависимости от региона. В крупных мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург, количество занятых значительно выше, чем в удаленных и сельских территориях.

Уровень занятости в секторе малого и среднего предпринимательства напрямую зависит от состояния экономики. В периоды экономического подъема количество таких предприятий увеличивается, что ведет к росту числа рабочих мест. В кризисные периоды малый бизнес, напротив, может сталкиваться с

серьезными трудностями, что приводит к сокращению рабочей силы.

По данным диаграммы, в 2024 году численность занятых в сфере малого и среднего

предпринимательства составила 29,32 млн человек, что на 36,3% больше по сравнению с аналогичным показателем 2019 года (рис. 3).

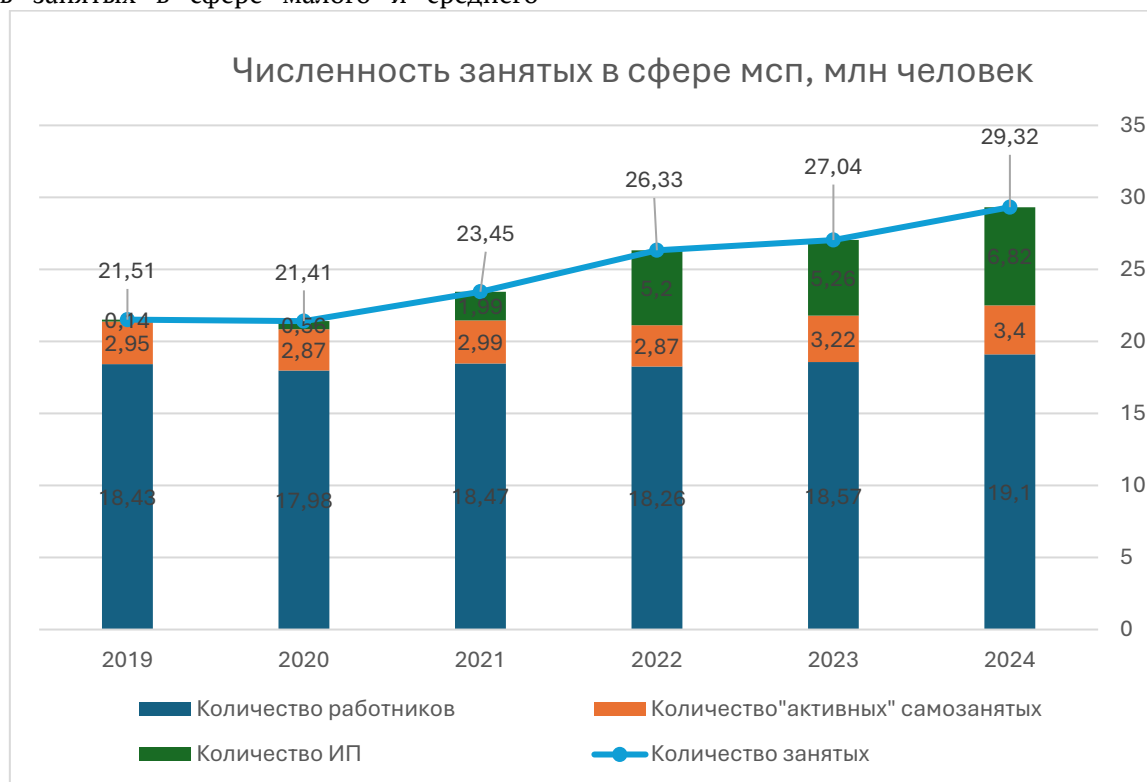

Рис. 3. Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства МСП, млн человек

На диаграмме представлена численность занятых в сфере МСП в 2019–2024 годах, млн человек. Значения пересчитаны по методике, исключающей «неактивных» самозанятых граждан, то есть лиц, не указавших доход, облагаемый налогом на профессиональный доход, в течение последних 12 месяцев, а также возможные дублирования компонентов (утв. Приказом Минэкономразвития России от 1 ноября 2022 г. № 594).

Анализ диаграммы, отражающей численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства в России, а также количество индивидуальных предпринимателей и самозанятых, позволяет выделить несколько ключевых моментов.

В период с 2019 по 2024 год в секторе малого и среднего предпринимательства зафиксирована устойчивая тенденция к росту занятости. Общая численность занятых увеличилась с 21,51 до 29,32 млн человек, что отражает позитивную динамику развития бизнес-среды. Максимальный показатель занятости был отмечен в 2024 году, что свидетельствует об активизации деятельности субъектов малого и среднего бизнеса.

Количество индивидуальных предпринимателей демонстрировало относительную стабильность и к 2024 году достигло 3,4 млн человек. Это указывает на устойчивый интерес к данному виду деятельности и подтверждает значимость государственной поддержки при создании и развитии собственного дела.

Число самозанятых увеличилось до 6,82 млн человек, что свидетельствует о растущем интересе к самостоятельной занятости без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Такой формат становится привлекательным для граждан, стремящихся к более гибким и независимым условиям труда.

В сложные периоды государственная финансовая поддержка играет важную роль в развитии индивидуального предпринимательства и самозанятости. Увеличение числа самозанятых подтверждает значимость сектора малого и среднего бизнеса для экономики в целом, а дальнейшее развитие программ повышения деловой квалификации предпринимателей может способствовать расширению этого сектора.

Субъекты малого и среднего предпринимательства, как уже отмечалось ранее, являются важным элементом региональной

экономической системы и оказывают комплексное воздействие на ее устойчивое развитие.

Государственная поддержка самозанятых помогает гражданам начать собственное дело, а развитие сектора малого и среднего бизнеса и программ обучения предпринимателей способствует росту экономики страны. Профильное обучение важно, поскольку предприниматели заинтересованы в повышении деловой

квалификации: это положительно влияет на показатели их бизнеса и, следовательно, на экономическое развитие региона в целом.

По итогам IV квартала 2024 года наблюдается значительный прирост количества работников в сфере малого и среднего предпринимательства в различных субъектах Российской Федерации по сравнению с IV кварталом 2019 года (рис. 4).

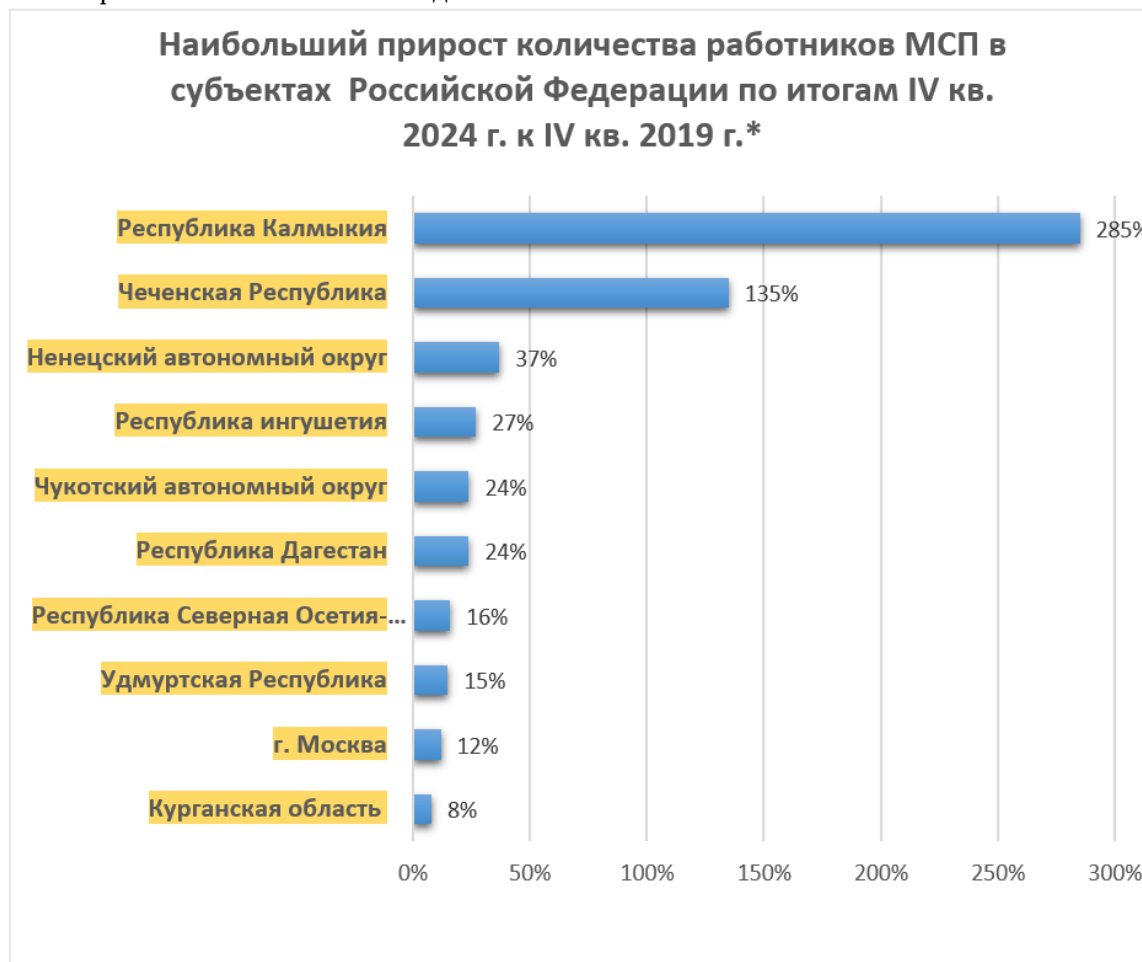

Рис. 4. Наибольший прирост количества работников МСП в субъектах Российской Федерации по итогам IV кв. 2024 г. к IV кв. 2019

Значения за 2019–2024 годы пересчитаны по методике, исключающей «неактивных» самозанятых граждан, то есть лиц, не указавших доход, облагаемый налогом на профессиональный доход, в течение последних 12 месяцев, а также возможные дублирования компонентов (утв. Приказом Минэкономразвития России от 1 ноября 2022 г. № 594).

Наиболее заметные результаты отмечены в таких регионах, как Республика Калмыкия, где прирост составил 285%, и Чеченская Республика, где показатель достиг 135%. Эти данные подчеркивают активное развитие бизнеса в указанных республиках, что может быть

связано с внедрением новых программ поддержки предпринимательства и улучшением условий для ведения бизнеса.

В то же время город Москва показал прирост на 12%, что может указывать на насыщенность рынка и более высокую конкуренцию. Курганская область продемонстрировала прирост на уровне 8%, что также говорит о стабильном, но менее выраженном росте.

Республика Калмыкия и Чеченская Республика показывают наибольший прирост работников в МСП, что может свидетельствовать о высоком уровне государственной поддержки и развитии местного предпринимательства.

Ненецкий автономный округ и Республика Ингушетия также демонстрируют заметный рост. Хотя их показатели ниже, чем у лидеров, они указывают на позитивные изменения и наличие мер, направленных на поддержку МСП. Дальнейшее развитие малого и среднего бизнеса в регионе должно включать образовательные инициативы, расширение доступа к финансовым ресурсам и создание благоприятной бизнес-среды. Это будет способствовать повышению уровня жизни населения.

Исходя из этого, малые и средние предприятия являются важнейшими экономическими и социальными ресурсами региона. Они формируют направления инновационной деятельности, повышают уровень жизни населения и закладывают основу для стабильного экономического развития. Поэтому поддержка данного бизнес-сектора является ключевым условием долгосрочного роста и благосостояния территории.

Результаты анализа диаграммных данных свидетельствуют о том, что малый и средний бизнес в креативной экономике

характеризуется высокой активностью в сфере информационных технологий и рекламы, что соответствует текущим тенденциям рынка. В то же время низкая доля предприятий ресторанного бизнеса и дизайна указывает на необходимость развития этих сфер и внедрения новых стратегий привлечения клиентов. Разнообразие отраслей создает потенциал для инноваций и расширения креативного сектора.

Литература

1. Согласно краткому статистическому сборнику «Республика Ингушетия. В цифрах. 2020–2024 гг.» (Северо-Кавказстат) [Электронный ресурс]. – URL <https://26.rosstat.gov.ru/> (дата открытия: 12.06.2026).
2. Баранова А.А. Роль малого и среднего бизнеса в экономике // Научный аспект. – 2024. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL <https://na-journal.ru/4-2024-ekonomika-menedzhment/11186-rol-malogo-i-srednego-biznesa-v-ekonomike> (дата открытия: 15.06.2026).

GALAEVA Medina Ruslanovna

Student, Ingush State University, Russia, Magas

Scientific Advisor – Associate Professor at the Faculty of Economics and Management of the Ingush State University, Candidate of Economic Sciences Ozdоеva Zarifa Khamzatovna

THE PLACE AND ROLE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN REPUBLIC OF INGUSHETIA

Abstract. *In the article, we will consider the place and role of small and medium-sized enterprises in the Republic of Ingushetia, as well as measures to support the state in the development of small and medium-sized enterprises in the region.*

Keywords: *small and medium-sized businesses, development, support, region, economy.*

ПЛАШКО Екатерина Сергеевна

студентка, Белорусский национальный технический университет, Беларусь, г. Минск

*Научный руководитель – доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в промышленности Белорусского национального технического университета,
кандидат экономических наук Карпович Виктор Францевич*

ЭКСПОРТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Аннотация. Экспортная ориентация в настоящее время выступает одним из важных факторов повышения конкурентоспособности национальной экономики и ее интеграции в мировое хозяйственное пространство. Развитие экспортного потенциала способствует внедрению инноваций, привлечению иностранных инвестиций, расширению рынков сбыта и укреплению международного сотрудничества. В статье рассматривается сущность экспортной ориентации, ее влияние на процессы экономической интеграции, и, кроме того, особенности развития экспортно-ориентированной экономики Республики Беларусь. Акцент ставится на диверсификацию экспортных поставок, освоение новых рынков сбыта и повышение конкурентоспособности отечественной продукции в условиях трансформации мировой экономики.

Ключевые слова: экспорт, экспортная ориентация, мировая экономика, внешняя торговля, интеграция, конкурентоспособность, диверсификация экспорта, международное сотрудничество.

Введение

В условиях развития процессов глобализации внешнеэкономическая деятельность является одним из важнейших факторов устойчивого экономического роста государств. Усиление международной конкуренции, развитие международного разделения труда и расширение трансграничных экономических связей обуславливают необходимость активного участия стран в мировой торговле. В этой связи экспортная ориентация экономики выступает как важнейший инструмент интеграции национальных хозяйственных систем в мировую экономику.

Экспорт – это не только источник валютных поступлений и механизм расширения рынков сбыта, но и фактор технологического развития предприятий, повышения качества продукции и внедрения инноваций [1]. Его роль в международной торговле – стимулировать производителей к повышению эффективности производства, внедрению современных методов управления и снижению издержек. Благодаря этому экспортная деятельность способствует модернизации экономики.

Для Республики Беларусь экспорт имеет стратегическое значение, поскольку национальная экономика характеризуется высокой степенью открытости и значительной зависимостью от внешних рынков. Развитие

экспортного потенциала является одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства, направленной на обеспечение устойчивого экономического роста и повышение благосостояния населения [2].

Основная цель работы – исследовать экспортную ориентацию как фактор интеграции в мировую экономику, определить ее значение для развития национальной экономики и проанализировать особенности экспортной деятельности Республики Беларусь.

Основная часть

Экспортная ориентация представляет собой модель экономического развития, которая основана на активном участии страны в международном обмене товарами и услугами. Особенностью данной модели выступает направленность производства на удовлетворение потребностей не только внутреннего, но и внешнего рынка. В результате экспорт становится значимым источником экономического роста, при этом способствуя увеличению объемов производства, занятости населения и поступлению иностранных инвестиций [3].

Международная практика показывает, что страны, стремительно развивающие экспортный сектор, демонстрируют более высокие темпы экономического роста по сравнению с государствами, ориентированными

преимущественно на внутренний рынок. Успешными примерами реализации экспортно ориентированной модели развития являются Китай, Республика Корея, Сингапур и ряд других государств, которые обеспечили ускоренную модернизацию экономики благодаря активному участию в мировой торговле [4].

Как отмечает Л. Е. Стровский, экспортная деятельность выступает важнейшим фактором повышения эффективности национального производства и расширения участия государства в международном разделении труда. По мнению автора, именно экспортно ориентированная модель развития обеспечивает ускоренное внедрение инноваций, повышение производительности труда и укрепление конкурентных позиций страны на мировом рынке [11]. Данная позиция подтверждает необходимость дальнейшего развития экспортного потенциала Республики Беларусь в условиях усиления глобальной конкуренции.

Экспортная ориентация способствует углублению международного разделения труда. Государства получают возможность специализироваться на производстве тех товаров и услуг, которые обладают сравнительными

преимуществами. Такая специализация обеспечивает более эффективное использование имеющихся ресурсов и способствует росту производительности труда. В то же самое время усиливаются процессы международной кооперации, расширяются производственные связи между предприятиями различных стран и формируются глобальные цепочки создания добавленной стоимости [5].

Одним из важнейших преимуществ экспортной ориентации является повышение конкурентоспособности национальной экономики. Выход на внешние рынки требует от производителей соответствия международным стандартам качества, технологической эффективности и экологической безопасности. В результате предприятия вынуждены инвестировать средства в модернизацию производственных мощностей, проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, внедрение инновационных технологий и совершенствование системы управления качеством продукции. На рисунке 1 представлены основные преимущества экспортной ориентации.

Рис. 1. Основные преимущества экспортной ориентации

Важно отметить, что конкурентоспособность экспортной продукции определяется не только ценовыми факторами, но и уровнем технологического развития, инновационным потенциалом предприятий, качеством логистической инфраструктуры и эффективностью государственной поддержки внешнеэкономической деятельности. Именно поэтому

экспортная ориентация способствует комплексному развитию национальной экономики и стимулирует проведение структурных преобразований в промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг [6].

Особое значение экспортная ориентация имеет для стран с открытой экономикой, к числу которых относится Республика Беларусь.

По данным Всемирного банка, в 2024 году внешнеторговый оборот товаров и услуг Беларуси составил около 132% ВВП, при этом экспорт товаров и услуг достиг 65,1% ВВП, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности страны в мировые экономические процессы. В 2024 году объем внешней торговли товарами и услугами превысил 100 млрд долл. США, а экспорт составил около 49,4 млрд долл. США. Экспорт обеспечивает поступление валютной выручки, необходимой для финансирования инвестиционных проектов, закупки современного оборудования и поддержания макроэкономической стабильности [7].

Для Республики Беларусь экспортная деятельность является одним из ключевых факторов обеспечения экономического роста. Благодаря развитому промышленному комплексу страна сохраняет значительные позиции на внешних рынках по поставкам продукции машиностроения, нефтехимической промышленности, сельского хозяйства и пищевой промышленности. В структуре белорусского экспорта значительную долю занимают грузовые автомобили, карьерная техника, тракторы, калийные удобрения, нефтепродукты, молочная и мясная продукция.

В последние годы внешнеэкономическая деятельность Республики Беларусь развивается в условиях существенной трансформации мировой экономики. Геополитические изменения, санкционные ограничения и перестройка международных логистических цепочек обусловили необходимость поиска новых рынков сбыта и укрепления сотрудничества с государствами Азии, Африки и Латинской Америки. В результате экспортная политика страны все в большей степени ориентируется на диверсификацию внешнеторговых связей и снижение зависимости от отдельных региональных рынков [8].

Одним из ключевых направлений интеграции Беларуси в мировую экономику является

участие в международных интеграционных объединениях. Существенную роль в развитии экспортного потенциала играет Евразийский экономический союз, который обеспечивает свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы между государствами-участниками. Формирование единого экономического пространства способствует расширению рынков сбыта белорусской продукции и укреплению производственной кооперации между предприятиями государств-членов ЕАЭС [9].

Особое значение для развития белорусского экспорта имеет сотрудничество с Российской Федерацией, которая остается крупнейшим внешнеторговым партнером страны. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2024 году на долю России приходилось около 65 % белорусского экспорта товаров и более 60 % общего внешнеторгового оборота страны [7]. На российский рынок поставляются сельскохозяйственная техника, грузовые автомобили, продукция нефтехимического комплекса, продовольственные товары и изделия обрабатывающей промышленности. Тесные экономические связи между двумя государствами способствуют углублению интеграционных процессов и формированию устойчивых производственных цепочек.

Наряду с традиционными рынками особое внимание уделяется развитию сотрудничества с Китайской Народной Республикой. Китай является наиболее перспективным направлением белорусской экспортной политики благодаря высоким темпам экономического роста и значительной емкости внутреннего рынка. Создаются дополнительные возможности для расширения торгово-экономических отношений в рамках инициативы «Один пояс – один путь», предусматривающей развитие международных транспортно-логистических коридоров и промышленной кооперации [10]. На рисунке 2 представлена география экспортных приоритетов Республики Беларусь.

ЕАЭС	Китай	Африка	Ближний Восток
•Россия •Казахстан •Армения •Кыргызстан	•Машины •Калийные удобрения	•Продовольствие •Техника •Удобрения	•Техника •Химическая продукция

Рис. 2. География экспортных приоритетов Республики Беларусь

Как видно из рисунка 2, современная экспортная стратегия Республики Беларусь ориентирована на сочетание традиционных и перспективных направлений внешней торговли. Наряду со странами ЕАЭС важную роль играют Китай, государства Африки и Ближнего Востока. Такая географическая диверсификация способствует снижению зависимости от отдельных рынков сбыта, повышению устойчивости экспортной деятельности и укреплению интеграции страны в мировую экономику.

Одним из ключевых факторов укрепления экспортной ориентации Беларуси выступает Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень». Его функционирование способствует привлечению инвестиций, развитию высокотехнологичных производств и расширению экспортных возможностей страны. Размещение на территории парка предприятий, ориентированных на международные рынки, способствует интеграции белорусской экономики в глобальные производственные цепочки и формированию новых направлений внешнеэкономического сотрудничества.

Существенный вклад в развитие экспортного потенциала вносят предприятия машиностроительного комплекса Республики Беларусь. Продукция таких предприятий, как ОАО «МАЗ», ОАО «МТЗ», ОАО «БЕЛАЗ» и ОАО «АМКОДОР», поставляется в десятки стран мира и пользуется устойчивым спросом благодаря сочетанию качества, надежности и конкурентоспособной стоимости. Экспортная деятельность данных предприятий обеспечивает значительные валютные поступления и способствует укреплению международного имиджа белорусской промышленности.

Вместе с тем дальнейшее развитие экспортной ориентации требует решения ряда задач. Одной из основных – выступает высокая концентрация экспорта на ограниченном количестве внешних рынков. Что приводит к повышению зависимости экономики от внешнеполитической конъюнктуры и созданию дополнительных рисков для устойчивого развития.

Одним из приоритетов экспортной политики Республики Беларусь выступает поддержка высокотехнологичных производств, развитие цифровой экономики и стимулирование инновационной активности предприятий.

Следует отметить, что экспортная ориентация связана не только с преимуществами, но и с определенными рисками. Зависимость от внешних рынков может привести к усилению влияния мировых экономических кризисов на национальную экономику. Колебания мировых цен, изменение спроса на отдельных рынках, политические факторы и торговые ограничения способны негативно отражаться на динамике экспорта и финансовом положении предприятий. Поэтому важнейшим условием устойчивого развития является диверсификация экспортных поставок и расширение номенклатуры экспортируемой продукции [12].

Перспективы дальнейшего развития экспортной ориентации Республики Беларусь связаны с реализацией стратегических направлений социально-экономического развития государства до 2030 года, в которых выделяют повышение конкурентоспособности отечественной продукции, расширение географии внешней торговли, увеличение доли высокотехнологичного экспорта, развитие транспортно-логистической инфраструктуры и укрепление сотрудничества с государствами Азии, Африки и Латинской Америки [13].

Особое значение имеет формирование инновационной модели экспортного развития. В мировой практике преимущественные позиции на международных рынках занимают государства, которые экспортируют продукцию с высокой добавленной стоимостью. Поэтому повышение технологического уровня белорусской промышленности, развитие научно-технического потенциала и внедрение цифровых технологий являются важнейшими направлениями государственной экономической политики. На рисунке 3 представлены пути экспортного развития Республике Беларусь до 2030 года.

Рис. 3. Пути экспортного развития Республике Беларусь до 2030 года

По нашему мнению, дальнейшее развитие экспортной ориентации Республики Беларусь должно быть связано с реализацией комплекса взаимосвязанных направлений. К числу наиболее значимых относятся развитие высокотехнологичных производств, диверсификация экспортных рынков, цифровизация внешнеэкономической деятельности, расширение международного сотрудничества и совершенствование механизмов государственной поддержки экспортеров. В совокупности реализация данных направлений приведет к росту конкурентоспособности экономики Республики Беларусь, увеличению объемов экспорта, укреплению позиций страны в международном разделении труда и углублению интеграционных процессов в мировую экономику.

Проведенный анализ показывает, что успешная интеграция в мировую экономику во многом зависит от способности государства эффективно использовать преимущества международного разделения труда, развивать экспортно-ориентированные производства и адаптироваться к изменениям глобальной экономической среды. В современных условиях особое значение приобретают диверсификация экспортных поставок, развитие высокотехнологичных отраслей и расширение сотрудничества с новыми регионами мира.

Заключение

Таким образом, экспортная ориентация является одним из ключевых факторов интеграции национальной экономики в мировое хозяйственное пространство. Развитие экспортного потенциала обеспечивает расширение международных экономических связей,

способствует повышению конкурентоспособности отечественных предприятий, стимулирует внедрение инноваций и привлечение инвестиций. Для Республики Беларусь экспорт играет стратегическую роль в обеспечении устойчивого экономического роста и укреплении позиций страны на мировом рынке.

Литература

1. Киреев А.П. Международная экономика: учебник: в 2 ч. / А.П. Киреев. – Москва: Международные отношения, 2021. – 624 с.
2. Ломакин В.К. Мировая экономика: учебник для вузов / В.К. Ломакин. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 687 с.
3. Портер М. Международная конкуренция / М. Портер; пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2022. – 947 с.
4. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – Минск: Национальная комиссия по устойчивому развитию, 2024. – 168 с.
5. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. – Минск: Беларусь, 2021. – 112 с.
6. Внешняя торговля Республики Беларусь: статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2025. – 215 с.
7. Евразийская экономическая комиссия. Итоги взаимной торговли государств – членов ЕАЭС в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org>. – Дата доступа: 11.06.2026.
8. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 11.06.2026.

9. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.gov.by>. – Дата доступа: 11.06.2026.

10. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Внешнеэкономическая деятельность Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by>. – Дата доступа: 11.06.2026.

11. Стровский Л.Е. Внешнеэкономическая деятельность предприятия: учебник для вузов / Л.Е. Стровский, С.К. Казанцев, Е.А. Паршина; под ред. Л.Е. Стровского. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 503 с.

12. Всемирная торговая организация. World Trade Statistical Review 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wto.org>. – Дата доступа: 11.06.2026.

13. Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD). Trade and Development Report 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unctad.org>. – Дата доступа: 11.06.2026.

14. Организация экономического сотрудничества и развития (OECD). Economic Outlook 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org>. – Дата доступа: 11.06.2026.

15. Президент Республики Беларусь. Внешняя торговля. Торговые партнеры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by>. – Дата доступа: 11.06.2026.

PLASHKO Katsiaryna

Student, Belarusian National Technical University, Belarus, Minsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Economics
and Management of Innovative Projects in Industry at the Belarusian National Technical University,
Candidate of Economic Sciences Karpovich Viktor Frantsevich*

EXPORT ORIENTATION AS A FACTOR OF INTEGRATION INTO THE GLOBAL ECONOMY

Abstract. *In the context of globalization, export orientation is one of the key factors in increasing the competitiveness of the national economy and its integration into the global economic system. The development of export potential contributes to the expansion of sales markets, attraction of foreign investment, introduction of innovations and strengthening of international cooperation. The article examines the essence of export orientation, its impact on economic integration processes, as well as the features of the development of an export-oriented economy in the Republic of Belarus. Particular attention is paid to the diversification of export supplies, the development of new markets and increasing the competitiveness of domestic products in the context of the transformation of the global economy.*

Keywords: *export, export orientation, global economy, foreign trade, integration, competitiveness, export diversification, international cooperation.*

РЯЗАНОВ Александр Дмитриевич

магистрант, Московский университет имени С. Ю. Витте, Россия, г. Москва

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-экономические аспекты повышения конкурентоспособности предприятий нефтеперерабатывающей отрасли. Актуальность темы обусловлена высокой значимостью нефтепереработки для устойчивого функционирования топливно-энергетического комплекса, обеспечения внутреннего рынка нефтепродуктами и повышения эффективности промышленного производства. Особое внимание уделено модернизации производственных мощностей, управлению затратами, повышению глубины переработки нефти, развитию технологического суверенитета, логистической устойчивости и качеству управленческих решений. Сделан вывод о том, что конкурентоспособность нефтеперерабатывающих предприятий формируется не только за счет технологического обновления, но и посредством комплексного организационно-экономического управления.

Ключевые слова: нефтепереработка, конкурентоспособность, нефтепродукты, управление затратами, модернизация, промышленное предприятие, топливно-энергетический комплекс.

Введение

Нефтеперерабатывающая отрасль занимает важное место в структуре топливно-энергетического комплекса и промышленной экономики. Ее значение определяется тем, что именно переработка нефти обеспечивает выпуск моторных топлив, дизельного топлива, авиационного керосина, битумов, масел, сырья для нефтехимии и других продуктов, необходимых для транспорта, промышленности, строительства и сельского хозяйства.

В современных условиях конкурентоспособность нефтеперерабатывающих предприятий зависит не только от объема переработки сырья, но и от способности выпускать продукцию с высокой добавленной стоимостью, поддерживать стабильность поставок на внутренний рынок, снижать производственные затраты и адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры. В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года среди направлений развития топливно-энергетического комплекса выделяются нефтепереработка и нефтегазохимия, технологический суверенитет, цифровая трансформация и повышение эффективности управления [1].

По данным, приведенным со ссылкой на вице-премьера Российской Федерации А. Новака, первичная переработка нефти в России в 2024 г. составила 266,5 млн т, производство бензина – 41,1 млн т, дизельного топлива – 81,6 млн

т, а глубина переработки достигла 84,4% [2]. Эти показатели свидетельствуют о значительном масштабе отрасли и одновременно подчеркивают необходимость дальнейшего повышения ее эффективности.

Цель статьи заключается в выявлении организационно-экономических факторов повышения конкурентоспособности предприятий нефтеперерабатывающей отрасли.

Содержание конкурентоспособности нефтеперерабатывающего предприятия

Конкурентоспособность нефтеперерабатывающего предприятия представляет собой способность предприятия эффективно использовать производственные, финансовые, технологические и управленческие ресурсы для выпуска востребованной продукции при приемлемом уровне затрат и устойчивом положении на рынке.

В нефтепереработке конкурентоспособность определяется несколькими группами факторов. Во-первых, большое значение имеют производственные характеристики: объем переработки нефти, глубина переработки, выход светлых нефтепродуктов, степень загрузки мощностей, надежность оборудования и межремонтные интервалы. Во-вторых, важны экономические показатели: себестоимость продукции, структура операционных затрат, маржинальность выпускаемой продукции, инвестиционная эффективность проектов модернизации. В-

третьих, существенную роль играют управленческие факторы: качество планирования, логистика, управление запасами, производственная дисциплина, цифровой мониторинг и способность предприятия быстро реагировать на изменения спроса.

Одним из ключевых показателей эффективности нефтеперерабатывающего предприятия является глубина переработки нефти. Чем выше данный показатель, тем меньше доля остаточных низкомаржинальных продуктов и выше потенциал выпуска светлых нефтепродуктов. В связи с этим модернизация нефтеперерабатывающих заводов направлена не только на увеличение объемов переработки, но и на изменение структуры выпуска в пользу продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Основные факторы повышения конкурентоспособности

Первым фактором повышения конкурентоспособности является технологическая модернизация. Для нефтеперерабатывающих предприятий она включает строительство и обновление установок вторичной переработки, развитие процессов гидроочистки, каталитического крекинга, риформинга, изомеризации, производства водорода и переработки тяжелых нефтяных остатков. Экономический смысл модернизации заключается в повышении глубины переработки, увеличении выхода светлых нефтепродуктов и снижении доли менее доходных продуктов.

Вторым фактором является управление затратами. Нефтепереработка относится к капиталоемким и энергоемким видам промышленной деятельности, поэтому даже незначительное снижение удельных затрат может обеспечивать существенный экономический эффект. Наиболее значимыми направлениями являются оптимизация энергопотребления, повышение эксплуатационной готовности оборудования, сокращение внеплановых простоев, рациональное планирование ремонтов и повышение эффективности закупок.

Третьим фактором выступает технологический суверенитет. Для устойчивого развития отрасли важны доступность отечественного оборудования, катализаторов, реагентов, программного обеспечения и сервисных решений. Например, ПАО «НК «Роснефть» указывает на работу по развитию отечественных технологий и импортозамещению, включая обеспечение технологических установок НПЗ собственными

катализаторами для производства высококачественного моторного топлива [3]. Следовательно, конкурентоспособность предприятия зависит не только от финансовых ресурсов, но и от устойчивости технологической базы.

Четвертым фактором является логистическая устойчивость. Нефтеперерабатывающее предприятие должно обеспечивать своевременное поступление сырья и стабильную реализацию готовой продукции. В условиях изменения транспортных маршрутов, колебаний внутреннего спроса и экспортных ограничений возрастает значение управления запасами, распределительной инфраструктуры и гибкости сбытовой политики.

Пятым фактором является цифровизация управления. Использование цифровых систем мониторинга технологических процессов, предиктивной аналитики, автоматизированного учета и планирования ремонтов позволяет повысить прозрачность производственной системы. Это снижает риск аварийных остановок, повышает качество управленческих решений и способствует более точному контролю себестоимости.

Практический контекст развития отрасли

Практика крупных нефтяных компаний показывает, что конкурентоспособность нефтепереработки формируется за счет сочетания производственной модернизации, организационной эффективности и ориентации на внутренний рынок.

Так, «Роснефть» в I квартале 2024 г. сообщила, что глубина переработки нефти на российских НПЗ компании выросла до 77,0%, а выход светлых нефтепродуктов – до 59,1% [3]. Кроме того, компания подчеркивала приоритет стабильного снабжения российских потребителей качественным моторным топливом, что показывает связь нефтепереработки не только с коммерческими результатами, но и с обеспечением устойчивости внутреннего рынка.

По данным годового отчета ПАО «Газпром нефть» за 2024 г., увеличение глубины переработки и выхода светлых нефтепродуктов рассматривается как направление повышения ценности корзины нефтепродуктов и обеспечения экономической устойчивости [4]. Данный подход отражает современную управленческую логику: эффективность НПЗ определяется не только объемом переработки, но и структурой выпускаемой продукции.

Опыт ЛУКОЙЛа также показывает значение модернизации и оптимизации производственной структуры. В годовом отчете компании за 2024 г. указано, что глубина переработки на европейских НПЗ группы увеличилась до 97,1%, а выход светлых нефтепродуктов составил 82,9% [5]. Несмотря на различия между российскими и зарубежными активами, данный пример демонстрирует, что высокая конкурентоспособность в нефтепереработке напрямую связана с технологической сложностью производства и способностью выпускать более маржинальную продукцию.

Организационно-экономические направления повышения конкурентоспособности

На основании рассмотренных факторов можно выделить несколько основных направлений повышения конкурентоспособности предприятий нефтеперерабатывающей отрасли.

Первое направление – развитие инвестиционного управления модернизацией. Проекты обновления НПЗ требуют значительных капитальных вложений, поэтому их реализация должна сопровождаться оценкой срока окупаемости, прироста маржинальности, снижения затрат и влияния на производственную надежность.

Второе направление – повышение эффективности управления затратами. Предприятию необходимо формировать систему контроля себестоимости по технологическим переделам, видам продукции и производственным участкам. Это позволяет выявлять наиболее затратные процессы и принимать обоснованные управленческие решения.

Третье направление – развитие системы производственной надежности. Для нефтепереработки критически важны межремонтные интервалы, эксплуатационная готовность оборудования и предупреждение внеплановых простоев. Повышение надежности напрямую влияет на объем выпуска продукции и финансовые результаты предприятия.

Четвертое направление – укрепление технологического суверенитета. Предприятиям необходимо развивать собственные компетенции в области катализаторов, оборудования, цифровых решений и сервисного обслуживания. Это снижает зависимость от внешних поставщиков и повышает устойчивость производственных процессов.

Пятое направление – совершенствование логистики и сбытовой политики. Конкурентоспособность предприятия зависит от способности своевременно поставлять продукцию потребителям, гибко реагировать на изменение спроса и оптимизировать транспортные расходы.

Шестое направление – цифровизация управления производством. Внедрение цифровых систем позволяет повысить точность планирования, обеспечить контроль технологических параметров, снизить аварийность и повысить прозрачность управленческих решений.

Заключение

Конкурентоспособность предприятий нефтеперерабатывающей отрасли формируется под воздействием комплекса технологических, экономических и организационных факторов. В современных условиях недостаточно только наращивать объемы переработки нефти. Более важное значение приобретают глубина переработки, выход светлых нефтепродуктов, структура выпускаемой продукции, уровень производственных затрат, надежность оборудования и устойчивость логистики.

Проведенный анализ показывает, что повышение конкурентоспособности нефтеперерабатывающих предприятий должно основываться на системном организационно-экономическом подходе. Он включает инвестиционное управление модернизацией, контроль себестоимости, повышение производственной надежности, развитие технологического суверенитета, цифровизацию и совершенствование сбытовой политики.

Таким образом, конкурентоспособное нефтеперерабатывающее предприятие – это не только технологически оснащенный производственный объект, но и эффективно управляемая экономическая система, способная обеспечивать выпуск качественных нефтепродуктов, снижать издержки, адаптироваться к рыночным изменениям и поддерживать устойчивое развитие отрасли.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_503079/ (дата обращения: 13.06.2026).

2. Россия в 2024 году снизила переработку нефти до 266,5 млн тонн // ТАСС. – 2025. – 30 января. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23013041> (дата обращения: 13.06.2026).

3. Результаты ПАО «НК «Роснефть» за 1 кв. 2024 г. по МСФО // ПАО «НК «Роснефть»: официальный сайт. – 2024. – 30 мая. – URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/219643/> (дата обращения: 13.06.2026).

4. Годовой отчет ПАО «Газпром нефть» за 2024 год // ПАО «Газпром нефть»: официальный

сайт. – URL: <https://ir.gazprom-neft.ru/upload/iblock/5b7/4f14xrc7h7q4fv1k6spf m8efxpqcutry/Godovoy-otchet-PAO-Gazprom-neft-2024.pdf> (дата обращения: 13.06.2026).

5. Годовой отчет ПАО «ЛУКОЙЛ» за 2024 год // Центр раскрытия корпоративной информации. – 2025. – 16 мая. – URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/FileLoad.ashx?Fileid=1881000> (дата обращения: 13.06.2026).

RYAZANOV Alexander Dmitrievich

Master's Student, Witte Moscow University, Russia, Moscow

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF OIL REFINING ENTERPRISES

Abstract. *The article discusses the organizational and economic aspects of increasing the competitiveness of oil refining enterprises. The relevance of the topic is due to the high importance of oil refining for the sustainable functioning of the fuel and energy complex, providing the domestic market with petroleum products and increasing the efficiency of industrial production. Special attention is paid to the modernization of production facilities, cost management, increasing the depth of oil refining, the development of technological sovereignty, logistical stability and the quality of management decisions. It is concluded that the competitiveness of oil refineries is formed not only through technological renewal, but also through integrated organizational and economic management.*

Keywords: *oil refining, competitiveness, petroleum products, cost management, modernization, industrial enterprise, fuel and energy complex.*

РЯЗАНОВ Александр Дмитриевич

магистрант, Московский университет имени С. Ю. Витте, Россия, г. Москва

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-экономические направления повышения энергоэффективности промышленного предприятия нефтегазового комплекса. Актуальность темы обусловлена высокой энергоемкостью производственных процессов в нефтегазовой отрасли, значительной долей энергетических затрат в структуре операционных расходов и необходимостью повышения устойчивости предприятий в условиях технологической модернизации. Особое внимание уделено системе энергетического менеджмента, экономической оценке энергосберегающих мероприятий, цифровому мониторингу энергопотребления и практическим результатам реализации программ энергосбережения на предприятиях нефтегазового комплекса. Сделан вывод о том, что энергоэффективность должна рассматриваться как комплексный управленческий процесс, объединяющий организационные, экономические, технологические и кадровые инструменты.

Ключевые слова: энергоэффективность, энергосбережение, нефтегазовый комплекс, промышленное предприятие, энергетический менеджмент, организационно-экономический механизм, энергозатраты.

Введение

Повышение энергоэффективности промышленного предприятия является одним из значимых направлений современного экономического управления. В условиях роста стоимости энергетических ресурсов, усиления экологических требований и необходимости повышения конкурентоспособности предприятий рациональное использование энергии приобретает не только производственное, но и стратегическое значение.

Особую актуальность проблема энергоэффективности имеет для нефтегазового комплекса. Предприятия данной отрасли одновременно являются крупными производителями и потребителями энергетических ресурсов. Добыча, транспортировка, подготовка и переработка углеводородов требуют значительных объемов электроэнергии, тепловой энергии и топлива. В связи с этим снижение удельных энергетических затрат оказывает прямое влияние на себестоимость продукции, финансовые результаты предприятия и устойчивость производственных процессов.

В Российской Федерации вопросы энергосбережения и повышения энергетической эффективности регулируются Федеральным законом № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» [1]. Кроме того, данные вопросы отражены в

государственной программе Российской Федерации «Развитие энергетики» [2]. Это подтверждает, что энергоэффективность рассматривается не только как внутренняя задача предприятий, но и как важное направление государственной экономической политики.

Цель статьи заключается в определении организационно-экономических направлений повышения энергоэффективности промышленного предприятия нефтегазового комплекса.

Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть сущность энергоэффективности как экономико-управленческой категории, рассмотреть особенности управления энергопотреблением в нефтегазовой отрасли, проанализировать практические результаты энергосберегающих мероприятий и сформулировать основные направления повышения энергоэффективности.

Сущность энергоэффективности промышленного предприятия

Энергоэффективность промышленного предприятия следует понимать как способность обеспечивать необходимый производственный результат при рациональном использовании топливно-энергетических ресурсов. В отличие от простого сокращения энергопотребления, энергоэффективность предполагает

снижение удельных энергетических затрат без ухудшения производственных показателей.

С экономической точки зрения энергоэффективность связана со снижением себестоимости продукции, повышением производительности активов, уменьшением потерь и ростом устойчивости предприятия. В управленческом аспекте она выступает результатом функционирования системы энергетического менеджмента, включающей планирование, учет, контроль, анализ и постоянное совершенствование процессов энергопотребления.

В международной практике важное значение имеет стандарт ISO 50001, определяющий требования к системам энергетического менеджмента [4]. Его применение позволяет организациям разрабатывать энергетическую политику, устанавливать цели, использовать данные для принятия решений и обеспечивать постоянное улучшение энергетической результативности. Для крупных промышленных предприятий данный подход особенно важен, поскольку энергопотребление распределено между множеством технологических процессов, производственных участков и объектов инфраструктуры.

Для оценки энергоэффективности используются абсолютные и относительные показатели. К абсолютным относятся общий объем потребления электроэнергии, тепловой энергии, топлива и иных ресурсов. Однако для объективной оценки более значимыми являются относительные показатели: удельное энергопотребление на единицу продукции, энергоемкость производственного процесса, доля энергозатрат в себестоимости, объем экономии топливно-энергетических ресурсов, срок окупаемости энергосберегающих мероприятий и снижение выбросов парниковых газов.

Дополнительное значение имеют стандарты ISO 50006 и ISO 50015, раскрывающие подходы к формированию энергетических базовых линий, показателей энергетической результативности, а также измерению и верификации достигнутого эффекта [5, 6]. Это позволяет не только планировать мероприятия, но и подтверждать их фактическую результативность.

Таким образом, энергоэффективность промышленного предприятия является комплексной категорией, объединяющей экономические, организационные, технологические и экологические аспекты управления.

Особенности управления энергоэффективностью в нефтегазовом комплексе

Нефтегазовый комплекс характеризуется высокой технологической сложностью и значительной энергоемкостью производственных процессов. Наибольшие объемы энергии потребляются при эксплуатации скважинного фонда, работе насосного и компрессорного оборудования, поддержании пластового давления, подготовке и транспортировке нефти и газа, а также в процессах нефтепереработки.

Особенностью нефтегазовых предприятий является территориальная распределенность производственных активов. Объекты добычи и транспортировки углеводородов могут располагаться в удаленных районах, в сложных климатических условиях и на месторождениях с различной степенью зрелости. Поэтому мероприятия по повышению энергоэффективности должны учитывать состояние оборудования, структуру скважинного фонда, уровень развития энергетической инфраструктуры, доступность централизованного электроснабжения и технологические особенности конкретного объекта.

На примере ПАО «НК Роснефть» можно увидеть масштаб энергетической задачи в отрасли. В 2024 г. добыча углеводородов компании составила 255,9 млн т нефтяного эквивалента, добыча жидких углеводородов – 184,0 млн т, добыча газа – 87,5 млрд куб. м [8]. Поддержание таких объемов производства требует устойчивой энергетической инфраструктуры и постоянной работы по снижению удельных затрат.

Энергетическая инфраструктура компании включает электрические сети протяженностью около 62 тыс. км, трансформаторные подстанции и генерирующие объекты совокупной установленной электрической мощностью 2,6 ГВт [9]. Следовательно, управление энергоэффективностью в нефтегазовой компании не может ограничиваться отдельными техническими мероприятиями. Оно должно охватывать эксплуатацию, ремонт, модернизацию, учет, контроль и стратегическое развитие энергетических систем.

Повышение энергоэффективности в нефтегазовом комплексе имеет несколько взаимосвязанных результатов. Во-первых, оно снижает операционные расходы предприятия. Во-вторых, повышает надежность энергоснабжения и уменьшает риск технологических простоев. В-третьих, способствует снижению экологической нагрузки. В-четвертых, повышает

качество управленческих решений за счет развития систем мониторинга и анализа энергопотребления.

Организационно-экономический механизм повышения энергоэффективности

Организационно-экономический механизм повышения энергоэффективности включает совокупность управленческих решений, экономических стимулов, процедур учета, инвестиционных инструментов и мер контроля, направленных на снижение удельного потребления энергетических ресурсов.

Первым элементом данного механизма является энергетическая политика предприятия. Она должна определять цели в области энергосбережения, порядок распределения ответственности, приоритетные направления модернизации и систему контроля результатов. Для нефтегазового предприятия важно, чтобы энергетическая политика была связана не только с техническими службами, но и с финансовыми, производственными, инвестиционными и экологическими подразделениями.

Вторым элементом выступает система энергетического учета и мониторинга. Без достоверных данных невозможно выявить потери, определить неэффективные режимы работы оборудования и рассчитать экономический эффект от мероприятий. Поэтому особое значение приобретают автоматизированные системы учета энергоресурсов, цифровые платформы, диспетчеризация и аналитические модели энергопотребления.

Третьим элементом является система показателей. Для нефтегазового предприятия целесообразно применять производственные, энергетические, экономические и экологические показатели. К производственным относятся объем добычи, переработки и транспортировки сырья. К энергетическим – потребление электроэнергии, тепла и топлива, удельный расход энергии, потери в сетях и коэффициент полезного действия оборудования. К экономическим – сумма экономии, снижение себестоимости, инвестиционные затраты и срок окупаемости. К экологическим – снижение выбросов парниковых газов и сокращение потребления топлива.

Четвертым элементом является инвестиционный механизм. Повышение энергоэффективности требует капитальных вложений: модернизации насосного и компрессорного оборудования, замены электродвигателей, внедрения частотно-регулируемых приводов,

реконструкции энергетической инфраструктуры и внедрения автоматизированных систем управления. Поэтому каждое мероприятие должно оцениваться с позиции экономической эффективности, срока окупаемости и влияния на надежность производства.

Пятым элементом выступает кадровое обеспечение. Энергосбережение невозможно без квалифицированного персонала, регламентов эксплуатации, системы мотивации и ответственности подразделений. Работники должны быть вовлечены в процесс рационального использования ресурсов, а руководители производственных участков – иметь конкретные показатели по снижению энергозатрат.

Таким образом, организационно-экономический механизм повышения энергоэффективности должен функционировать как непрерывный управленческий цикл: постановка целей, измерение исходного состояния, реализация мероприятий, оценка результата и последующая корректировка программы.

Практические результаты энергосбережения на предприятиях нефтегазового комплекса

Практика предприятий нефтегазового комплекса показывает, что системная работа в области энергосбережения может обеспечивать значительный экономический эффект. По данным ПАО «НК «Роснефть», за 9 месяцев 2024 г. объем сэкономленных компанией топливно-энергетических ресурсов составил 269 тыс. тонн условного топлива, или свыше 6 млрд рублей [9]. Данный результат был достигнут за счет реализации широкого комплекса энергосберегающих мероприятий, включая оптимизацию технологических процессов и внедрение энергоэффективного оборудования.

Показательным примером является деятельность «РН-Юганскнефтегаза». В 2024 г. предприятие сэкономило более 495 млн кВт электроэнергии, а экономический эффект составил около 2,3 млрд рублей [10]. Среди основных мероприятий можно выделить внедрение энергоэффективных электродвигателей, модернизацию насосного оборудования и обновление систем освещения. Кроме того, предприятие сертифицировано по стандарту ISO 50001, что подтверждает применение системного подхода к энергетическому менеджменту.

Другим примером является «РН-Ванкор». В рамках программы энергосбережения предприятие сэкономило более 1,3 млрд рублей, или свыше 593 млн кВт. Такой объем экономии

сопоставим с 22% общего энергопотребления объектов Ванкорского кластера в 2023 г., а сокращение выбросов парниковых газов составило более 287 тыс. тонн CO₂-эквивалента [11]. Это показывает, что энергосберегающие мероприятия обеспечивают не только экономический, но и экологический результат.

Значимые результаты также демонстрирует АНК «Башнефть». По итогам 2024 г. предприятия компании сократили потребление энергоресурсов на 71 тыс. тонн условного топлива, а экономический эффект превысил 986 млн рублей [12]. Основная часть эффекта была получена за счет мероприятий в добывающем сегменте, нефтепереработке и нефтехимии.

Рассмотренные примеры позволяют выделить наиболее результативные направления энергосбережения в нефтегазовом комплексе: модернизация насосного и электродвигательного оборудования, оптимизация режимов работы производственных объектов, развитие энергетической инфраструктуры, внедрение цифрового мониторинга и применение систем энергетического менеджмента.

Направления повышения энергоэффективности промышленного предприятия нефтегазового комплекса

С учетом теоретических положений и практического опыта можно выделить несколько основных направлений повышения энергоэффективности промышленного предприятия нефтегазового комплекса.

Первое направление связано с развитием системы энергетического менеджмента. Предприятие должно формировать единую систему управления энергопотреблением, основанную на установлении целей, распределении ответственности, регулярном мониторинге и анализе результатов. Использование принципов ISO 50001 позволяет придать энергосбережению системный характер и встроить его в общую систему корпоративного управления.

Второе направление заключается в совершенствовании энергетического учета. Чем точнее предприятие понимает структуру энергопотребления, тем выше вероятность выявления потерь и неэффективных режимов работы оборудования. Поэтому необходимо расширять применение автоматизированных систем учета, цифровых платформ, датчиков и аналитических инструментов.

Третье направление связано с модернизацией оборудования. В нефтедобыче особое значение имеют энергоэффективные

электродвигатели, насосы с высоким коэффициентом полезного действия, частотно-регулируемые приводы и современные системы поддержания пластового давления. В нефтепереработке важны повышение эффективности печного, теплообменного, насосного и компрессорного оборудования, а также использование вторичных энергетических ресурсов.

Четвертое направление – оптимизация энергетической инфраструктуры. Для территориально распределенных предприятий нефтегазового комплекса большое значение имеют снижение потерь в электрических сетях, повышение надежности электроснабжения, реконструкция подстанций и выбор экономически обоснованных схем энергообеспечения.

Пятое направление заключается в применении экономической оценки энергосберегающих мероприятий. Каждое мероприятие должно сопровождаться расчетом инвестиций, экономии, срока окупаемости и влияния на производственный процесс. При этом следует учитывать не только прямой денежный эффект, но и косвенные результаты: снижение аварийности, уменьшение простоев, повышение надежности и сокращение экологической нагрузки.

Шестое направление связано с развитием мотивации персонала. Энергосбережение должно быть встроено в систему показателей эффективности подразделений. Для этого необходимо закреплять ответственность за энергопотребление, стимулировать рационализаторские предложения, проводить обучение персонала и распространять успешные практики между производственными объектами.

Таким образом, повышение энергоэффективности должно рассматриваться как комплексный управленческий процесс, объединяющий технические, экономические и организационные решения.

Заключение

Повышение энергоэффективности промышленного предприятия нефтегазового комплекса является важным направлением экономического и управленческого развития. В современных условиях оно связано не только со снижением энергопотребления, но и с повышением устойчивости производства, сокращением себестоимости, снижением экологической нагрузки и улучшением качества корпоративного управления.

Проведенное исследование показывает, что эффективное управление энергопотреблением

требует формирования организационно-экономического механизма, включающего энергетическую политику, систему учета, показатели результативности, инвестиционное планирование, цифровой мониторинг и кадровое обеспечение. Особое значение имеет применение систем энергетического менеджмента, позволяющих обеспечить непрерывное улучшение энергетической результативности предприятия.

Практика предприятий нефтегазового комплекса подтверждает, что энергосберегающие мероприятия могут обеспечивать значительный экономический эффект. Примеры ПАО «НК «Роснефть», «РН-Юганскнефтегаза», «РН-Ванкора» и АНК «Башнефть» показывают, что наибольшие результаты достигаются при сочетании модернизации оборудования, оптимизации технологических режимов, развития энергетической инфраструктуры и внедрения цифрового мониторинга.

Следовательно, организационно-экономические направления повышения энергоэффективности должны реализовываться системно и непрерывно. Только комплексный подход позволяет снижать удельные энергетические затраты, повышать надежность производственных процессов, уменьшать экологические риски и укреплять конкурентоспособность промышленного предприятия нефтегазового комплекса.

Литература

1. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (дата обращения: 13.06.2026).
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162194/ (дата обращения: 13.06.2026).
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие энергетики» // Министерство энергетики Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://minenergo.gov.ru/activity/government-program> (дата обращения: 13.06.2026).
4. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации за 2024 год // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://economy.gov.ru/material/file/1139ee24962318d136cb064273db9a41/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_energoberezeniya_v_rf_za_2024_god.pdf (дата обращения: 13.06.2026).
5. ISO 50001:2018. Energy management systems – Requirements with guidance for use // International Organization for Standardization: official website. – URL: <https://www.iso.org/standard/69426.html> (дата обращения: 13.06.2026).
6. ISO 50006:2023. Energy management systems – Evaluating energy performance using energy performance indicators and energy baselines // International Organization for Standardization: official website. – URL: <https://www.iso.org/standard/79367.html> (дата обращения: 13.06.2026).
7. ISO 50015:2014. Energy management systems – Measurement and verification of energy performance of organizations – General principles and guidance // International Organization for Standardization: official website. – URL: <https://www.iso.org/standard/60043.html> (дата обращения: 13.06.2026).
8. Energy Efficiency 2024 // International Energy Agency: official website. – URL: <https://www.iea.org/reports/energy-efficiency-2024> (дата обращения: 13.06.2026).
9. Результаты ПАО «НК «Роснефть» за 12 мес. 2024 г. по МСФО // ПАО «НК «Роснефть»: официальный сайт. – URL: <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/221792/> (дата обращения: 13.06.2026).
10. «Роснефть» повышает эффективность энергообеспечения производственных объектов // ПАО «НК «Роснефть»: официальный сайт. – 2024. – 20 декабря. – URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/221445/> (дата обращения: 13.06.2026).
11. Экономический эффект от программы энергосбережения «РН-Юганскнефтегаза» превысил 2 млрд рублей // ПАО «НК «Роснефть»: официальный сайт. – 2025. – 28 января. – URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/221568/> (дата обращения: 13.06.2026).
12. Экономический эффект от реализации программы энергосбережения «РН-Ванкор» превысил 1,3 млрд рублей // ПАО «НК «Роснефть»: официальный сайт. – 2024. –

26 апреля. – URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/219253/> (дата обращения: 13.06.2026).

13. Экономический эффект «Башнефти» от реализации программы энергосбережения в

2024 г. достиг 1 млрд рублей // ПАО «НК «Роснефть»: официальный сайт. – 2025. – 24 февраля. – URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/221657/> (дата обращения: 13.06.2026).

RYAZANOV Alexander Dmitrievich

Master's Student, Witte Moscow University, Russia, Moscow

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC DIRECTIONS FOR IMPROVING THE ENERGY EFFICIENCY OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE IN THE OIL AND GAS COMPLEX

Abstract. *The article discusses the organizational and economic directions of improving the energy efficiency of an industrial enterprise in the oil and gas complex. The relevance of the topic is due to the high energy intensity of production processes in the oil and gas industry, the significant share of energy costs in the structure of operating expenses and the need to increase the sustainability of enterprises in the context of technological modernization. Special attention is paid to the energy management system, the economic assessment of energy-saving measures, digital monitoring of energy consumption, and the practical results of implementing energy-saving programs at oil and gas enterprises. It is concluded that energy efficiency should be considered as an integrated management process combining organizational, economic, technological and personnel tools.*

Keywords: *energy efficiency, energy saving, oil and gas complex, industrial enterprise, energy management, organizational and economic mechanism, energy consumption.*

СИЗОВ Андрей Евгеньевич

студент, Московский финансово-юридический университет, Россия, г. Москва

*Научный руководитель – преподаватель Московского финансово-юридического университета,
доктор педагогических наук Майковская Виктория Игоревна*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ: РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕНЕДЖМЕНТА

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровой трансформации и искусственного интеллекта на систему менеджмента современной организации. Раскрыты изменения основных управленческих функций, определены организационные условия успешного внедрения ИИ, выделены риски и предложена модель управленческого внедрения цифровых решений. Сделан вывод о том, что эффективность цифровой трансформации зависит не только от технологий, но и от стратегии, качества данных, компетенций персонала, лидерства и этического контроля.

Ключевые слова: менеджмент, цифровая трансформация, искусственный интеллект, управленческие решения, организационные изменения, эффективность управления.

Введение

Современный менеджмент развивается в условиях ускоренной цифровизации, изменения структуры рынков и роста неопределенности. Если ранее цифровые инструменты рассматривались преимущественно как вспомогательные средства автоматизации отдельных операций, то сегодня они становятся частью управленческой системы: влияют на стратегическое планирование, контроль, коммуникации, управление персоналом, клиентский опыт и принятие решений. Особое значение приобретает искусственный интеллект, поскольку он позволяет обрабатывать большие массивы данных, выявлять закономерности, прогнозировать спрос, оценивать риски и формировать управленческие рекомендации.

Актуальность темы определяется тем, что цифровая трансформация уже не является отдельным ИТ-проектом. Она затрагивает бизнес-модель организации, распределение полномочий, компетенции руководителей и работников, показатели эффективности и корпоративную культуру. По данным McKinsey, в 2025 г. более трех четвертей респондентов сообщили об использовании искусственного интеллекта хотя бы в одной бизнес-функции, а компании начали перестраивать рабочие процессы и усиливать управление рисками при внедрении генеративного ИИ [6]. Это означает, что

цифровой менеджмент становится практической необходимостью для организаций разных размеров и отраслей.

Цель статьи – раскрыть роль цифровой трансформации и искусственного интеллекта в повышении эффективности менеджмента организации. Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить содержание цифровой трансформации управления; определить направления влияния ИИ на функции менеджмента; выделить организационные условия успешного внедрения цифровых решений; предложить модель управленческого внедрения ИИ, ориентированную на повышение эффективности и снижение рисков.

Объектом исследования выступает система менеджмента современной организации. Предметом исследования являются управленческие отношения, процессы и инструменты, изменяющиеся под влиянием цифровизации и искусственного интеллекта. Методологическую основу составили анализ научной и деловой литературы, систематизация подходов к управлению изменениями, сравнительный анализ факторов эффективности и обобщение практических рекомендаций международных исследовательских организаций.

Теоретические основы цифровой трансформации менеджмента

Цифровая трансформация менеджмента представляет собой комплексное изменение управленческих процессов на основе цифровых технологий, данных и новых организационных практик. В отличие от простой автоматизации, при которой сохраняется прежняя логика работы, трансформация предполагает пересмотр целей, процессов, ролей, ответственности и способов взаимодействия с внутренними и внешними заинтересованными сторонами. Поэтому цифровая трансформация должна рассматриваться как управленческое изменение, а не только как внедрение программного обеспечения.

В классическом менеджменте принято выделять функции планирования, организации, мотивации и контроля. Цифровизация влияет на каждую из них. Планирование становится более аналитическим за счет прогнозных моделей и сценарного анализа. Организация деятельности меняется благодаря платформам совместной работы, электронному документообороту и распределенным командам. Мотивация приобретает более персонализированный характер, поскольку руководители получают данные о вовлеченности, обучении и производительности. Контроль становится непрерывным и основанным на показателях, а не только на периодической отчетности.

Искусственный интеллект усиливает этот процесс, поскольку способен не только фиксировать данные, но и формировать прогнозы, рекомендации и варианты решений. Однако управленческая ценность ИИ появляется только при наличии понятной цели, качественных данных, подготовленных сотрудников и ответственного контроля со стороны руководства. Без этого цифровые решения могут создавать эффект имитации инноваций: организация приобретает технологию, но не меняет процессы, не получает экономического результата и сталкивается с сопротивлением персонала.

В современной литературе по менеджменту все чаще подчеркивается, что цифровая трансформация требует баланса между технологическим и человеческим факторами. Руководитель должен не только выбирать ИТ-инструменты, но и объяснять смысл изменений, снижать неопределенность, формировать доверие к данным и обеспечивать обучение работников.

Такой подход соответствует логике управления организационными изменениями, согласно которой устойчивый результат достигается через согласование стратегии, структуры, культуры и компетенций.

Влияние искусственного интеллекта на функции менеджмента

Рассмотрим основные направления влияния ИИ на управленческие функции. В стратегическом управлении ИИ применяется для анализа рыночных тенденций, поведения потребителей, конкурентной среды и внешних рисков. Он позволяет руководству быстрее получать информацию, проверять гипотезы и моделировать сценарии развития. При этом ИИ не заменяет стратегическое мышление, но расширяет информационную базу для принятия решений.

В операционном управлении ИИ используется для оптимизации процессов, прогнозирования загрузки ресурсов, управления запасами, распределения задач и выявления узких мест. Например, алгоритмы могут обнаруживать отклонения в производственных или сервисных процессах раньше, чем они приведут к существенным потерям. Это повышает скорость управленческой реакции и снижает зависимость от ручной обработки информации.

В управлении персоналом искусственный интеллект может использоваться для подбора кандидатов, анализа компетенций, планирования обучения, оценки вовлеченности и прогнозирования риска текучести. Вместе с тем HR-направление требует особой осторожности, поскольку решения, затрагивающие людей, должны быть прозрачными, справедливыми и проверяемыми. OECD подчеркивает, что развитие ИИ должно сочетать инновационность и доверие, уважение прав человека и демократических ценностей [10]. Следовательно, менеджменту необходимо не только внедрять алгоритмы, но и устанавливать принципы их ответственного использования.

В управлении коммуникациями ИИ помогает систематизировать информацию, подготавливать документы, анализировать обращения клиентов и сотрудников, формировать базы знаний. В организациях с большим объемом коммуникаций это позволяет снизить перегрузку менеджеров и ускорить обработку типовых запросов. Однако чрезмерная автоматизация коммуникаций может ухудшить качество взаимодействия, если сотрудники и клиенты

перестают получать человеческую поддержку в сложных или эмоционально значимых ситуациях.

Таким образом, влияние ИИ на менеджмент неоднозначно: технология повышает скорость и точность анализа, но требует развития новых

компетенций руководителей. Ключевым становится не сам факт использования ИИ, а способность организации встроить его в управленческий цикл: цель – данные – решение – действие – оценка результата – корректировка.

Таблица 1

Влияние ИИ на основные функции менеджмента

Функция менеджмента	Возможности ИИ	Ожидаемый управленческий эффект
Планирование	Прогнозирование спроса, сценарный анализ, обработка больших данных	Более обоснованные цели, снижение неопределенности, ускорение подготовки решений
Организация	Распределение задач, оптимизация процессов, поддержка проектного управления	Сокращение потерь времени, повышение прозрачности ответственности
Мотивация	Анализ вовлеченности, персонализация обучения, выявление факторов текучести	Повышение адресности HR-мероприятий и качества обратной связи
Контроль	Мониторинг показателей, выявление отклонений, автоматическая отчетность	Раннее обнаружение рисков и повышение дисциплины исполнения
Коммуникации	Чат-боты, базы знаний, интеллектуальный поиск, анализ обращений	Ускорение обмена информацией и снижение рутинной нагрузки

Организационные условия успешной цифровой трансформации

Первым условием является стратегическая определенность. Руководство должно понимать, какие управленческие проблемы решаются с помощью цифровизации: сокращение сроков принятия решений, снижение затрат, повышение качества обслуживания, рост прозрачности, усиление контроля рисков или развитие инноваций. Если цель не определена, цифровой проект превращается в набор несвязанных инициатив.

Вторым условием выступает процессный подход. До внедрения цифровых инструментов необходимо описать существующие процессы, выявить их слабые места и определить целевое состояние. В противном случае организация рискует автоматизировать неэффективные процедуры. McKinsey отмечает, что организации, получающие ценность от ИИ, не ограничиваются запуском технологий, а перестраивают рабочие процессы, закрепляют управление ИИ за руководителями и вводят практики оценки эффективности [6].

Третье условие – развитие человеческого капитала. Deloitte указывает, что более 70% менеджеров и сотрудников с большей вероятностью

будут приходить и оставаться в компании, если она помогает им развиваться и успешно работать в мире, формируемом ИИ [7]. Это особенно важно, поскольку цифровая трансформация часто вызывает тревогу: работники опасаются потери рабочих мест, усложнения требований и усиления контроля. Поэтому обучение должно включать не только технические навыки, но и понимание роли человека в новой системе.

Четвертое условие – управление данными. ИИ зависит от качества исходной информации. Ошибочные, неполные или несогласованные данные приводят к неверным выводам и управленческим решениям. Поэтому организации необходимо устанавливать правила сбора, хранения, проверки и защиты данных, а также ответственность за их качество.

Пятое условие – этика и риск-менеджмент. Искусственный интеллект может создавать риски дискриминации, непрозрачности, утечки данных, зависимости от поставщика и некорректных рекомендаций. Поэтому необходимо формировать внутренние регламенты, проводить аудит алгоритмов, сохранять человеческий контроль над значимыми решениями и обеспечивать возможность объяснения результатов.

Таблица 2

Риски внедрения ИИ и управленческие меры их снижения

Риск	Проявление риска	Управленческие меры
Низкое качество данных	Ошибочные прогнозы и управленческие рекомендации	Регламенты работы с данными, назначение владельцев данных, аудит качества
Соппротивление персонала	Недоверие к цифровым инструментам, снижение вовлеченности	Коммуникация целей, обучение, участие сотрудников в пилотах
Этические проблемы	Непрозрачные решения, возможная дискриминация	Принципы ответственного ИИ, человеческий контроль, проверка алгоритмов
Фрагментация ИТ-систем	Дублирование данных, рост затрат, сложность интеграции	Единая архитектура решений, поэтапное внедрение, оценка совместимости
Отсутствие экономического эффекта	Технология внедрена, но процессы не изменены	Связь проекта с KPI, пересмотр процессов, регулярная оценка результата

Модель внедрения ИИ в систему менеджмента

Для практического применения можно предложить пятиэтапную модель внедрения искусственного интеллекта в менеджмент организации. На первом этапе проводится управленческая диагностика: определяются проблемы, цели, заинтересованные стороны, текущие процессы и доступные данные. На втором этапе выбираются приоритетные сценарии использования ИИ, которые дают измеримый эффект и не создают чрезмерных рисков. На третьем этапе осуществляется пилотное внедрение с ограниченным масштабом, понятными показателями и обратной связью от пользователей.

На четвертом этапе проводится масштабирование успешных решений: корректируются регламенты, распределяются роли, организуется обучение, создаются механизмы поддержки пользователей. На пятом этапе формируется система постоянной оценки: анализируются экономические результаты, качество решений, влияние на персонал, риски и соответствие стратегии организации. Такая модель позволяет избежать распространенной ошибки, когда цифровой проект воспринимается как разовая закупка технологии, а не как управляемое организационное изменение.

Важным элементом модели является роль руководителя. Руководитель должен выступать не только инициатором внедрения, но и переводчиком смысла изменений для сотрудников. Он объясняет, какие задачи будут автоматизированы, какие компетенции станут более востребованными, как изменятся показатели и почему использование данных повышает

качество управления. При отсутствии такой коммуникации сотрудники могут воспринимать ИИ как инструмент контроля и сокращения, что снижает доверие и вовлеченность.

Отдельного внимания заслуживает связь цифровой трансформации с инновационным менеджментом. ISO 56001:2024 рассматривает систему управления инновациями как инструмент, позволяющий организации развивать и демонстрировать инновационные способности, повышать результативность инноваций и создавать ценность для заинтересованных сторон [9]. Следовательно, внедрение ИИ следует связывать не только с экономией ресурсов, но и с формированием устойчивой способности организации к обновлению.

Практическая значимость и ожидаемые результаты

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные положения могут использоваться организациями при разработке программ цифровой трансформации, совершенствовании системы управления и подготовке персонала к работе с ИИ. Для образовательных целей статья может служить теоретической основой раздела ВКР, связанного с цифровизацией управления, повышением эффективности менеджмента или развитием организационных изменений.

Ожидаемые результаты внедрения цифровых инструментов в менеджмент можно разделить на экономические, организационные и социальные. Экономические результаты включают снижение затрат, рост производительности, сокращение времени обработки информации и повышение точности прогнозов. Организационные результаты проявляются в

прозрачности процессов, усилении координации, повышении дисциплины исполнения и улучшении качества управленческого контроля. Социальные результаты связаны с развитием компетенций сотрудников, снижением рутинной нагрузки и созданием условий для более содержательной работы.

Вместе с тем цифровая трансформация не гарантирует автоматического успеха. Если организация не меняет процессы, не развивает управленческие компетенции и не контролирует риски, внедрение ИИ может привести к дополнительным затратам, снижению доверия и фрагментации информационных систем. Поэтому эффективность цифровой трансформации следует оценивать по комплексной системе показателей, включающей финансовые, процессные, кадровые и риск-ориентированные критерии.

Заключение

Цифровая трансформация и искусственный интеллект становятся важными факторами развития современного менеджмента. Они позволяют повысить скорость принятия решений, улучшить качество анализа, персонализировать управление персоналом, оптимизировать процессы и усилить стратегическую гибкость организации. Однако управленческий эффект возникает не от самой технологии, а от ее правильного включения в систему целей, процессов, компетенций и ответственности.

Проведенный анализ показал, что успешное внедрение ИИ требует стратегической определенности, процессного подхода, качественных данных, обучения персонала, этического регулирования и активной роли руководства. Предложенная пятиэтапная модель внедрения ИИ позволяет рассматривать цифровизацию как управляемое изменение, а не как разовую технологическую инициативу. Это особенно важно для организаций, стремящихся не только сократить затраты, но и повысить устойчивость, инновационность и конкурентоспособность.

Таким образом, цифровая трансформация менеджмента должна быть ориентирована на создание ценности для организации, сотрудников и клиентов. В перспективе преимущество

получат те организации, которые смогут соединить возможности искусственного интеллекта с человеческой экспертизой, ответственным лидерством и культурой постоянного развития.

Литература

1. Друкер П.Ф. Практика менеджмента. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 416 с.
2. Коттер Дж.П. Впереди перемен: как успешно провести организационные изменения. М.: Альпина Паблишер, 2020. 256 с.
3. Минцберг Г. Менеджмент: природа и структура организаций. СПб.: Питер, 2021. 512 с.
4. Gallup. State of the Global Workplace: 2026 Report. Gallup, Inc., 2026. URL: <https://www.gallup.com/workplace/349484/state-of-the-global-workplace.aspx> (дата обращения: 11.06.2026).
5. Gartner. Building Your Employee Experience Strategy: A Complete Guide. URL: <https://www.gartner.com/en/human-resources/topics/employee-experience> (дата обращения: 11.06.2026).
6. McKinsey & Company. The State of AI: How Organizations Are Rewiring to Capture Value. 2025. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-how-organizations-are-rewiring-to-capture-value> (дата обращения: 11.06.2026).
7. Deloitte. 2025 Global Human Capital Trends. 2025. URL: <https://www.deloitte.com/southeast-asia/en/services/consulting/perspectives/2025-human-capital-trends.html> (дата обращения: 11.06.2026).
8. Robbins S.P., Coulter M. Management. 15th ed. Pearson, 2021. 768 p.
9. ISO 56001:2024. Innovation management system – Requirements. International Organization for Standardization, 2024. URL: <https://www.iso.org/standard/79278.html> (дата обращения: 11.06.2026).
10. OECD. AI Principles overview. 2024. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (дата обращения: 11.06.2026).

SIZOV Andrey Evgenievich

Student, Moscow University of Finance and Law, Russia, Moscow

Scientific Advisor – Lecturer at the Moscow University of Finance and Law,

Doctor of Pedagogical Sciences Maikovskaya Victoria Igorevna

DIGITAL TRANSFORMATION OF ORGANIZATION MANAGEMENT: THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN IMPROVING MANAGEMENT EFFICIENCY

Abstract. *The article examines the impact of digital transformation and artificial intelligence on the management system of a modern organization. The changes in the main management functions are disclosed, the organizational conditions for the successful implementation of AI are determined, the risks are highlighted, and a model for the management implementation of digital solutions is proposed. It is concluded that the effectiveness of digital transformation depends not only on technology, but also on strategy, data quality, staff competencies, leadership, and ethical control.*

Keywords: *management, digital transformation, artificial intelligence, managerial decisions, organizational changes, management effectiveness.*

ПЕДАГОГИКА

БАНУШКИН Олег Николаевич

студент, Гжельский государственный университет, Россия, п. Электроизолятор

*Научный руководитель – доцент Гжельского государственного университета,
кандидат педагогических наук Варицкий Юрий Анатольевич*

ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому анализу феномена жизнестойкости в контексте современной педагогики и психологии, а также рассмотрению подросткового возраста как сензитивного периода для формирования этого качества.

Ключевые слова: жизнестойкость, подростковый возраст, субъектность личности, личностный потенциал, вовлечённость, контроль, принятие риска, формирование идентичности.

1. Теоретико-методологические основы изучения жизнестойкости в современной педагогике и психологии

1.1. Концептуальные подходы к пониманию жизнестойкости в отечественной науке

Феномен жизнестойкости представляет собой один из наиболее интенсивно развивающихся концептов современной психологической и педагогической науки, отражающий парадигмальный сдвиг от патогенетической к саногенетической модели изучения личности. Данный конструкт возник в контексте экзистенциально-гуманистической психологии как попытка концептуализировать те внутренние ресурсы человека, которые обеспечивают не просто выживание в стрессовых условиях, но сохранение психического здоровья, продуктивной активности и личностного роста в ситуациях высокой неопределенности и давления обстоятельств. Термин «жизнестойкость» является русскоязычным эквивалентом английского понятия «hardiness», введенного в научный оборот американским психологом Сальваторе Мадди в конце 1970-х годов в результате масштабного лонгитюдного исследования реакций сотрудников крупной телекоммуникационной компании на организационные изменения.

Концептуальная модель С. Мадди, разработанная на основе экзистенциальной философии и интегрирующая идеи А. Камю,

М. Хайдеггера, П. Тиллиха о подлинном существовании человека, постулирует жизнестойкость как системное качество личности, которое формируется в раннем онтогенезе и представляет собой паттерн установок и когнитивно-поведенческих навыков, позволяющих превращать потенциально травмирующие изменения в возможности для развития. Структура жизнестойкости, согласно этой модели, включает три взаимосвязанных компонента, каждый из которых отражает определенный аспект отношения личности к себе и миру. Первый компонент – вовлеченность (commitment) – характеризует убежденность человека в ценности и осмысленности собственной деятельности, готовность активно участвовать в происходящих событиях, получать удовольствие от собственной активности, что противостоит отчуждению и чувству отвергнутости. Контроль (control) как второй компонент жизнестойкости представляет собой убеждение личности в возможности влиять на результаты происходящего, даже если это влияние не абсолютно, что формирует активную жизненную позицию в противовес беспомощности и пассивности.

Третий компонент структуры жизнестойкости – принятие риска (challenge) – отражает восприятие человеком жизни как способа приобретения опыта через активное усвоение знаний из позитивного и негативного опыта,

готовность действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, рассматривать изменения как источник развития, а не угрозу безопасности. Именно этот компонент противостоит стремлению к комфорту и простоте, создавая психологическую готовность к новизне и неопределенности. Важно подчеркнуть, что жизнестойкость в концепции С. Мадди не является врожденным качеством, а формируется в процессе онтогенетического развития под влиянием характера детско-родительских отношений, особенностей социализации и накопленного опыта преодоления трудностей. Эмпирические исследования, проведенные С. Мадди и его коллегами, убедительно продемонстрировали, что жизнестойкость выступает медиатором между стрессовыми событиями и показателями психического и физического здоровья, предотвращая развитие дезадаптивных реакций на стресс.

В отечественной психологической науке адаптация концепции *hardiness* и разработка методологических оснований изучения жизнестойкости в российском социокультурном контексте связаны прежде всего с исследованиями Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой, которые не только создали валидный психодиагностический инструментарий для измерения этого конструкта, но и осуществили его теоретическое осмысление в рамках отечественной психологической традиции. Авторы рассматривают жизнестойкость как особую переменную, опосредующую влияние стрессогенных факторов на соматическое и психическое здоровье, успешность деятельности, характеристики которой проявляются не столько в критических ситуациях, сколько в повседневной жизни. Жизнестойкость в их интерпретации представляет собой не просто совокупность защитных механизмов или копинг-стратегий, а более фундаментальную характеристику личности, определяющую общую направленность на активное освоение действительности и взаимодействие с миром.

Отечественная психологическая школа, опираясь на культурно-историческую теорию Л. С. Выготского и субъектно-деятельностный подход А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна, интерпретирует жизнестойкость как проявление субъектности личности, её способности выступать активным деятелем собственной жизни, а не пассивным объектом воздействия

обстоятельств. В работах Д. А. Леонтьева жизнестойкость рассматривается в контексте более широкой проблематики личностного потенциала как интегральной характеристики уровня личностной зрелости, а её ключевым проявлением выступает самодетерминация жизнедеятельности в условиях неопределенности. Такое понимание сближает концепт жизнестойкости с представлениями об осмысленности существования, внутренней мотивации, автономии личности, которые являются центральными в гуманистической и экзистенциальной психологии.

Педагогический аспект изучения жизнестойкости связан с вопросами о том, каким образом можно целенаправленно формировать это качество в процессе воспитания и обучения, какие педагогические условия способствуют развитию компонентов жизнестойкости у детей и подростков. Исследования в этом направлении осуществлены М. А. Одинцовой, И. М. Никольской, Р. И. Грановской, которые обосновали возможность и необходимость психолого-педагогической работы по повышению жизнестойкости обучающихся как фактора профилактики дезадаптации, девиантного поведения, зависимостей. Ключевая идея педагогического подхода заключается в том, что жизнестойкость формируется не через прямое воздействие или назидание, а через организацию определенного типа взаимодействия ребенка с окружающей средой, создание ситуаций, в которых он получает опыт эффективного преодоления трудностей, принятия ответственности, осмысленного выбора.

Анализ отечественных исследований позволяет выделить несколько теоретических подходов к интерпретации психологической природы жизнестойкости. Во-первых, диспозиционный подход рассматривает жизнестойкость как относительно устойчивую личностную диспозицию, стабильную характеристику индивида, которая формируется в раннем онтогенезе и проявляется в различных ситуациях. Во-вторых, динамический подход акцентирует изменчивость жизнестойкости в зависимости от условий жизнедеятельности, накопленного опыта, состояния ресурсов личности. В-третьих, системный подход трактует жизнестойкость как сложное многоуровневое образование, включающее когнитивный (убеждения, установки), эмоциональный (переживания,

отношения) и поведенческий (навыки, стратегии) компоненты, функционирующие как единая система.

Таким образом, концептуальный анализ показывает, что жизнестойкость представляет собой сложный многомерный конструкт, который может рассматриваться как личностная диспозиция, система убеждений, паттерн совладающего поведения, ресурс личности, проявление субъектности. В отечественной психологической науке сформировалась традиция рассмотрения жизнестойкости в контексте субъектно-деятельностного подхода, концепции смысловой регуляции, теории личностного потенциала. Жизнестойкость трактуется не как статичная характеристика, а как динамическое качество, которое формируется в онтогенезе, может развиваться и наращиваться при создании соответствующих условий. Особое значение придается изучению факторов формирования жизнестойкости, среди которых выделяются стиль детско-родительских отношений, характер образовательной среды, опыт преодоления трудностей, наличие социальной поддержки. Эти теоретические положения создают методологическую основу для разработки педагогических технологий развития жизнестойкости у обучающихся на разных ступенях образования.

1.2. Психологическая характеристика подросткового периода как этапа становления личностных ресурсов

Подростковый возраст традиционно определяется в возрастной психологии как переходный, критический период онтогенетического развития, характеризующийся глубокими качественными трансформациями во всех сферах личности – от биологической до социальной. Хронологические границы подросткового возраста варьируются в различных периодизациях, однако большинство отечественных исследователей относят к нему период с 11-12 до 15-16 лет, выделяя при этом младший подростковый возраст (11-13 лет) и старший подростковый возраст (14-16 лет), каждый из которых имеет свою психологическую специфику. Именно в этот период происходит переход от детства к взрослости, что сопровождается кардинальными изменениями в физическом, когнитивном, эмоциональном и социальном развитии, определяющими уникальность и сложность данного возрастного этапа.

Биологической основой подросткового периода выступает пубертатный криз – период интенсивного полового созревания, который запускает каскад нейроэндокринных изменений, влияющих на все аспекты функционирования организма. Активизация гипоталамо-гипофизарно-гонадной системы приводит к резкому повышению уровня половых гормонов, что обуславливает развитие вторичных половых признаков, изменение пропорций тела, скачок роста. Важнейшим психологическим следствием пубертата становится необходимость адаптации к изменяющемуся телу, формирование нового телесного образа Я, принятие своей сексуальности, что может сопровождаться переживаниями, связанными с внешностью, сравнением себя со сверстниками, тревогой по поводу нормативности собственного развития [6, с. 42].

В когнитивной сфере подростковый возраст характеризуется переходом к стадии формальных операций в терминологии Ж. Пиаже, что означает способность к абстрактному мышлению, гипотетико-дедуктивным рассуждениям, рефлексии над собственными мыслительными процессами. Подросток обретает возможность оперировать абстрактными понятиями, выдвигать и проверять гипотезы, рассматривать альтернативные точки зрения, что качественно трансформирует его интеллектуальные возможности. Формируется теоретическое мышление, способность к систематическому планированию, интеллектуальной рефлексии. Вместе с тем эти когнитивные достижения не всегда реализуются в повседневном поведении подростка в силу недостаточной зрелости регуляторных функций, что создает характерный разрыв между потенциальными возможностями и актуальными проявлениями.

Центральным психологическим новообразованием подросткового возраста, согласно концепции Д. Б. Эльконина, выступает чувство взрослости – особая форма самосознания, проявляющаяся в стремлении подростка быть и считаться взрослым, требовании отношения к себе как к взрослому, желании самостоятельности и независимости. Чувство взрослости возникает как результат осознания подростком изменений, происходящих с ним, сравнения себя с взрослыми и обнаружения у себя качеств, которые он считает признаками взрослости. Это новообразование имеет противоречивый

характер: подросток стремится к самостоятельности, но реально ещё зависим от взрослых; претендует на равноправие, но не всегда готов нести ответственность; требует признания, но сам не всегда способен адекватно оценить свои возможности. Именно противоречие между притязаниями на взрослость и реальными возможностями создает многие конфликтные ситуации в жизни подростка.

Ведущей деятельностью подросткового периода, по Д. Б. Эльконину, является интимно-личностное общение со сверстниками, в процессе которого формируются важнейшие личностные качества: способность к эмпатии, саморефлексия, моральное сознание, навыки социального взаимодействия. Группа сверстников приобретает особую значимость, становясь референтной для подростка, источником норм, ценностей, моделей поведения, критерием самооценки. Потребность в принадлежности к группе, признании сверстниками, дружеских отношениях становится доминирующей, что может приводить к конформности, зависимости от группового мнения, болезненному переживанию отвержения или непринятия. Специфика подросткового общения заключается в его интимно-личностном характере: подростки обсуждают личные проблемы, делятся переживаниями, проговаривают то, что волнует, через общение познают себя и других.

Развитие самосознания в подростковом возрасте характеризуется переходом к рефлексивному Я, способности смотреть на себя со стороны, анализировать собственные качества, мотивы, переживания. Формируется образ Я – сложная система представлений о себе, включающая когнитивный компонент (представления о своих способностях, качествах), эмоциональный компонент (самоотношение, самооценка) и поведенческий компонент (стратегии самопрезентации). Особенностью подросткового образа Я является его нестабильность, противоречивость, конфликтность: подросток может одновременно воспринимать себя как уникального и ничем не примечательного, сильного и беспомощного, зрелого и инфантильного. Самооценка подростка отличается неустойчивостью, ситуативностью, зависимостью от внешних оценок, особенно со стороны значимых сверстников.

Важнейшей задачей развития в подростковом возрасте, по Э. Эриксону, является

формирование идентичности – целостного, связного представления о себе, интегрирующего различные идентификации и социальные роли в единую структуру. Процесс формирования идентичности включает самоисследование (exploration) – изучение различных альтернатив в области мировоззрения, ценностей, профессиональных планов, и принятие обязательств (commitment) – выбор определенной позиции и следование ей. Основная опасность этого периода, согласно Э. Эриксону, заключается в диффузии идентичности – состоянии неопределенности, растерянности, неспособности выбрать направление развития, определить свое место в жизни. Диффузия идентичности может проявляться в избегании планирования будущего, неспособности к выбору, чувстве внутренней пустоты и бессмысленности существования.

Эмоциональная сфера подростка характеризуется повышенной интенсивностью переживаний, эмоциональной лабильностью, частыми перепадами настроения, склонностью к крайним эмоциональным реакциям. Подростки переживают эмоции более остро, чем взрослые, что связано как с нейробиологическими особенностями функционирования мозга, так и с новизной и значимостью переживаемых ситуаций. Характерна амбивалентность чувств: любовь может сочетаться с ненавистью, восхищение с презрением, стремление к близости с желанием дистанцироваться. Типичными для подросткового возраста являются переживания одиночества, непонятости, ощущение уникальности собственных проблем, убеждение в том, что никто не может понять глубину их чувств.

Особое значение для понимания психологии подросткового возраста имеет концепция личностного кризиса, разработанная Л. И. Божович, которая рассматривала подростковый период как кризис перехода от детства к взрослости, обусловленный противоречием между возросшими потребностями и ограниченными возможностями их удовлетворения [8, с. 56]. В этот период складывается новая внутренняя позиция, изменяется структура мотивационно-потребностной сферы, формируется устойчивое доминирование определенных мотивов. Подросток начинает ориентироваться на будущее, строить жизненные планы, осмысливать себя в перспективе времени. Формируется временная перспектива личности – способность

связывать настоящее с прошлым и будущим, видеть свою жизнь как протяженность, имеющую направление и смысл.

Подростковый возраст выступает сензитивным периодом для формирования многих личностных качеств и компетенций, в том числе жизнестойкости как интегративного ресурса личности. Именно в этот период закладываются базовые убеждения о себе и мире, формируются устойчивые паттерны совладания со стрессом, кристаллизуются ценностные ориентации. Опыт преодоления трудностей, накапливаемый подростком, формирует либо убеждение в собственной способности справляться с проблемами (компонент контроля жизнестойкости), либо чувство беспомощности и зависимости от обстоятельств. Характер взаимоотношений со значимыми взрослыми и сверстниками влияет на формирование компонента вовлеченности: принятие, поддержка, признание ценности личности способствуют развитию убеждения в осмысленности собственной деятельности и жизни.

Социальная ситуация развития подростка характеризуется расширением круга социальных контактов, освоением новых социальных ролей, возрастанием требований со стороны общества. Подросток выходит за пределы семейного круга, интенсивно включается в различные формы общественной жизни, осваивает правила и нормы взрослого сообщества. Образовательная среда школы приобретает особое значение не только как место получения знаний, но и как пространство социализации, где подросток получает опыт взаимодействия, решения конфликтов, сотрудничества, конкуренции. Этот социальный опыт становится важнейшим фактором формирования социальной компетентности, коммуникативных навыков, способности выстраивать отношения, что тесно связано с развитием жизнестойкости.

Специфика подросткового возраста проявляется в особой чувствительности к социальной оценке, зависимости самооценки от признания и принятия со стороны значимых других. Это создает как возможности, так и риски для развития жизнестойкости: позитивная обратная связь, признание достижений, поддержка в трудных ситуациях со стороны взрослых и сверстников способствуют формированию позитивного образа Я, веры в свои возможности, готовности принимать вызовы. Напротив,

критика, обесценивание, отвержение могут подрывать формирующуюся жизнестойкость, приводя к развитию беспомощности, избегания трудностей, негативного самовосприятия. Поэтому создание поддерживающей, принимающей образовательной среды является критически важным условием развития жизнестойкости подростков.

Таким образом, подростковый возраст представляет собой сложный, противоречивый, но чрезвычайно важный период развития личности, характеризующийся глубокими биологическими, когнитивными, эмоциональными и социальными трансформациями. Это период становления самосознания, формирования идентичности, освоения новых социальных ролей, развития абстрактного мышления и рефлексии. Подростковый возраст является сензитивным для формирования многих личностных качеств, в том числе жизнестойкости как интегративного ресурса, определяющего способность справляться с трудностями и использовать их как возможности для развития. Понимание психологической специфики подросткового периода является необходимым основанием для разработки эффективных педагогических стратегий развития жизнестойкости у обучающихся данной возрастной группы, учитывающих как возможности, так и ограничения этого возрастного этапа.

Заключение

В достаточно непростых условиях жизни современного подростка, где он испытывает постоянное воздействие стрессогенных факторов, давление пространства с избыточной насыщенностью информацией и неопределенность, актуальным остается изучение жизнестойкости, благодаря которой возможно успешно преодолеть трудности, противостоять воздействию стрессогенных факторов, адаптироваться и эффективно использовать свои возможности.

Подростковый период в психологии считается критическим. Обучение продолжает оставаться ведущей деятельностью, возникает деятельность общения, установления интимно-личностных отношений между подростками. Формируются личностные смыслы и взгляды на жизнь, мировоззрение, политическая позиция.

Современный подросток живет в окружении стрессогенных факторов, низкая жизнестойкость приводит к дезадаптации,

возникновению негативных зависимостей, отсутствию устойчивой системы личностных ценностей.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что жизнестойкость возможно развить и подростковый период является для этого сензитивным периодом. Установлено, что на развитие жизнестойкости подростка влияет ряд внутренних и внешних факторов: врожденная уязвимость, состояние здоровья, мотивация, трудоспособность образ жизни, уровень эмоционального интеллекта, атмосфера в семье, детско-родительские отношения, атмосфера и взаимоотношения в образовательном учреждении, средства массовой информации, макросоциальные условия жизни.

Так как семья и образовательная среда существенным образом влияют на формирование личности подростка, необходимо рассматривать их как условия формирования жизнестойкости и проводить работу, позволяющую устранить негативные проявления с их стороны и максимально эффективно использовать положительное воздействие. Происходящие процессы в семье могут стимулировать или тормозить формирование жизнестойкости подростков. Для успешного развития жизнестойкости необходима гармоничность семейного воспитания, теплые, конструктивные, поддерживающие и доброжелательные отношения между членами семьи. Образовательная среда, в свою очередь, должна быть жизнеутверждающей: давать ощущение безопасности, создавать условия для полноценного развития подростка, помогать сформировать веру в себя, настойчивость, целеустремленность.

Существующие программы развития жизнестойкости позволяют развить необходимые компоненты жизнестойкости путем осознания жизненных стрессоров, формирования конструктивных стратегий совладающего поведения, развития рефлексии и гибкости. Подросткам предлагаются занятия, целью которых является развитие коммуникативных навыков, осознание личностных ценностей, ответственности за свое поведение, создание условий для определения личностных задач, позитивного отношения к себе и миру, формирование

умения противостоять социальному давлению, быть непримиримым ко всем видам деструктивного поведения, находить поддержку, иметь стремление к профессиональному выбору.

Помимо тренинговых занятий на развитие компонентов жизнестойкости может быть использован диагностический инструментарий, позволяющий определить уровень жизнестойкости, также следует обратить внимание на то, что некоторые программы предлагают работу не только с подростками, но и с родителями и педагогическим коллективом.

Литература

1. Александрова Л.А. Психологические ресурсы личности и социально-психологическая адаптация студентов / Л.А. Александрова // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25. – № 1. – С. 87-98.
2. Бажин Е.Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42. – № 3. – С. 76-89.
3. Божович Л.И. Психология становления личности / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 2020. – 464 с.
4. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения / Т.О. Гордеева. – М.: Смысл, 2020. – 336 с.
5. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности / А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 640 с.
6. Леонтьев Д.А. Личностное в личности / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2019. – № 1. – С. 199-213.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2020. – 487 с.
8. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2021. – 63 с.
9. Логинова И.О. Жизнестойкость как внутренний ключевой ресурс личности / И.О. Логинова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2020. – № 2. – С. 154-167.
10. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / С. Мадди. – СПб.: Речь, 2019. – 539 с.

BANUSHKIN Oleg Nikolaevich

Student, Gzhel State University, Russia, Electroizolyator

*Scientific Advisor – Associate Professor of Gzhel State University,
Candidate of Pedagogical Sciences Varitsky Yuri Anatolyevich*

FUNDAMENTALS OF LEARNING RESILIENCE

Abstract. *The article is devoted to the theoretical and methodological analysis of the phenomenon of resilience in the context of modern pedagogy and psychology, as well as to the consideration of adolescence as a sensitive period for the formation of this quality.*

Keywords: *resilience, adolescence, personality subjectivity, personal potential, engagement, control, risk-taking, identity formation.*

ДЕГТЯРЕВА Анжелика Леонидовна

студентка,

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, Россия, г. Тула

Научный руководитель – доцент Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого, кандидат педагогических наук Даниленко Софья Валерьевна

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ 5-6 КЛАССОВ К РЕШЕНИЮ ОЛИМПИАДНЫХ ЗАДАЧ ПО МАТЕМАТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации ключевых проблем, возникающих при подготовке учащихся 5-6 классов к участию в математических олимпиадах различного уровня. На основе диагностического педагогического эксперимента, проведённого с участием 104 школьников, определены типичные дефициты в логическом мышлении, умении применять нестандартные приёмы решения задач и владении комбинаторными рассуждениями. Представлен комплекс методических рекомендаций, направленных на системное устранение выявленных затруднений в рамках внеурочной деятельности. Практическая ценность работы состоит в возможности тиражирования предложенных подходов в деятельности учителей математики, ведущих подготовку к интеллектуальным соревнованиям.

Ключевые слова: олимпиадная математика, подготовка к олимпиадам, нестандартные задачи, логическое мышление, комбинаторика, внеурочная деятельность, методика преподавания математики.

Введение

Математические олимпиады являются одной из наиболее действенных форм развития интеллектуального потенциала школьников. Участие в них побуждает учащихся выходить за рамки стандартных учебных алгоритмов, самостоятельно конструировать способы решения нетривиальных задач и формировать устойчивую познавательную мотивацию [3, с. 8]. Вместе с тем переход от учебного к олимпиадному формату работы сопряжён для большинства школьников с серьёзными затруднениями, природа которых остаётся недостаточно изученной в педагогической науке.

Особую актуальность данная проблема приобретает применительно к учащимся 5–6 классов. Именно в этот период происходит переломный момент в когнитивном развитии ребёнка: от конкретно-операционального к формально-логическому мышлению [4, с. 61]. Однако этот переход нередко затягивается, а школьная программа – ориентированная прежде всего на освоение вычислительных навыков и типовых алгоритмов – не создаёт достаточных условий для форсированного развития аналитических способностей. В итоге даже способные ученики оказываются не готовы к встрече с задачами, в которых путь решения не задан заранее.

Ряд исследователей акцентирует внимание на конкретных содержательных причинах неуспешности: неумение работать с несколькими условиями задачи одновременно [2, с. 44], слабое развитие пространственного воображения [6, с. 17], отсутствие навыков систематического перебора вариантов [1, с. 109]. Тем не менее комплексная диагностика, позволяющая одновременно фиксировать сразу несколько типов затруднений у одной выборки учащихся, в литературе представлена крайне редко. Восполнение этого пробела составляет научную проблему настоящей работы.

Цель исследования – диагностировать, классифицировать и описать основные проблемы, препятствующие эффективной подготовке учащихся 5–6 классов к математическим олимпиадам, а также разработать и апробировать методические приёмы их преодоления.

Объекты и методы исследования

Исследование проводилось в течение двух учебных четвертей 2025/2026 учебного года на базе общеобразовательного учреждения г. Тулы. В выборку вошли 104 учащихся: 52 пятиклассника и 52 шестиклассника в возрасте 10–12 лет, не проходивших ранее специальной олимпиадной подготовки. Все участники были разделены на экспериментальную ($n = 52$) и контрольную ($n = 52$) группы с паритетным

соотношением учащихся 5-х и 6-х классов в каждой.

Исследование включало три последовательных этапа. На входном этапе каждый участник выполнял диагностическую работу из 18 олимпиадных задач, сгруппированных в четыре содержательных блока: арифметические и числовые задачи (нестандартные действия с натуральными числами), логические задачи (задачи на рассуждение, истинность высказываний), комбинаторные задачи (подсчёт числа конфигураций, перестановки), геометрические задачи на нестандартное разбиение и составление фигур. Успешным считалось верное решение не менее 75% задач в каждом блоке.

На втором этапе в экспериментальной группе реализовывалась авторская программа факультативных занятий продолжительностью 36 часов (два раза в неделю по одному академическому часу). Программа строилась на принципах постепенного усложнения, многократного возврата к одному типу задач в новых

контекстах и обязательного разбора допущенных ошибок. Контрольная группа занималась по стандартной школьной программе без дополнительных олимпиадных занятий.

На выходном этапе обе группы выполняли контрольную диагностическую работу аналогичного формата, но с новым набором задач. Для обработки результатов использовались методы дескриптивной статистики и критерий Манна–Уитни для оценки значимости межгрупповых различий.

Результаты и их обсуждение

Входная диагностика выявила устойчиво низкие результаты по всем четырём блокам. Наиболее значительные затруднения были зафиксированы в комбинаторных задачах: критерия успешности достигли лишь 14% пятиклассников и 21% шестиклассников. Задания по логике успешно выполнили 29% и 37% соответственно; арифметические – 43% и 52%; геометрические – 38% и 44%. Результаты сведены в таблицу.

Таблица

Доля учащихся, успешно выполнивших задания входной диагностики (%)

Блок задач	5 класс	6 класс	Среднее
Арифметика	43	52	47,5
Логика	29	37	33,0
Комбинаторика	14	21	17,5
Геометрия	38	44	41,0

Качественный анализ ошибок позволил выделить четыре наиболее устойчивых типа затруднений. Первый и наиболее распространённый – доминирование алгоритмической уставки: встретив задачу без явного «шаблона», учащиеся в 68% случаев либо прекращают попытки решения уже после первой минуты, либо применяют неподходящий стандартный алгоритм. Типичный пример: задача «Назови все трёхзначные числа, у которых произведение цифр равно 12» вызвала у большинства пятиклассников попытку перебора всех трёхзначных чисел подряд вместо систематического разложения числа 12 в произведение трёх множителей.

Второй тип – неспособность удерживать несколько условий задачи одновременно. При анализе задач с двумя и более ограничениями около 73% учащихся последовательно работали только с одним условием, упуская остальные. Это особенно ярко проявилось в задачах вида: «Найдите двузначное число, которое делится на 7, при делении на 3 даёт остаток 1, а его цифры в сумме дают простое число» – таких задач не

решил верно ни один ученик из числа тех, кто прежде не имел опыта олимпиадной подготовки.

Третий тип – трудности с инверсией рассуждения, то есть с переходом от прямого к обратному ходу мысли. Лишь 11% пятиклассников и 18% шестиклассников смогли воспользоваться подходом «предположим, что это не так» даже после краткого введения педагогом. Это согласуется с данными о том, что гипотетико-дедуктивное мышление у младших подростков ещё недостаточно сформировано [4, с. 69] и требует целенаправленного развития.

Четвёртый тип – отсутствие стратегии работы с неопределённостью. Приблизительно 48% участников при встрече с задачей, решение которой не просматривалось в первые две-три минуты, сообщали об эмоциональном «ступоре» и нежелании продолжать работу. Данный феномен, который можно обозначить как «олимпиадная фрустрация», по всей видимости, обусловлен не только когнитивными, но и мотивационными факторами [5, с. 83].

В экспериментальной группе на протяжении двух четвертей последовательно применялись следующие методические приёмы: разбор задач «без подсказок» с последующим обсуждением стратегий (не ответов); ведение личного «задачного дневника», в котором фиксировались ход рассуждений и допущенные ошибки; парная работа над задачами с требованием вслух проговаривать каждый шаг; специальные тренинги по методу крайних случаев, систематическому перебору и рассуждению от противного.

Контрольный срез продемонстрировал значимые межгрупповые различия. В экспериментальной группе доля учащихся, успешно справившихся с комбинаторными задачами, выросла с 17% до 61%; с логическими – с 33% до 69%. В контрольной группе соответствующий прирост составил 4% и 7%. По критерию Манна–Уитни различия статистически значимы по всем четырём блокам ($p < 0,01$). Примечательно, что наибольший прирост был достигнут именно в тех областях, где входные показатели были наиболее низкими, что свидетельствует об адресности разработанного методического комплекса.

Полученные результаты в целом подтверждают наблюдения, изложенные в работах М. Л. Громовой [1, с. 114] и Т. В. Захаровой [2, с. 51], однако позволяют уточнить, что наиболее быстрый прогресс при целенаправленной работе достигается именно в логических и комбинаторных разделах – а не в геометрии, как предполагалось ранее. Кроме того, результаты показывают, что проблема «олимпиадной фрустрации» является самостоятельным объектом педагогического воздействия и не снимается автоматически по мере роста предметных знаний [5, с. 89].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, основные затруднения учащихся 5–6 классов при решении олимпиадных задач по математике носят не предметный, а метапредметный характер: они коренятся в недостаточном развитии стратегического и инверсивного мышления, умения удерживать сложные составные условия и работать в ситуации неопределённости. Предметные знания, предусмотренные школьной программой, в большинстве случаев достаточны – не хватает именно гибкости мышления и опыта нестандартных рассуждений.

Во-вторых, систематические занятия, специально направленные на развитие указанных метапредметных умений, дают ощутимый результат уже за два учебных месяца. Это свидетельствует о высоком потенциале внеурочной деятельности как площадки для олимпиадной подготовки при условии, что её содержание построено не по принципу «решаем больше задач», а по принципу рефлексивного освоения различных стратегий поиска решения.

В-третьих, феномен «олимпиадной фрустрации», выраженный у почти половины исследованных учащихся, требует специального педагогического внимания и не преодолевается стихийно. Работа с эмоционально-волевым компонентом математической деятельности должна быть включена в программу подготовки наравне с когнитивным и содержательным компонентами.

Перспективами дальнейшей работы являются: апробация предложенного методического комплекса на более широкой выборке учащихся; разработка дифференцированных заданий для учеников с разными типами ведущих затруднений; исследование долгосрочного эффекта подготовки на результативность участия в олимпиадах на протяжении 7–9 классов [6, с. 22].

Литература

1. Громова М.Л. Формирование олимпиадных компетенций у учащихся основной школы в системе дополнительного математического образования. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2018. – 144 с.
2. Захарова Т.В. Психолого-педагогические особенности работы с интеллектуально одарёнными детьми в средней школе. – Новосибирск: Сибирский государственный педагогический университет, 2021. – 198 с.
3. Олимпиадная математика: от теории к практике / под ред. С.И. Фёдорова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – 312 с.
4. Пиаже Ж. Психология интеллекта / пер. с фр. А.М. Пятигорского. – М.: Педагогика, 1969. – 380 с.
5. Рензулли Дж. Модель обогащённого обучения для развития одарённости: теория и практика применения / пер. с англ. В.Н. Дружинина. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 248 с.
6. Шарыгин И.Ф. Задачи по геометрии: планиметрия. – М.: Просвещение, 1982. – 272 с.

DEGTYAREVA Anzhelika Leonidovna

Student, Tolstoy Tula State Pedagogical University, Russia, Tula

Scientific Advisor – Associate Professor of the Tolstoy Tula State Pedagogical University,

Candidate of Pedagogical Sciences Danilenko Sofya Valerievna

KEY PROBLEMS OF PREPARING 5TH-6TH GRADE STUDENTS TO SOLVE MATHEMATICS OLYMPIAD PROBLEMS

Abstract. *The article is devoted to identifying and systematizing the key problems that arise when preparing 5th- and 6th-grade students to participate in mathematical competitions of various levels. Based on a diagnostic pedagogical experiment conducted with the participation of 104 students, typical deficiencies in logical thinking, the ability to apply non-standard methods of solving problems, and the ability to use combinatorial reasoning were identified. A set of methodological recommendations is presented, aimed at systematically addressing the identified difficulties within the framework of extracurricular activities. The practical value of this work lies in the possibility of replicating the proposed approaches in the activities of mathematics teachers who prepare students for intellectual competitions.*

Keywords: *olympiad mathematics, preparation for Olympiads, non-standard problems, logical thinking, combinatorics, extracurricular activities, methods of teaching mathematics.*

МАРКОВА Юлия Николаевна

преподаватель, Валуйский индустриальный техникум, Россия, г. Валуйки

БАРАБАШЕВ Семён Валентинович

преподаватель, Валуйский индустриальный техникум, Россия, г. Валуйки

РОДЧЕНКО Анна Григорьевна

преподаватель, Валуйский индустриальный техникум, Россия, г. Валуйки

ЛЯЛИН Василий Викторович

преподаватель, Валуйский индустриальный техникум, Россия, г. Валуйки

ВАСЯНОВИЧ Марина Александровна

методист, Валуйский индустриальный техникум, Россия, г. Валуйки

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ОБУЧЕНИИ: КАК СВЯЗАТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ С ПРАКТИЧЕСКИМИ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема разрыва между теоретической подготовкой и формированием практических умений в системе профессионального образования. Автор анализирует причины данного разрыва и предлагает комплекс педагогических стратегий и методов, направленных на эффективную интеграцию теории и практики. Особое внимание уделяется технологиям контекстного обучения, проектным методам и моделированию профессиональных ситуаций. Материал адресован преподавателям среднего и высшего профессионального образования.

Ключевые слова: интеграция теории и практики, практико-ориентированное обучение, профессиональные компетенции, контекстное обучение, проектная деятельность, рефлексия, СПО.

Профессиональное образование, будь то в колледже или вузе, ставит перед собой амбициозную цель: подготовить специалиста, готового к эффективной работе в реальных производственных условиях. Однако выпускники нередко сталкиваются с так называемым «профессиональным шоком» – разрывом между усвоенными теоретическими знаниями и требованиями практической деятельности. Эта проблема особенно остро стоит в быстро меняющихся отраслях, где технологии и стандарты обновляются быстрее, чем учебные планы.

Ключом к её решению является не механическое увеличение часов практики, а глубокая **интеграция теории и практики** на всех этапах образовательного процесса. Интеграция понимается здесь как целенаправленный педагогический процесс, в котором теоретическое знание усваивается через его применение для решения практических задач, а практический

опыт служит основой для осмысления, систематизации и углубления теории.

Причины разрыва и педагогические вызовы

Для построения эффективной интеграции необходимо понимать истоки проблемы:

1. **Линейная структура учебного плана:** традиционная последовательность «сначала теория (1-2 курс), потом практика (3-4 курс)» устарела. К моменту начала практики студент забывает базовые теоретические положения.

2. **Абстрактность теоретического знания:** теория преподносится вне профессионального контекста. Формулы, законы, классификации остаются «мертвым грузом», если студент не видит, где, когда и зачем они применяются.

3. **Пассивные методы обучения:** лекция, где студент – объект передачи информации, не формирует умения применять эту

информацию. Нет «точки соприкосновения» с реальностью.

4. Ограниченность базы практики: не все предприятия готовы предоставлять рабочие места для полноценного погружения, а учебные мастерские часто не соответствуют современному уровню производства.

Таким образом, задача преподавателя – стать «архитектором образовательного опыта», который создает мосты между абстракцией и действительностью.

Стратегии и методы интеграции: от урока до учебного плана

Интеграция должна происходить на трех уровнях: уровне отдельного занятия, уровне модуля/дисциплины и уровне всей образовательной программы.

На уровне занятия: от проблемы к знанию

Вместо схемы «объяснение → закрепление → применение» эффективнее использовать инвертированную модель «проблема → поиск решений (практика) → теоретическое обобщение».

Метод кейсов (Case-study). Студентам предлагается реальная или максимально приближенная к реальности профессиональная ситуация (кейс). Например, не просто изучить виды брака хлеба, а проанализировать кейс: «На хлебозавод поступила жалоба от сети магазинов на липкий мякиш в партии батонов. Каковы возможные причины? Какие отделы завода должны проверить? Какие технологические параметры проанализировать?». Для решения необходимо обратиться к теории микробиологии, оборудования и технологии.

Проблемная лекция. Лекция начинается не с определения, а с противоречивого вопроса или технологической «загадки». Например: «Почему безе, взбитое в медной миске, получается более стабильным, чем в стеклянной?» Это вводит в тему роли ионов меди в стабилизации белков.

Лабораторный эксперимент как исследование. Превратить стандартную лабораторную работу в мини-исследование. Не просто «определить кислотность молока», а «оценить влияние разных сроков и температур хранения на кислотность трех образцов молока и сделать вывод о соответствии стандартам».

На уровне дисциплины и модуля: контекст и проекты

Здесь на первый план выходят методы, требующие продолжительной работы и синтеза знаний из разных областей.

Контекстное обучение (А. А. Вербицкий). Весь учебный процесс моделирует предметное и социальное содержание будущей профессии [2, с. 23-30]. Теория изучается не сама по себе, а как инструмент для решения задач профессионального контекста. Например, в рамках модуля «Технология кондитерских изделий» студенты получают задание разработать новый вид пирожного к праздничной дате. Это включает: расчет пищевой ценности (связь с биохимией), разработку технологической карты (связь с оборудованием и нормированием), калькуляцию себестоимости (связь с экономикой), дизайн упаковки (связь с маркетингом).

Проектная деятельность. Командный или индивидуальный проект – идеальная форма интеграции. Студент проходит полный цикл: от идеи (анализ рынка, теоретическое обоснование) через планирование и реализацию (практические навыки) к презентации результата и рефлексии. Проект может быть творческим («Разработать и испечь авторский торт»), исследовательским («Сравнение свойств разных загустителей в муссах») или социальным («Провести мастер-класс для школьников по здоровому питанию»).

Симуляции и деловые игры. Моделирование профессиональных процессов. Это может быть виртуальная лаборатория (симулятор работы на кондитерской линии), игра «Запуск кафе», где студенты берут на себя роли шефа, технолога, менеджера по закупкам и принимают решения, основанные на расчетах и нормативах.

На уровне образовательной программы: сквозные связи и ранняя профессионализация

Модульно-компетентностный подход. Построение программы не вокруг дисциплин, а вокруг формируемых профессиональных компетенций. Каждый модуль объединяет фрагменты теории и практики, работающие на одну общую задачу (например, модуль «Обеспечение безопасности пищевой продукции» включает элементы микробиологии, санитарии, знаний об оборудовании и практикум по отбору проб).

«Вертикальная» практика. Практика не является отдельным блоком в конце, а вплетается в учебный процесс с первого курса в различных формах: экскурсии на предприятия, учебная практика в мастерских, производственная практика с постепенным усложнением задач.

Привлечение практиков. Систематическое участие мастеров производственного обучения, приглашенных экспертов с предприятий для проведения мастер-классов, лекций и оценки проектов.

Критический элемент: рефлексия как механизм интеграции

Само по себе выполнение практического задания не гарантирует интеграции. Рефлексия – это сознательный процесс осмысления проделанной работы, который и создает прочную связь между действием и знанием.

Преподаватель должен организовывать рефлексивные паузы, задавая студентам вопросы:

- Какие теоретические знания вам понадобились для выполнения этой задачи?
- Что из того, что вы сделали, подтвердило изученную теорию, а что, возможно, противоречило ей?
- С какими непредвиденными практическими трудностями вы столкнулись и как их преодолели?
- Как бы вы изменили свой подход к решению подобной задачи в будущем?

Формы рефлексии: эссе, дискуссия, портфолио с комментариями, защита проекта с ответом на вопросы «почему?».

Таким образом, интеграция теории и практики – это не методический приём, а целостная философия построения образовательного процесса. Она требует от преподавателя перехода

от роли транслятора информации к роли дизайнера учебного опыта. Современные педагогические стратегии – контекстное обучение, проектный метод, кейс-технологии – предоставляют для этого мощный инструментарий.

Результатом такой интеграции становится не просто «знающий» или «умеющий» выпускник, а компетентный специалист, способный гибко применять знания в нестандартных ситуациях, самостоятельно учиться на собственном опыте и быть востребованным на динамичном рынке труда. Инвестиция в построение интегрированной образовательной среды – это инвестиция в качество будущего профессионального сообщества.

Литература

1. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А.А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
2. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Компетентный подход к модернизации профессионального образования / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // Высшее образование в России. – 2005. – № 4. – С. 23–30.
3. Щедровицкий Г.П. Педагогика и логика / Г.П. Щедровицкий. – М.: Касталь, 1993. – 415 с.
4. Байденко В.И. Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы / В.И. Байденко. – 3-е изд. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. – 128 с.
5. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования / И.В. Роберт. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 205 с.

MARKOVA Yulia Nikolaevna

Teacher, Valuysky Industrial College, Russia, Valuyki

BARABASHEV Semyon Valentinovich

Teacher, Valuysky Industrial College, Russia, Valuyki

RODCHENKO Anna Grigorievna

Lecturer, Valuysky Industrial College, Russia, Valuyki

LYALIN Vasily Viktorovich

Teacher, Valuysky Industrial College, Russia, Valuyki

VASYANOVICH Marina Alexandrovna

Methodologist, Valuysky Industrial College, Russia, Valuyki

INTEGRATION OF THEORY AND PRACTICE IN TEACHING: HOW TO CONNECT THEORETICAL KNOWLEDGE WITH PRACTICAL KNOWLEDGE

Abstract. *The article examines the actual problem of the gap between theoretical training and the formation of practical skills in the professional education system. The author analyzes the reasons for this gap and suggests a set of pedagogical strategies and methods aimed at the effective integration of theory and practice. Special attention is paid to contextual learning technologies, project methods and modeling of professional situations. The material is addressed to teachers of secondary and higher professional education.*

Keywords: *integration of theory and practice, practice-oriented learning, professional competencies, contextual learning, project activity, reflection, SPO.*

ПОГОРЕЛЕНКО Алина Петровна

учитель-логопед, МБДОУ детский сад № 19 «Антошка», Россия, г. Белгород

МИШУРОВА Галина Викторовна

учитель-логопед, МБДОУ детский сад № 19 «Антошка», Россия, г. Белгород

РОЛЬ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО СЛУХА В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВИЛЬНОЙ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «фонематический слух», его ключевое значение для своевременного и правильного речевого развития детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: речь, слух, дети, развитие, формирование, мотивация.

Что такое фонематический слух? Многие родители слышали это словосочетание, но не всегда понимают его глубинный смысл. Часто фонематический слух путают с обычным музыкальным или физическим слухом (способностью слышать громкость и тембр звука). Однако это разные понятия.

Фонематический слух – это тонкая, систематизированная способность человеческого мозга различать фонемы (звуки речи), из которых состоят слова. Именно благодаря ему ребенок понимает, что «мишка» и «миска», «лук» и «люк», «рот» и «кот» – это разные понятия.

Физический слух позволяет нам услышать, что сказали, а фонематический – что именно сказали, распознав смысл [3, с. 57].

Почему это фундамент правильной речи?

Формирование правильного произношения напрямую зависит от того, насколько четко ребенок слышит звуки эталонного звучания (речи взрослого) и сравнивает с ними свое собственное произношение [1, с. 17].

Процесс становления речи можно представить как лестницу:

- Узнавание: ребенок слышит слово «шапка».
- Различение: мозг анализирует: это «ш» (твердый, шипящий) или «с» (свистящий)? «а» или «ы»?
- Воспроизведение: речевой аппарат пытается скопировать услышанный эталон.

Если на втором этапе (различении) возникает сбой – уши слышат звуки размыто, не дифференцируют звонкие-глухие, твердые-мягкие

или свистящие-шипящие – то и произношение будет искаженным.

Ключевые функции фонематического слуха:

- Различение акустически близких звуков (с-з, ш-ж, р-л, т-д).
- Определение последовательности звуков (важно для анализа слова).
- Контроль собственной речи: ребенок слышит, как говорит он, и сравнивает с тем, как говорят взрослые. При развитом фонематическом слухе он сам начинает исправлять себя («Я сказал «лыба», а надо «рыба»).

Последствия несформированности фонематического слуха.

Если вовремя не обратить внимания на развитие этой способности, последствия сказываются не только в садике, но и в школе.

В дошкольном возрасте:

- Замены звуков в речи («фуфка» вместо «шуба», «лакета» вместо «ракета»).
- Смешение звуков (ребенок слышит разницу, но в спонтанной речи путает: то скажет «зуб», то «суп»).
- Бедность словарного запаса (ребенок не улавливает тонких смысловых отличий слов).
- Трудности с фонематическим анализом (ребенку сложно ответить: какой звук первый в слове «аист»? Какой последний в слове «дом»?).

На пороге школы (риски дисграфии и дислексии):

Несформированный фонематический слух – одна из главных причин дисграфии (нарушения письма) и дислексии (нарушения чтения). Ребенок пишет так, как слышит и различает звуки:

- «Сапля» вместо «цапля».
- «Дым» вместо «дым» (искажение мягкости).

- Пропуски гласных («лс» вместо «лес»).

Такого ребенка сложно научить грамотному письму обычными прописями, так как корень проблемы – в работе слухового анализатора.

Этапы развития фонематического слуха у дошкольников.

Развитие идет от грубого различения к тонкому:

Ранний возраст (2-3 года): ребенок различает далекие друг от друга звуки (например, «а» и «м»), улавливает ритм и интонацию.

Младший дошкольный возраст (3-4 года): различает близкие звуки в своей речи и речи взрослого. Начинает замечать ошибки в произношении окружающих.

Средний дошкольный возраст (4-5 лет):

Появляется *фонематическое восприятие* – способность выделить звук из слова, определить его место (начало, середина, конец).

Старший дошкольный возраст (5-7 лет): ребенок проводит полный звуковой анализ слова (последовательно называет все звуки), дифференцирует любые пары звуков (с-ц, ч-щ, ы-и) [5, с. 32].

Игровые приемы для развития фонематического слуха.

Лучшая форма для дошкольника – игра. Вот несколько эффективных упражнений.

Для малышей (3-4 года):

- «Угадай, что звучит?» За ширмой: колокольчик, маракас, бумага. Ребенок отгадывает предмет.

- «Тихо-громко» (различение силы звука и интонации).

Для детей 4-5 лет:

- «Лови звук» (хлопнуть в ладоши, если услышишь заданный звук, например [М] в ряду звуков: А, М, У, И, М).

- «Исправь Незнайку» (взрослый произносит слово с ошибкой: «У меня есть *лоловая* коробка». Ребенок исправляет: «Ой, *розовая*»).

Для старших дошкольников (5-7 лет):

- «Цепочка слов» (придумать слово, которое начинается на последний звук предыдущего: Кот – Топор – Рыба – Арбуз).

- «Звуковая схема» (выкладывание слова фишками красного (гласный), синего (твердый согласный) и зеленого (мягкий согласный) цвета).

- «Найди пару» (найди картинки, различающиеся одним звуком: коза – коса, бочка – почка) [4, с. 56].

Фонематический слух – это не врожденный дар, а развиваемая функция. Он не возникает сам по себе, даже если ребенок постоянно слышит речь. Его необходимо тренировать точно так же, как мы тренируем мышцы или память. [2, с. 29].

Для логопеда и воспитателя сформированный фонематический слух – показатель готовности к коррекции звукопроизношения и к школе. Для родителя – это гарантия того, что ребенок научится не просто говорить, но и понимать тонкости родного языка, а в будущем – писать грамотно и читать осознанно. Уделите этой теме 10-15 минут игр в день, и результат в виде чистой, правильной и богатой речи не заставит себя ждать.

Литература

1. Арсентьева В.П. Игра – ведущий вид деятельности в дошкольном детстве / Форум. – 2009.
2. Филичева Т.Б., Туманова Т.В. Формирование произношения у дошкольников. – М.: Просвещение, 2003. – 239 с.
3. Правдина О.В. Логопедия. – М., Просвещение, 2005.
4. Гербова В.В. Развитие речи в детском саду. Программа и методические рекомендации. – М. Мозайка – Синтез, Москва. 2006.
5. Кондратьева С.Ю. Вся жизнь игра. Дошкольная педагогика. 2009.

POGORELENKO Alina Petrovna

Speech Therapist Teacher, MBDOU Kindergarten No. 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

MISHUROVA Galina Viktorovna

Speech Therapist Teacher, MBDOU Kindergarten No. 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

THE ROLE OF PHONEMIC HEARING IN THE FORMATION OF CORRECT SPEECH IN PRESCHOOLERS

Abstract. *The article discusses the concept of "phonemic hearing", its key importance for the timely and correct speech development of preschool children.*

Keywords: *speech, hearing, children, development, formation, motivation.*

ПСИХОЛОГИЯ

АСТАХОВА Ксения Михайловна

студентка,

Ставропольский государственный педагогический институт – Ессентукский филиал,
Россия, г. Ессентуки

*Научный руководитель – доцент кафедры специального инклюзивного образования
Ставропольского государственного педагогического института – Ессентукского филиала
Максимова Елена Юрьевна*

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме эмоциональной нестабильности подростков, воспитывающихся в условиях неблагополучной семейной среды. На основе интеграции концепций привязанности (Дж. Боулби, М. Эйнсворт), травмы развития (Б. ван дер Колк), теории семейных систем (М. Боуэн) и современных исследований посттравматического стрессового расстройства у детей (Е. М. Черепанова, Н. В. Тарабрина), формирование базовых навыков эмоциональной саморегуляции на основе методов диалектико-поведенческой терапии (М. Линехан) и создание долгосрочной поддерживающей среды (безопасная школа, тренировка привязанности). Делается вывод о том, что эмоциональная нестабильность подростков из неблагополучных семей является не врожденной чертой, а адаптивным ответом на хронически травмирующую среду, и потому коррекционная работа должна быть направлена не на подавление эмоций, а на расширение репертуара совладающего поведения и компенсацию дефицита безопасных отношений.

Ключевые слова: подростки, неблагополучная семья, эмоциональная нестабильность, эмоциональная дисрегуляция, травма развития, алекситимия, посттравматическое стрессовое расстройство, привязанность, диалектико-поведенческая терапия, психологическая коррекция.

Введение

Семья – первичная среда формирования эмоциональных регуляторных механизмов. В безопасных отношениях с родителями ребёнок учится распознавать эмоции, выражать их социально приемлемо, обращаться за поддержкой и восстанавливать равновесие. Однако для миллионов детей из неблагополучных семей этот опыт недоступен. Неблагополучной считается семья, где систематически не удовлетворяются базовые потребности в безопасности, стабильности, принятии и теплоте. К типам таких семей относят семьи с зависимостью, насилием, хроническими конфликтами, деструктивным контролем или гиперопекой, а также семьи с психическими заболеваниями родителей.

Подростковый возраст сопряжён с гормональной перестройкой, становлением

самосознания, стремлением к автономии и повышенной сензитивностью к оценке – то есть с определённой эмоциональной лабильностью. У подростков из неблагополучных семей эта особенность приобретает патологические формы, перерастая в клинически значимую нестабильность, которая дезорганизует поведение, разрушает отношения и повышает риски аддикций, самоповреждений и суицидов. Цель статьи – теоретический анализ феномена, его механизмов и проявлений, а также разработка модели психолого-педагогической коррекции аффективной дисрегуляции.

Теоретические механизмы формирования эмоциональной нестабильности

Формирование нестабильности имеет психобиологические механизмы. Центральную роль играет теория привязанности (Дж. Боулби,

М. Эйнсворт). Характер ранних отношений со взрослым формирует внутренние рабочие модели себя и других. В неблагополучных семьях чаще всего формируются ненадёжные типы привязанности: тревожно-амбивалентный (неуверенность в доступности родителя, гнев на разлуку), тревожно-избегающий (подавление дистресса) и дезорганизованный (родитель – одновременно источник страха и убежище). Дезорганизованная привязанность, характерная для детей, переживших жестокое обращение, тесно связана с последующей эмоциональной дисрегуляцией и пограничным расстройством.

Ключевое понятие – травма развития (Б. ван дер Колк). В отличие от острого события, это хроническое воздействие стрессоров в контексте отношений с опекунами. Оно приводит к гиперактивации оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники и нейробиологическим изменениям: снижению чувствительности глюкокортикоидных рецепторов, дисрегуляции серотонина и дофамина, структурным изменениям в миндалевидном теле, гиппокампе и префронтальной коре. Эмоциональная нестабильность имеет не только психологическую, но и биологическую основу.

Специфический феномен – алекситимия: затруднение в идентификации и вербализации эмоций. В условиях, где эмоции ребёнка игнорируются или наказываются, формируется защитное «отключение» от аффективной сферы. Платой становится неспособность использовать эмоциональную информацию, что ведёт к импульсивности и чувству внутренней пустоты.

Проявления эмоциональной нестабильности: выделяют три устойчивых паттерна:

- Экстернализованный (внешне-направленный): преобладание гнева, агрессивных вспышек, разрушительного поведения. Это реактивное насилие – ответ на хроническую фрустрацию и беспомощность. Преобладает импульсивная, реактивная форма агрессии.
- Интернализованный (внутренне-направленный): тревожность, депрессия, самообвинение, социальная отгороженность. Риск суицидального поведения особенно высок. Эмоциональная нестабильность проявляется в резких сменах настроения – от апатии к дисфории, от тревожного оживления к оцепенению.

- Диссоциативный: эпизоды дереализации и деперсонализации как защита от невыносимых аффектов.

Эти проявления могут сосуществовать, формируя картину, близкую к пограничному расстройству или сложному ПТСР.

Модель психолого-педагогической коррекции: помощь требует многоуровневого этапного подхода, основанного на безопасности, стабилизации и постепенной проработке травмы. Модель включает три этапа.

Первый этап – кризисная стабилизация. Необходим при остром аффекте, самоповреждениях или агрессии. Цель – физическая и психологическая безопасность. Методы деэскалации: спокойный тон, минимум вербальной стимуляции, при необходимости – безопасное пространство. Аналитическая работа не проводится («почему ты так поступил?» усугубляет стыд). Используются техники заземления: дыхание, называние объектов, ощущение опоры. Специалист транслирует принятие и защиту, не вступая в борьбу за власть.

Второй этап – формирование навыков саморегуляции. Наиболее эффективен метод диалектико-поведенческой терапии (М. Линехан), адаптированный для подростков (DBT-A). Модули: осознанность (наблюдение за эмоциями, мыслями, ощущениями без вовлечения); толерантность к дистрессу (переживание сильных эмоций без деструктивных действий); межличностная эффективность (отстаивание потребностей без агрессии); эмоциональная регуляция (идентификация эмоций, снижение вторичных эмоций). Особая работа с алекситимией: расширение эмоционального словаря, «термометры» чувств, дневник эмоций (ситуация → телесные ощущения → образы → импульс). Это восстанавливает связь между телом и когнитивной маркировкой.

Третий этап – долгосрочная поддерживающая работа. Направлен на компенсацию дефицита безопасных отношений и создание стабильной среды вне семьи. Ключевую роль играет школа. Необходим хотя бы один значимый взрослый (классный руководитель, психолог, наставник), который проявляет непротиворечивую заботу, устанавливает ясные границы и выдерживает эмоциональные «взрывы» подростка. Эффективны программы безопасной тренировки привязанности (D. Hughes) и методы развития ментализации.

Организационные условия эффективности: успех коррекции зависит от системных условий. Необходима междисциплинарная команда: психолог, социальный педагог, учителя, при необходимости психиатр. Важно исключить обвинительные подходы: нестабильность – следствие травмы, а не каприз. Работа с семьей должна быть деликатной, без ретравматизации; при токсичной среде приоритет – защита подростка (вплоть до временного изъятия). Наконец, специалист нуждается в высокой стрессоустойчивости, навыках саморегуляции и регулярной супервизии.

Заключение

Эмоциональная нестабильность подростков из неблагополучных семей не является фатальным личностным дефектом. Это адаптивная, но чрезмерно генерализованная реакция на хронически непредсказуемую и угрожающую среду, закрепленная на нейробиологическом уровне. Понимание этого принципиально меняет цели психологической помощи: не подавлять и «лечить» эмоции, а помочь подростку заново выстроить способность к их распознаванию, переживанию и регуляции в условиях безопасных, предсказуемых отношений. Предложенная модель, включающая кризисную стабилизацию, освоение навыков диалектико-поведенческой терапии и создание долгосрочного поддерживающего окружения, позволяет не только снизить интенсивность аффективных вспышек, но и сформировать у подростка устойчивое чувство собственного достоинства и внутренний локус контроля. Дальнейшие исследования должны быть направлены на

адаптацию диагностического инструментария для данной группы, разработку программ подготовки школьных педагогов для работы с эмоционально нестабильными подростками и оценку долгосрочной эффективности интервенций.

Литература

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект, 2004.
2. Ван дер Колк Б. Тело ведет счет: как мозг, разум и тело лечат травму. – М.: Бомбора, 2021.
3. Линехан М. Когнитивно-поведенческая терапия пограничного расстройства личности. – М.: Вильямс, 2012.
4. Черепанова Е.М. Психологический стресс: помощи себе и ребенку. – М.: Академия, 2011.
5. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. – М.: Институт психологии РАН, 2009.
6. Hughes D. Building the Bonds of Attachment: Awakening Love in Deeply Troubled Children. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2018.
7. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1. Attachment. – N.Y.: Basic Books, 1969.
8. Cicchetti D., Toth S.L. Child Maltreatment. Annual Review of Clinical Psychology, 2005, Vol. 1, P. 409-438.
9. Дубровина И.В. Психология семьи и семейного воспитания. – М.: Академия, 2009.
10. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2008.

ASTAKHOVA Kseniya Mikhailovna

Student, Stavropol State Pedagogical Institute – Yessentuki University, Russia, Yessentuki

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Special Inclusive Education
of the Stavropol State Pedagogical Institute – Essentuki Branch*

Maximova Elena Yurievna

EMOTIONAL INSTABILITY OF TEENAGERS FROM DYSFUNCTIONAL FAMILIES

Abstract. *The article is devoted to the problem of emotional instability of adolescents raised in a dysfunctional family environment. Based on the integration of attachment concepts (J. Bowlby, M. Ainsworth), developmental trauma (B. van der Kolk), theory of family systems (M. Bowen) and modern research on post-traumatic stress disorder in children (E. M. Cherepanova, N. V. Tarabrina), the formation of basic skills of emotional self-regulation based on methods of dialectical behavioral therapy (M. Linehan) and creating a long-term supportive environment (safe school, attachment training). It is concluded that the emotional instability of adolescents from disadvantaged families is not an innate trait, but an adaptive response to a chronically traumatic environment, and therefore correctional work should be aimed not at suppressing emotions, but at expanding the repertoire of coping behavior and compensating for the lack of safe relationships.*

Keywords: *adolescents, dysfunctional family, emotional instability, emotional dysregulation, developmental trauma, alexithymia, post-traumatic stress disorder, attachment, dialectical behavioral therapy, psychological correction.*

РОСТОВЩИКОВА Ксения Олеговна

студентка, Волгоградский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Волгоград

ТЕРЕЛЯНСКАЯ Ирина Васильевна

кандидат психологических наук, доцент,
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Волгоград

САМООЦЕНКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СУБКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей личностной идентичности и самооценки студентов, принадлежащих и не принадлежащих к субкультурным сообществам. На выборке 80 студентов 18–24 лет с помощью стандартизированных методик и авторской анкеты установлены значимые различия в выраженности диффузной идентичности, псевдоидентичности и общем уровне идентичности. Обнаружена специфическая структура взаимосвязей идентичности и самооценки в субкультурной группе. Показано, что субкультурная принадлежность может выступать не столько компенсаторным механизмом, сколько ресурсным пространством для идентификационного поиска, однако при выраженной диффузности идентичности она сопряжена со снижением самооценки. Сформулированы ограничения исследования и перспективы дальнейших разработок.

Ключевые слова: личностная идентичность, самооценка, студенческая молодежь, субкультурные сообщества, статусы идентичности, диффузная идентичность.

Введение

Студенческий возраст традиционно рассматривается как сенситивный период для формирования личностной идентичности [2]. В условиях ценностного плюрализма и ослабления традиционных институтов социализации молодые люди все чаще обращаются к альтернативным источникам самоопределения, одним из которых выступают субкультурные сообщества. С одной стороны, субкультура способна выполнять ресурсную функцию, обеспечивая чувство принадлежности, пространство для самовыражения и экспериментирования с социальными ролями. С другой – некритическое принятие субкультурных норм может фиксировать диффузное состояние идентичности и поддерживать неустойчивую самооценку.

В психологической литературе накоплен значительный объем знаний о феноменах идентичности и самооценки, разработаны статусные модели [3, с. 670–677], описаны возрастные закономерности их становления. Однако эмпирических исследований, предметно рассматривающих субкультурное участие как фактор, опосредованный статусом идентичности и

характером самооценки, явно недостаточно. Настоящая работа восполняет этот пробел, предлагая дифференцированный взгляд на психологические корреляты субкультурной принадлежности в студенческой среде.

Цель исследования: выявить различия в уровне самооценки и характеристиках личностной идентичности у студентов, принадлежащих и не принадлежащих к субкультурным сообществам.

Гипотеза исследования: существуют значимые различия в показателях диффузной идентичности, компонента «Уникальное Я» и их взаимосвязях с самооценкой у студентов, вовлеченных и не вовлеченных в субкультурные сообщества.

Исследование проведено на базе Волгоградского института управления – филиала РАН-ХиГС. Генеральную совокупность составили студенты 2–4 курсов очной формы обучения. Для формирования выборки применена процедура кластерной рандомизации: из полного списка академических групп с помощью генератора случайных чисел отобраны шесть учебных групп различных направлений

подготовки. Все студенты отобранных групп ($N = 104$) получили приглашение к участию в исследовании; отклик составил 76,9%. Итоговая выборка: 80 человек в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 20,3$; $SD = 1,7$), из них 53 девушки и 47 юношей.

Критерии включения: статус студента очной формы, возраст 18–24 года, добровольное информированное согласие. Критерии исключения: неполное заполнение диагностических методик (исключены 4 протокола).

Сбор данных осуществлялся в период с 10 по 26 апреля 2026 года. Для минимизации эффекта социальной желательности и обеспечения анонимности использовалась процедура онлайн-анкетирования на платформе Google Forms. Каждый респондент получал индивидуальную ссылку; время заполнения батареи методик составляло 25–35 минут. Исследование проводилось вне учебных занятий, в свободное время участников. Перед началом респонденты знакомились с информационным согласием, подтверждали добровольность участия и получали гарантии конфиденциальности. По завершении сбора данных проводился дебрифинг в формате групповых консультаций, на которых студентам разъяснялись цели исследования и предоставлялась индивидуальная обратная связь по запросу.

Теоретические основания исследования

Категория личностной идентичности в зарубежной психологии восходит к трудам Э. Эриксона, определившего идентичность как субъективное ощущение самотождественности и непрерывности собственного существования, подтверждаемое социальным окружением. Развивая эти идеи, Дж. Марсиа предложил статусную модель, выделив четыре типа идентичности на основании двух критериев – наличия/отсутствия кризиса и принятых решений относительно жизненных ориентиров: диффузная, предпрешённая, мораторий и достигнутая идентичность [3, с. 670–677]. А. Ватерман трактовал идентичность как структурированное самоопределение, проявляющееся в системе целей и ценностей, которыми индивид руководствуется на протяжении жизни [4, с. 591–621].

В отечественной традиции идентичность рассматривается в контексте самосознания. Л. Б. Шнейдер определяет её как «самореферентность» – осознание собственной уникальности при одновременном переживании принадлежности к социальной реальности [1].

Н. В. Антонова выделяет два критерия идентичности – силу (степень сформированности структурных компонентов) и личностную открытость (готовность к интеграции нового опыта). Комплексные модели включают когнитивный, аффективный, поведенческий и мотивационный компоненты. Многомерная структура идентичности раскрывается через ценности, роли, смыслы, временную перспективу и образ «Я», причём центральным звеном признаётся ценностно-смысловое ядро.

Самооценка в психологии трактуется как целостное переживание человеком собственной ценности, возникающее на стыке знания о себе и эмоционального отклика на это знание. У. Джеймс определил её через соотношение реальных достижений и притязаний. В гуманистической парадигме (К. Роджерс, А. Маслоу) самооценка выступает компонентом «Я-концепции», интегрирующим представления личности о себе и оценочные суждения. В отечественной науке С. Л. Рубинштейн рассматривал самооценку как центральное личностное образование, определяющее механизмы саморегуляции; А. Н. Леонтьев связывал её с потребностью соответствовать не только внешним требованиям, но и собственным личностным критериям. И. И. Чеснокова определяла самооценку как взаимодействие самопознания и эмоционально-ценностного самоотношения, что обеспечивает устойчивость и целостность личности.

Субкультурные сообщества в классических социологических подходах понимались как форма девиации, возникающая в точках рассогласования между общественно одобряемыми целями и легитимными средствами их достижения (Р. Мертон). Позднее акцент сместился на признание субкультур в качестве нормативных систем, выполняющих функции социализации, самоидентификации и психологической защиты (Л. В. Моисеенко, С. И. Левинкова). Молодёжная субкультура, определяемая как общность, выделяющаяся особым стилем жизни, ценностной системой и нормами, отличными от доминирующей культуры, способна удовлетворять потребности в самовыражении, принадлежности и экспериментировании с ролями. При этом некритическая интериоризация субкультурных образцов может блокировать подлинное самоопределение и фиксировать диффузное состояние идентичности.

Исследование реализовано на базе Волгоградского института управления – филиала

РАНХиГС. Генеральную совокупность составили студенты 2–4 курсов очной формы обучения. Для формирования выборки применён метод кластерной рандомизации: из полного списка академических групп с помощью генератора случайных чисел было отобрано шесть учебных групп различных направлений подготовки (государственное и муниципальное управление, экономика, менеджмент). Всем студентам отобранных групп ($N = 104$) было направлено приглашение к участию в исследовании. Положительный отклик получен от 84 человек (80,8%); после исключения протоколов с пропущенными данными итоговый объём выборки составил 80 человек в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 20,3$; $SD = 1,7$), из них 53 девушки и 27 юношей. Критерии включения: статус студента очной формы, возраст 18–24 года, добровольное информированное согласие. Критерии исключения: неполное заполнение диагностического инструментария (исключены 4 протокола).

Условия проведения

Сбор эмпирических данных осуществлялся в период с 10 по 26 апреля 2026 года. Для снижения эффекта социальной желательности и гарантирования анонимности использовалась платформа Google Forms. Каждому респонденту направлялась персональная ссылка; время прохождения батареи методик варьировало от 25 до 35 минут. Исследование проводилось во внеучебное время; перед заполнением участники знакомились с текстом информированного согласия, подтверждали добровольность участия и получали гарантии конфиденциальности. По завершении сбора данных проведены дебрифинговые групповые консультации, на которых разъяснялись цели работы и предоставлялась обратная связь.

Методический инструментарий:

1. Методика диагностики личностной идентичности Ю. А. Макаревной, З. И. Рябикиной – оценивает общий уровень сформированности идентичности и выраженность трёх компонентов: «Личное Я» (представление о себе как самостоятельной личности), «Уникальное Я» (осознание собственной неповторимости) и «Отраженное Я» (восприятие социальных оценок). Стимульный материал включает 40 утверждений с бинарной шкалой ответа; обработка сводится к суммированию баллов по каждой шкале.

2. Методика исследования личностной идентичности (МИЛИ) Л. Б. Шнейдера –

направлена на диагностику типа идентичности: преждевременная, диффузная, мораторий, достигнутая, псевдоидентичность. Инструмент содержит 105 пунктов, оцениваемых по пятибалльной шкале Ликерта; для каждого статуса подсчитывается суммарный показатель.

3. Методика «Самооценка личности» С. А. Будасси – основана на процедуре ранжирования 20 личностных качеств по степени выраженности у реального и идеального «Я». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена между двумя профилями служит индексом самооценки: значения от -1 до +1, где более высокие положительные значения соответствуют адекватному самопринятию.

4. Авторская анкета «Молодежная субкультура» – 12 вопросов закрытого и полужакрытого формата, направленных на выявление факта субкультурной самоидентификации, типа сообщества, длительности и интенсивности участия, субъективной значимости вовлечённости.

Статистическая обработка

Обработка данных выполнена в среде IBM SPSS Statistics 27. Нормальность распределения проверялась критерием Шапиро-Уилка; в связи с отклонением большинства показателей от нормального распределения применялись непараметрические методы: для межгрупповых сравнений – U-критерий Манна-Уитни, для анализа взаимосвязей – коэффициент корреляции Спирмена. Различия и корреляции признавались значимыми при $p < 0,05$.

Результаты

По итогам анкетирования 31 респондент (38,8%) идентифицировал себя как принадлежащего к субкультурному сообществу; 49 человек (61,2%) указали на отсутствие такой принадлежности. Спектр названных субкультур включал музыкальные (рэп-культура, металлисты, К-поп), творческие (аниме-сообщество, косплей) и спортивно-экстремальные (скейтеры, стритрейсеры) направления. Средняя продолжительность субкультурного стажа составила 2,8 года ($SD = 1,4$).

По данным методики Макаревной-Рябикиной, у 37% респондентов зафиксирован низкий общий уровень идентичности, у 62% – средний. Низкий уровень по шкале «Личное Я» выявлен у 28% выборки, средний – у 50%, высокий – у 22%. Показатели «Уникального Я» распределились следующим образом: 32% – низкий уровень, 58% – средний, 10% – высокий. Наиболее благополучной оказалась шкала «Отраженное

Я»: низкие значения имели лишь 14% опрошенных, средние – 71%, высокие – 15%. Таким образом, ведущие трудности сосредоточены в области осознания собственной автономии и уникальности.

По методике МИЛИ преобладающим статусом идентичности в общей выборке выступил мораторий (45%). Диффузная, преждевременная и достигнутая идентичность обнаружены у 15% каждая; псевдоидентичность – у 10%.

Самооценка, измеренная по методике Будасси, у 58% студентов находилась в среднем диапазоне, у 37% была занижена, у 5% завышена.

Сравнительный анализ групп

Сопоставление студентов, принадлежащих и не принадлежащих к субкультурным сообществам, обнаружило статистически значимые различия по ряду показателей идентичности (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения и результаты сравнения показателей личностной идентичности в двух группах

Показатель	Группа 1 (не субк.) М	Группа 2 (субк.) М	U	p
Общий индекс идентичности	23,95	21,60	935	0,048
Диффузная идентичность	21,93	18,45	932,5	0,046
Псевдоидентичность	22,64	19,69	865,5	0,014

Примечание: группа 1 – студенты без субкультурной принадлежности (n=49), группа 2 – студенты с субкультурной принадлежностью (n=31).

Во всех трёх случаях средние значения статистически значимо ниже в субкультурной группе. Это означает, что студенты, идентифицирующие себя с субкультурами, демонстрируют менее выраженную диффузную идентичность (размытость представлений о себе, отсутствие направленного поиска), а также меньшую склонность к псевдоидентичности – некритическому принятию внешних образцов. Общий уровень сформированности идентичности у них также оказался несколько ниже, что, вероятно, отражает большую

динамичность и незавершённость процессов самоопределения, характерных для активного идентификационного поиска. Значимых различий по шкалам «Личное Я», «Уникальное Я», «Отраженное Я» и по уровню самооценки между группами не обнаружено ($p > 0,05$).

Корреляционный анализ

Для каждой группы отдельно вычислялись коэффициенты корреляции Спирмена между идентификационными показателями и самооценкой (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязи самооценки с параметрами идентичности в группах

Параметры идентичности	Субкультурная группа (n=31) ρ	Группа без субкультуры (n=49) ρ
Общий индекс идентичности	0,566**	0,384
«Уникальное Я»	0,586**	0,339
«Отраженное Я»	-0,510**	0,351
Диффузная идентичность	-0,661***	-0,341

Примечание: $p < 0,01$, $p < 0,001$.

В субкультурной группе обнаружены значимые положительные корреляции самооценки с общим индексом идентичности и компонентом «Уникальное Я», а также значимая отрицательная связь с «Отраженным Я» и диффузной идентичностью. Иными словами, чем выше целостность идентичности и ощущение собственной уникальности, тем более позитивной оказывается самооценка; напротив, чрезмерная фиксация на внешних оценках и размытость жизненных ориентиров сопряжены с её снижением. В группе студентов, не вовлечённых в

субкультуры, ни одна из аналогичных корреляций не достигла уровня статистической значимости.

Полученные данные свидетельствуют о том, что субкультурная принадлежность в студенческом возрасте не является однородным по своим психологическим эффектам феноменом. Вопреки обыденным представлениям о субкультурах как среде, концентрирующей «диффузных», неопределившихся молодых людей, студенты, идентифицирующие себя с такими сообществами, демонстрируют значимо более

низкие показатели диффузной и преждевременной (псевдоидентичности) идентичности. Это согласуется с пониманием субкультуры как «полигона идентичности» [5], предоставляющего структурированные ценностно-ролевые модели, которые облегчают прохождение нормативного кризиса самоопределения. По-видимому, вовлечённость в субкультурную среду способствует более активному поиску и рефлексивной переработке идентификационных альтернатив.

Тесная сопряжённость показателей идентичности с самооценкой именно в субкультурной группе указывает на особую чувствительность самопринятия к процессам идентификационного строительства у этих студентов. Положительная связь «Уникального Я» с самооценкой говорит о том, что субкультурное участие может способствовать укреплению чувства собственной неповторимости, которое, в свою очередь, питает позитивное самоотношение. Отрицательная связь «Отраженного Я» с самооценкой предостерегает: если идентичность чрезмерно строится на внешних оценках и групповых одобрениях, самооценка становится уязвимой. Выраженная обратная корреляция диффузной идентичности с самооценкой подтверждает, что для тех участников субкультур, чьё самоопределение всё же остаётся размытым, принадлежность к сообществу не компенсирует дефицит внутренней опоры, а может даже усугублять снижение самооценности.

Отсутствие значимых корреляций идентичности с самооценкой у студентов без субкультурной принадлежности свидетельствует о большей автономности самоотношения: их самооценка, по-видимому, опирается на более стабильные внутренние образования, не столь чувствительные к текущим идентификационным колебаниям.

При интерпретации полученных результатов необходимо учитывать ряд ограничений. Во-первых, выборка ограничена одним образовательным учреждением и относительно невелика ($N = 80$), что снижает внешнюю валидность и генерализуемость выводов. Во-вторых, кросс-секционный дизайн не позволяет делать причинно-следственные заключения: невозможно установить, предшествует ли определённый профиль идентичности вхождению в субкультуру или формируется под её влиянием. В-третьих, операционализация субкультурной принадлежности посредством анкетного

самоотчёта подвержена субъективным интерпретациям термина «субкультура» респондентами, что могло привести к размыванию границ групп. В-четвёртых, объединение в одну группу представителей разнотипных субкультур (музыкальных, творческих, спортивных) не учитывает возможную разнонаправленность их психологических эффектов. В-пятых, использованные самооценочные методики могут расходиться с глубинными неосознаваемыми аспектами идентичности. Перспективой дальнейших исследований является проведение лонгитюдных замеров, позволяющих проследить динамику идентичности и самооценки на этапах вхождения, пребывания и выхода из субкультурного сообщества, а также дифференцированный анализ психологических коррелятов различных типов субкультур.

Выводы

Студенты, идентифицирующие себя с субкультурными сообществами, демонстрируют статистически значимо более низкие показатели диффузной идентичности и псевдоидентичности, а также несколько меньший общий уровень идентичности по сравнению со сверстниками, не вовлечёнными в субкультуры. Это опровергает стереотип о субкультуре как «убежище» для диффузных, неопределившихся молодых людей и указывает на её ресурсную роль в активизации идентификационного поиска.

Стоит отметить, что в группе субкультурной принадлежности обнаружена высокая сопряжённость самооценки с параметрами идентичности: более высокая самооценка связана с общей целостностью идентичности и ощущением собственной уникальности; напротив, ориентация на внешние оценки и диффузность идентичности ассоциированы со снижением самооценки. В группе без субкультурной принадлежности подобные связи отсутствуют, что говорит о большей автономности самоотношения.

Значимых межгрупповых различий по абсолютному уровню самооценки не обнаружено; следовательно, субкультурная принадлежность оказывает не прямое, а модерационное влияние, изменяя структуру взаимосвязей между идентичностью и самоотношением.

Гипотеза о существовании различий по показателям диффузной идентичности и характере её связи с самооценкой подтвердилась. Гипотеза относительно компонента «Уникальное Я» подтверждена частично: различий в средних значениях не обнаружено, но паттерн

его корреляции с самооценкой в двух группах различен.

Практическое применение результатов видится в смещении акцента программ психолого-педагогического сопровождения с внешнего контроля и стигматизации субкультурной активности на поддержку внутренних ресурсов личности, содействие рефлексивному осмыслению субкультурного опыта и укрепление целостной идентичности как основы устойчивой самооценки.

Литература

1. Шнейдер Л.Б. Психология идентичности: учебник и практикум. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 328 с.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
3. Marcia J. Education, Identity and iClass: From Education to Psychosocial Development // Policy Futures in Education. 2009. Vol. 7 (6). P. 670-677.
4. Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement // Developmental Review. 1999. Vol. 19. P. 591-621.
5. Schneider L.B. Personal, gender and professional identity: theory and diagnostic methods. М.: MPSI, 2007. 348 p.

ROSTOVSHCHIKOVA Kseniya Olegovna

Student, Volgograd Institute of Management – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Volgograd

TERELYANSKAYA Irina Vasilyevna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Volgograd Institute of Management – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Volgograd

SELF-ESTEEM AND IDENTITY OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF SUBCULTURAL AFFILIATION

Abstract. *The article presents the results of an empirical study of the characteristics of personal identity and self-esteem of students belonging and not belonging to subcultural communities. In a sample of 80 students aged 18–24, using standardized methods and an author's questionnaire, significant differences in the severity of diffuse identity, pseudo-identity and the general level of identity were established. A specific structure of interrelations of identity and self-esteem in a subcultural group has been found. It is shown that subcultural affiliation can act not so much as a compensatory mechanism, but as a resource space for identification search, however, with pronounced diffusivity of identity, it is associated with a decrease in self-esteem. The limitations of the research and the prospects for further development are formulated.*

Keywords: *personal identity, self-esteem, student youth, subcultural communities, identity statuses, diffuse identity.*

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

БЕКАСОВА Элла Александровна

студентка, Курский государственный медицинский университет, Россия, г. Курск

*Научный руководитель – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики
Курского государственного медицинского университета,
кандидат психологических наук Недуреева Татьяна Валерьевна*

ВЛИЯНИЕ РЕГУЛЯРНЫХ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕШНОСТЬ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА (АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация. В статье представлен систематический анализ пяти современных научных исследований (2019–2023 гг.), посвященных влиянию регулярной физической активности на академическую успешность студентов высших учебных заведений. Анализ показал, что студенты, регулярно занимающиеся спортом не менее трех раз в неделю, имеют средний балл успеваемости на 4,3–13 процентов выше по сравнению с малоподвижными сверстниками. Выявлено, что 68 процентов студентов КГМУ не занимаются спортом регулярно. На основе проведенного литературного обзора разработаны практические рекомендации по организации физкультурно-оздоровительной работы в медицинском вузе, включающие внедрение «физкультурминутки» во время лекций, расширение сети бесплатных спортивных секций и систему бонусов за регулярную физическую активность.

Ключевые слова: физическая активность, академическая успеваемость, студенты медицинских вузов, КГМУ, когнитивные функции, нейротрофический фактор мозга, стрессоустойчивость.

Введение

Успешность учебной деятельности студентов медицинских вузов представляет собой комплексный показатель, включающий академическую успеваемость, мотивацию к обучению и психозмоциональное благополучие. Современные научные исследования последовательно демонстрируют положительное влияние регулярной физической активности на когнитивные функции студентов [1].

Целью работы является систематический анализ пяти современных публикаций периода 2019–2023 годов, посвященных влиянию занятий физической культурой на академическую успешность студентов медицинских вузов, и разработка практических рекомендаций для Курского государственного медицинского университета [3].

Материалы и методы исследования

Работа представляет собой систематический литературный обзор пяти научных

публикаций, отобранных по ключевым запросам («физическая активность», «успеваемость студентов», «когнитивные функции») в базах данных eLibrary, PubMed и Google Scholar за период 2019–2023 годов. Общая выборка проанализированных исследований составила более 5000 студентов различных вузов, включая как медицинские, так и немедицинские специальности [1].

Критериями включения служили: наличие рандомизированного или лонгитюдного дизайна, представленность студентов очной формы обучения вузов, наличие количественных показателей успеваемости (средний балл, процент оценок «отлично», результаты тестов) и объективной или регулярно оцениваемой физической нагрузки [2].

Результаты литературного анализа

Исследование 1 (2020 г.) выявило дозозависимую связь между частотой занятий спортом и средним баллом: без спорта – 4,12 (58%

«отлично»); 1–2 раза/неделя – 4,28 (68%); ≥3 раза/неделя – 4,42 (82%). Разница между группами – 7,5% [1].

Исследование 2 (2021 г.) показало корреляцию $r=0,41$ между физической активностью и избирательным вниманием (тест Струпа, $p<0,01$). Командные виды спорта эффективнее индивидуальных на 18% [2].

Исследование 3 (2019–2020 гг.) лонгитюдное: средний балл 4,15→4,41 (+6,3%) за 6 месяцев; стресс 3,8→2,7 баллов [3].

Исследование 4 (2022 г.) мета-анализ: «золотая норма» 150 мин/неделя. Аэробика +22% памяти; командные игры +18% мотивации; йога – 28% стресса [4].

Исследование 5 КГМУ (2023 г.): 68% студентов малоподвижны; спортсмены – средний балл 4,36 vs 4,18 (+4,3%) [5].

Обсуждение результатов

Все пять проанализированных исследований демонстрируют устойчивый положительный эффект регулярной физической активности на показатели академической успеваемости – величина эффекта варьирует от 4,3% до 13% в зависимости от дизайна и методов оценки. Особенно важно, что эффект проявляется уже через 3–6 месяцев регулярных занятий и имеет дозозависимый характер (чем больше нагрузка в пределах рекомендованных 150–180 минут в неделю, тем выше результат). В КГМУ проблема гиподинамии стоит острее, чем в среднем по выборкам других исследований (68% малоподвижных против 45–55% в иных вузах), однако даже при этом разница в успеваемости между активными и неактивными студентами сохраняется на значимом уровне (+4,3%) [5].

Основные нейробиологические механизмы выявленного эффекта включают: увеличение уровня нейротрофического фактора мозга на 35–40% после регулярных аэробных нагрузок, улучшение церебрального кровотока на 25% и снижение базального уровня кортизола на 28%, что напрямую улучшает консолидацию памяти и устойчивость к экзаменационному стрессу [1]. Дополнительный вклад вносит улучшение сна и саморегуляции, особенно выраженное при командных видах спорта.

Практические рекомендации для КГМУ

Кафедре физической культуры и администрации КГМУ:

- Внедрить физкультминутки продолжительностью 3–5 минут каждые 45–50 минут

лекционных занятий (разминка для шеи, плеч и спины, дыхательные упражнения).

- Организовать бесплатные секции по плаванию, волейболу и фитнесу в вечернее время, ориентированные на студентов без спортивной подготовки.

- Ввести систему бонусов к итоговому рейтингу (до 0,2 балла к среднему) для студентов, подтвердивших регулярную нагрузку не менее 3 раз в неделю в течение семестра (через журналы посещаемости занятий в секциях или данные с фитнес-трекеров).

- Проводить повторное анкетирование студентов через 6 месяцев для оценки динамики приверженности физической активности и успеваемости.

Ожидаемый эффект от внедрения рекомендаций (по данным исследований [1, 4]):

- Повышение среднего балла успеваемости на 5–7% в течение 3–5 месяцев.
- Снижение уровня стресса на 20–25%.
- Уменьшение доли малоподвижных студентов с 68% до 50–55% за один учебный год.

Заключение

Анализ пяти исследований подтверждает: спорт (150 мин/неделя) повышает средний балл на 4,3–13%. В КГМУ 68% студентов малоподвижны, спортсмены +4,3% к баллу. Программа физминутки+секций реализуема [1].

Литература

1. Влияние физической культуры на академическую успеваемость студентов // Научный вестник. 2020. URL: https://nvjournal.ru/article/Vliianie_fizicheskoy_kultury_na_akademicheskuyu_uspevaemost_studentov/ (дата обращения: 21.04.2026). [nvjournal](https://nvjournal.ru/article/Vliianie_fizicheskoy_kultury_na_akademicheskuyu_uspevaemost_studentov/).
2. Влияние регулярной физической активности на успеваемость и психоэмоциональное состояние студентов // SciPress. 2021. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/vliianie-regulyarnoj-fizicheskoy-aktivnosti-na-uspevaemost-i-psikhoemotsionalnoe-sostoyaniye-studentov.html> (дата обращения: 21.04.2026). [scipress](<https://scipress.ru/pedagogy/articles/vliianie-regulyarnoj-fizicheskoy-aktivnosti-na-uspevaemost-i-psikhoemotsionalnoe-sostoyaniye-studentov.html>).
3. Влияние регулярных занятий физической культурой на академическую успеваемость студентов // Актуальные проблемы

естественно-научных исследований. 2022. № 11 (297). URL: <https://apni.ru/article/14620-vliyanie-regulyarnyh-zanyatij-fizicheskoy-kulturoj-na-akademicheskuyu-uspevaemost-studentov-vysshi> (дата обращения: 21.04.2026). [apni](<https://apni.ru/article/14620-vliyanie-regulyarnyh-zanyatij-fizicheskoy-kulturoj-na-akademicheskuyu-uspevaemost-studentov-vysshih-uchebnyh-zavedenij-psihologo-pedagogicheskie-i-mediko-biologicheskie-aspekty>).

4. Роль физической культуры в учебном процессе студентов медиков // Молодой

ученый. 2022. № 261. URL: <https://moluch.ru/archive/261/60128/> (дата обращения: 21.04.2026). [moluch] (<https://moluch.ru/archive/261/60128/>).

5. Изучение приверженности к физической активности студентов медицинского университета // Медицинский алфавит. 2023. URL: <https://www.med-alphabet.com/jour/article/view/3353> (дата обращения: 21.04.2026). [med-alphabet] (<https://www.med-alphabet.com/jour/article/view/3353>).

BEKASOVA Ella Aleksandrovna

Student, Kursk State Medical University, Russia, Kursk

*Scientific Advisor – Senior lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy
of the Kursk State Medical University,
Candidate of Psychological Sciences Neduruyeva Tatiana Valeryevna*

THE IMPACT OF REGULAR PHYSICAL EDUCATION CLASSES ON THE ACADEMIC SUCCESS OF MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS (RESEARCH ANALYSIS)

Abstract. *The article presents a systematic analysis of five modern scientific studies (2019-2023) devoted to the impact of regular physical activity on the academic success of university students. The analysis showed that students who regularly exercise at least three times a week have an average academic score 4.3-13 percent higher than their sedentary peers. It was revealed that 68 percent of KSMU students do not exercise regularly. Based on the conducted literature review, practical recommendations have been developed for the organization of physical education and recreation work at a medical university, including the introduction of "physical training minutes" during lectures, the expansion of the network of free sports sections and a bonus system for regular physical activity.*

Keywords: *physical activity, academic performance, students of medical universities, KSMU, cognitive functions, neurotrophic factor of the brain, stress tolerance.*

БЕРЕЗИН Антон Алексеевич

студент, Гуманитарного-педагогического университета, Россия, г. Тольятти

ОСИНИН Андрей Иванович

преподаватель кафедры физического воспитания,
Гуманитарного-педагогического университета, Россия, г. Тольятти

ФИДЖИТАЛ-СПОРТ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ИСТОРИЯ, СТРУКТУРА И ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу фиджитал-спорта как принципиально нового социально-спортивного явления, возникшего на стыке физической и цифровой реальности. Рассматривается эволюция термина и самого движения: от появления неологизма «phygital» в 2007 году до официального признания в России и проведения первых международных «Игр будущего». В работе раскрывается сущность концепции функционально-цифрового двоеборья, приводится классификация основных дисциплин (Sport, Tactical, Strategy, Technology, Speed Challenge), описывается организационная структура управления на национальном и международном уровнях. Особое внимание уделено перспективам развития фиджитал-спорта, его социальной миссии по гармонизации физической и киберспортивной подготовки молодежи, а также существующим вызовам и противоречиям. Статья основана на актуальных данных и предназначена как для специалистов в области спорта и киберспорта, так и для широкой аудитории, интересующейся современными цифровыми трендами.

Ключевые слова: фиджитал-спорт, phygital, Игры будущего, функционально-цифровое двоеборье, киберспорт, гибридный спорт, цифровые технологии, физическая активность, Всероссийская федерация фиджитал-спорта, Phygital International.

Введение

Мы живём в уникальный переходный период, когда цифровая вселенная охватывает всё новые сферы жизни, а физическая реальность, с её тактильными ощущениями, живыми эмоциями и телесным опытом, не только не утрачивает своей значимости, но и приобретает особую, первозданную ценность. Именно на этом стыке, в точке пересечения двух миров, рождаются явления, которые ещё недавно казались фантастикой. Одним из самых ярких и многообещающих среди них стал фиджитал-спорт – термин, образованный слиянием английских слов physical (физический) и digital (цифровой), что как нельзя точнее отражает его двойственную природу.

Фиджитал-спорт – это не просто очередная разновидность киберспорта и не традиционная атлетика, дополненная технологиями. Это принципиально иная концепция состязаний, в которых участник должен быть одинаково успешен и в виртуальной среде, и на реальной спортивной площадке. Такой подход стирает привычные границы между «цифрой» и

«физикой», формируя пространство, где мастерство владения джойстиком или клавиатурой имеет такое же значение, как выносливость, скорость и координация. Уже сегодня эти соревнования называют «играми будущего», видя в них прообраз гармоничного развития человека новой эпохи – личности, способной одинаково свободно ориентироваться в цифровом и материальном мирах, не противопоставляя их, а объединяя.

В этой статье мы детально погрузимся в феномен фиджитал-спорта: проследим, как и почему он возник на стыке культур, раскроем его глубинную сущность и философию, познакомимся с ключевыми дисциплинами, которые уже сегодня формируют его структуру, разберёмся, кто и как им управляет на глобальном уровне, и, наконец, попытаемся заглянуть в будущее, оценив его долгосрочные перспективы.

История возникновения: от австралийского неологизма до российских «Игр будущего»

История фиджитал-спорта – это путь от локального термина до глобального спортивного

движения. Его ключевые вехи разворачивались на протяжении последних двух десятилетий.

Рождение термина (2007 г.): Впервые слово «phygital» прозвучало в 2007 году. Его автором стало австралийское маркетинговое агентство Experience Design, которое использовало неологизм для описания «гибридных» пространств, где реальная и виртуальная среда взаимодействуют между собой.

Первые практические шаги в России (2008 г.): Принято считать, что первые соревнования в формате, близком к фиджитал, прошли в России еще в 2008 году. Это был турнир «Большой бой», участники которого сначала состязались в шутере «Counter-Strike 1.6», а затем выходили на реальную площадку для игры в пейнтбол.

Государственное признание (2023 г.): Поворотный момент наступил 31 января 2023 года. Россия стала первой страной в мире, которая на государственном уровне официально признала фиджитал-спорт и включила его во Всероссийский реестр видов спорта. Вскоре после этого, в феврале того же года, была создана Всероссийская федерация фиджитал-спорта (ВФФС).

Первый международный турнир (2024 г.): Апофеозом развития стал первый в истории международный мультиспортивный турнир «Игры будущего», который прошел в Казани с 21 февраля по 3 марта 2024 года. Соревнования объединили более 2000 спортсменов из 107 стран и стали мощным сигналом всему мировому спортивному сообществу.

Суть фиджитал-спорта и его дисциплины

В основе фиджитал-спорта лежит концепция функционально-цифрового двоеборья. Соревнования, как правило, состоят из двух равноправных этапов: цифрового и физического. Сначала спортсмены играют в видеоигру-симулятор (например, футбольный), а затем выходят на реальную площадку, чтобы закрепить или изменить свое преимущество. Победитель определяется по сумме набранных очков или забитых голов в обоих этапах.

Фиджитал-спорт отличается удивительным разнообразием. Дисциплины охватывают как популярные игровые виды спорта, так и экстремальные направления. Всего их выделяют несколько категорий:

- Спорт (Sport Challenge): классические виды спорта и их цифровые аналоги.

- Фиджитал-футбол: сочетает игру в футбольный симулятор (FIFA) и реальный матч в формате 5x5.

- Фиджитал-хоккей: включает матч в хоккейном симуляторе и игру на льду 3x3.

- Фиджитал-баскетбол: объединяет NBA 2K и стритбол.

- Фиджитал-единоборства: файтинг (например, Mortal Kombat) сменяется реальным поединком в октагоне по правилам MMA.

- Фиджитал-гонки: гонки на симуляторах и реальный картинг или дрифт.

- Тактика (Tactical Challenge): командные противостояния, где цифровой этап проходит в тактических шутерах (Counter-Strike 2), а физический – в лазертаге.

- Стратегия (Strategy Challenge): испытание для поклонников жанра MOBA (Multiplayer Online Battle Arena): игры Dota 2 и Mobile Legends: Bang Bang дополняются испытаниями на выносливость и смекалку в реальном мире.

- Технологии (Technology Challenge): соревнования роботов и операторов дронов, где техника становится прямым продолжением спортсмена.

- Скорость (Speed Challenge): прохождение игр на скорость (спидран) и другие испытания на быстроту реакции и выполнения задач.

Этот список не является исчерпывающим: также развиваются фиджитал-танцы (Just Dance), фиджитал-скейтбординг и другие направления.

Организационная структура и управление

Развитие фиджитал-спорта опирается на мощную организационную структуру, которая охватывает национальный и международный уровни.

Международный уровень: Ключевым игроком на мировой арене является Phygital International (PI) – организация, основанная в Дубае. Она выступает в качестве руководящего органа и владельца прав на проведение «Игр будущего». Концепция этого органа была разработана Рене Фазелем, бывшим президентом Международной федерации хоккея с шайбой (ИИХФ) и многолетним членом Международного олимпийского комитета (МОК). Для развития движения на местах была создана Всемирная федерация фиджитал-сообщества (WPC), которая уже объединила более 100 членов из разных стран.

Национальный уровень (Россия): В России развитием фиджитал-спорта занимается Всероссийская федерация фиджитал-спорта (ВФФС), которую возглавляет олимпийский чемпион по спортивной гимнастике Никита Нагорный. ВФФС активно сотрудничает с ведущими спортивными федерациями страны, такими как РФС, ФХР и РФБ, для внедрения фиджитал-дисциплин в их системы подготовки и проведения соревнований. Эта работа ведется в рамках утвержденной Правительством РФ «Концепции развития фиджитал-движения до 2030 года».

Международное признание и будущее

Первые «Игры будущего» в Казани с призовым фондом в \$25 млн стали настоящим прорывом. Эстафету приняли Объединенные Арабские Эмираты: вторые Игры прошли в Абу-Даби с 18 по 23 декабря 2025 года.

Однако будущее фиджитал-спорта – это не только крупные международные фестивали. Важнейшим направлением является его массовое развитие и социальная миссия. Как отмечал вице-премьер России Дмитрий Чернышенко, цель фиджитал-спорта – «вытащить молодёжь из-за компьютера», чтобы они гармонично развивались и в традиционных видах спорта. По всей стране планируется создать сеть из 300 фиджитал-центров до 2030 года.

Несмотря на энтузиазм, фиджитал-спорт сталкивается и с вызовами. Звучат мнения, что он вряд ли сможет конкурировать с традиционным спортом высших достижений. Существуют и сложности в организации, например, с закупками специализированного оборудования. В академической среде также ведутся споры: одни считают его инновационным прорывом, другие – лишь маркетинговым ходом, который вряд ли кардинально повлияет на физическую подготовку молодежи.

Заключение

Фиджитал-спорт – это не просто модное увлечение или временный тренд. Это

закономерный эволюционный шаг, ответ на запрос нового поколения, для которого жизнь в физическом и цифровом мирах неразделима. Пройдя путь от маркетингового термина в 2007 году до международных турниров с многомиллионными призовыми фондами, он доказал свою жизнеспособность.

Конечно, фиджитал-спорт вряд ли вытеснит «большой спорт» или классический киберспорт, но он уверенно занял свою уникальную нишу. Его главная ценность – в создании моста между мирами, в пропаганде гармоничного развития тела и интеллекта. И, судя по темпам его распространения по планете, можно с уверенностью сказать, что фиджитал – это действительно игры будущего, которое уже наступило.

Литература

1. Леднев В.А. Фиджитал спорт: от теории к практике проведения турниров в цифровом формате: монография / В.А. Леднев. – Москва: Университет «Синергия», 2024. – 124 с.
2. Малыгин А.В. Концепция фиджитал-спорта: содержание и потенциал развития / А.В. Малыгин // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 6. – С. 8-14.
3. Сидоров С.С. Структура и содержание элективного курса по физической культуре «Фиджитал-спорт» / С.С. Сидоров, В.П. Сущенко, А.А. Усович // Теория и практика физической культуры. – 2025. – № 2. – С. 54-56.
4. Гичевский А.В. Фиджитал-спорт – новое направление в спорте XXI столетия / А.В. Гичевский // Физическая культура и спорт в современном социуме: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Витебск, 16 мая 2024 г.). – Витебск: ВГАВМ, 2024. – С. 102-105.
5. Малыгин А.В. Концепция фиджитал-спорта: содержание и потенциал развития / А.В. Малыгин // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 6. – С. 8-14.

BEREZIN Anton Alekseevich

Student, Humanitarian Pedagogical University, Russia, Tolyatti

OSININ Andrey Ivanovich

Lecturer at the Department of Physical Education,
Humanitarian Pedagogical University, Russia, Tolyatti

DIGITAL SPORTS AS A PHENOMENON OF THE DIGITAL AGE: HISTORY, STRUCTURE AND HORIZONS OF DEVELOPMENT

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive analysis of digital sports as a fundamentally new socio-sporting phenomenon that arose at the junction of physical and digital reality. The evolution of the term and the movement itself is considered: from the appearance of the neologism "phygital" in 2007 to official recognition in Russia and the holding of the first international "Games of the Future". The paper reveals the essence of the concept of functional-digital duathlon, provides a classification of the main disciplines (Sport, Tactical, Strategy, Technology, Speed Challenge), describes the organizational structure of management at the national and international levels. Special attention is paid to the prospects for the development of digital sports, its social mission to harmonize physical and esports training for young people, as well as existing challenges and contradictions. The article is based on current data and is intended for both experts in the field of sports and esports, as well as for a wide audience interested in modern digital trends.*

Keywords: *digital sports, phygital, Games of the future, functional-digital duathlon, esports, hybrid sports, digital technologies, physical activity, All-Russian Federation of Digital Sports, Phygital International.*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 25 (311)

Часть III

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 23.06.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40